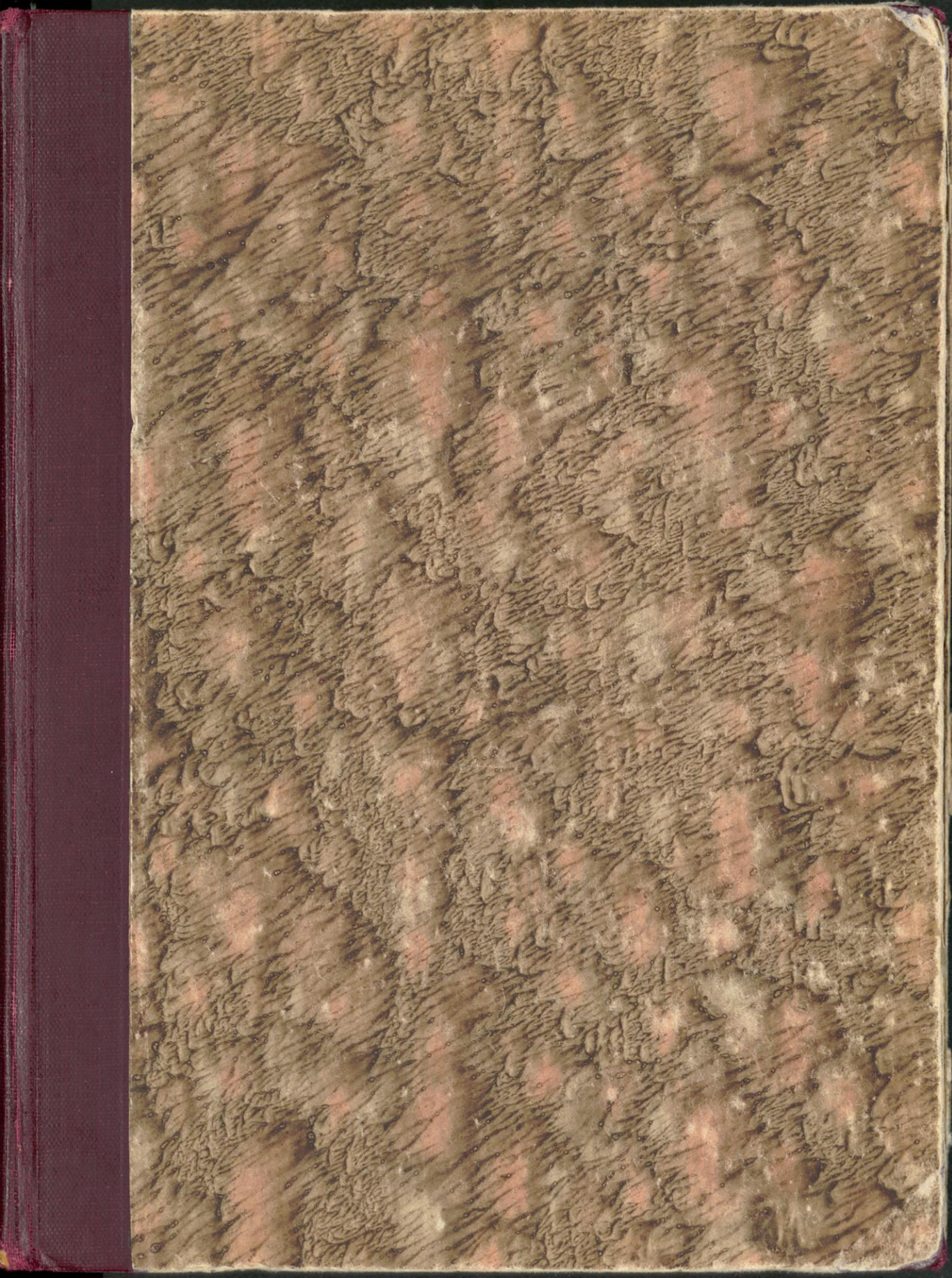
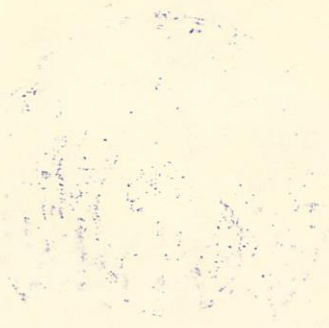

СТРѢЛЕЦЪ

1

СПРЪ
СЦЪ

СБ. I
ПОДЪ РЕД. А. БЕЛЕНСОНЪ

А. БЛОКЪ
Д. БУРЛЮКЪ
Н. БОРЕННОВА
З. ВЕНКРОВА
Л. ВИЛЬКИНЪ
В. КАМЦЕНСКИЙ
А. КРУЗЕННЫХЪ
М. КУЗМИНЪ
Н. КУЛЬБИНА
БЛИВШИЦА
А. ЛУРЬЕ
В. МАЯКОВСКИЙ
А. РЕМИЗОВЪ
В. СОЛОГУБЪ
В. ХЛОБНИКОВЪ
А. БЕЛЕНСОНЪ

А. ШЕМШУРИНЪ

СТРѢЛЕЦЪ

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

Подъ редакціей
АЛЕКСАНДРА БЕЛЕНСОНА.

А. БЛОКЪ.
Д. БУРЛЮКЪ.
З. ВЕНГЕРОВА.
Л. ВИЛЬКИНА.
Н. ЕВРЕИНОВЪ.
В. КАМЕНСКІЙ.
А. КРУЧЕНЫХЪ.
М. КУЗМИНЪ.
Н. КУЛЬБИНЪ.
Б. ЛИВШИЦЪ.
А. ЛУРЬЕ.
В. МАЯКОВСКІЙ.
А. РЕМИЗОВЪ.
Ө. СОЛОГУБЪ.
В. ХЛѢБНИКОВЪ.
А. ШЕМШУРИНЪ.
А. БЕЛЕНСОНЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Обложка работы
Н. КУЛЬБИНА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
,СТРѢЛЕЦЪ'
СПАССКАЯ, 17.

Типографія А. Н. ЛАВРОВЪ и К^о. Петроградъ, улица Гоголя, № 9.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Англійскіе футуристы З. Венгеровой	93
Буйный пажъ, стих. Л. Вилькиной,	107
Бурлюкъ Д.—рисунокъ	70
Бурлюкъ Д.—рисунокъ	130
Голубая дама, съ картины Врубеля	202
Голубыя панталоны, стих. А. Беленсона	194
Голубыя панталоны, рисун. О. Розановой	194
Дѣйство о Теофилѣ—пѣса Рютбефа, перев. А. Блока	3
Желѣзобетонная поэма, А. Шемшурина	165
Изъ жизни моего пріятеля, стих. А. Блока	54
Измѣна, разсказъ М. Кузмина	61
Колыбайка, стих. В. Каменскаго	77
Кубизмъ—Н. Кульбина	197
Кульбинъ, стих. А. Беленсона	192
Къ музыкѣ высшаго хроматизма Артура Лурве	81
Ленгуловъ А.—рисунокъ	32
Лѣтніе стихи, М. Кузмина	69
Московскіе стихи, А. Беленсона	193
На Удѣльной, стих. А. Крученыхъ	109
Облако въ штанахъ, стих. В. Маяковскаго	88
Образчики добраго Оомы, разсказъ М. Кузмина	133
Объ отрицаніи театра Н. Евреинова	35
Озаренія—А. Рэмбо, перев. Ѳ. Сологуба	173
Павловскъ, стих. Б. Лившица	108
Плодоносящіе, стих. Д. Бурлюка	57
Подъ сводами Утрехтскаго собора, стих. Ѳ. Сологуба	68
Портретъ англичанки, рисун. У. Люиса	104
Портретъ Маринетти, рисун. Н. Кульбина	78

Поэмія о Хапсу—В. Каменскаго	73
Приспань, рисун. О. Розановой	110
Пространство—гласныхъ, стих. Д. Бурлюка	58
Разбойныя—безшабашныя, стих. В. Каменскаго	160
Ребятишкамъ картинки—А. Ремизова	84
Россія въ письмахъ—А. Ремизова	113
Сафо, рисун. Н. Кульбина	208
Сельская очарованность, стих. В. Хлѣбникова	157
Синякова М.—рисунокъ	154
Танцовщица, рисун. О. Розановой	58
Фронтиспись, рисун. В. Бурлюка	216

РЮТБЕФЪ (RUTEBEUF), ТРУВЕРЪ XII—XIII ВЪКА.

ДѢЙСТВО О ТЕОФИЛЪ (LE MIRACLE DE THÉOPHILE).

Переводъ со старофранцузскаго Александра Блока.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

3

Теофилъ, исторія котораго обработана въ XII столѣтіи на народномъ языкѣ въ забавной драматической формѣ ‚миракля‘ (чуда)—историческое лицо. Это былъ ‚экономъ‘, vidame одной церкви въ Киликіи около 538 года. Событія его жизни издавна занимали духовныхъ и свѣтскихъ писателей. Исторія Теофила первоначально написана по гречески его ученикомъ Евпихіаномъ и переведена въ прозѣ на латинскій языкъ діаконъ Павломъ изъ Неаполя.

Извѣстная Гросвита Гандерсгеймская написала въ X вѣкѣ латинскую поэму объ отреченіи и покаяніи Теофила. Особенной популярностью пользовалась исторія въ средніе вѣка; ея касались рейнскій епископъ Марбодъ (XI в.), монахъ Гомбе де Куинси (XIII в.), св. Бернардъ, св. Бонавентура, Альбертъ Великій; во многихъ церквахъ существуютъ лѣпныя изображенія исторіи, между прочимъ — два барельефа на сѣверномъ порталѣ Notre Dame de Paris.—Текстъ исторіи (съ рукописи королевской библіотеки) напечатанъ въ рѣдкой теперь книгѣ: Michel et Monmerqué. Théâtre français au moyen age (XI—XIV s.). Paris. 1839. Chez Delloye éditeur et Firmin Didot. Этимъ изданіемъ текста и пользовался переводчикъ. ‚Дѣйство‘ было поставлено въ 1907—8 году на сценѣ ‚Стариннаго театра‘ (Н. Н. Евреинова и барона Н. В. Дризена) А. А. Санинымъ, съ декорациями, костюмами и бумафоріей И. Я. Билибина, — въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

А. Б.

Дѣйствующія лица:

Мадонна.

Кардиналь.

Теофиль.

Сатана, именуемій также Діаволь.

Саладинъ, волшебникъ.

Задира, слуга Кардинала.

Петръ и Ома, товарищи Теофила.

Здѣсь начинается исторія Теофила.

Теофиль.

5
Мой господинъ! Въ моей молбѣ
Я столько помнилъ о тебѣ!
Все роздалъ, раздарилъ, что могъ,
И спалъ—совсѣмъ пустой мѣшокъ.
Мой кардиналъ сказалъ мнѣ: „Мать!
Король мой загнанъ въ уголь, взятьъ,
А я вопъ—нищенствую самъ...
Подрячникъ свой къ ростовщикамъ
Снесу, иль жизни я лишусь...
И какъ съ прислугой разочпущь?
И кто пеперъ прокормитъ ихъ?
А кардиналъ? Ему до нихъ
Нѣтъ дѣла... Новымъ господамъ
Пусть служатъ... Онъ къ моимъ молбамъ
Не снизойдетъ... Чпобъ онъ издохъ!
Ну хорошо! Я самъ не плохъ!
Будь проклятъ вѣрящій врагу:
Самъ проведпи его могу.
Чпобы свое вернуть, готовъ
Пойти на все, безъ дальнихъ словъ.
Его угрозъ не побоюсь...
Повѣшусь, что ли? Упоплюсь?
Опнынѣ съ нимъ я вовсе квищъ,
Путь для меня къ нему закрывъ...

Эхъ, славный бы провель часокъ
Топъ, кто его бы подсперегъ,
Чтобы посѣчь, пообтесать!
Вопъ толвко, какъ его достать?
Онъ забрался такъ высоко,
Что намъ добратъся не легко,
Его нельзя и палкой вздутъ:
Сумѣеть бѣспро улизнутъ...
Ахъ, если-бъ толвко удалось,
Ему бы солоно пришлось...
Смѣется онъ моимъ скорбямъ...
Разбилась скрипка пополамъ,
И я совсѣмъ безумнымъ спалъ!
Смотри, что слухъ поидеть,—скандалъ!
Меня прогонятъ опъ людей,
Запрутъ, не пускаютъ къ нимъ ей-ей,
И всякій словомъ попрекнетъ,
Укажетъ пальцемъ, скажетъ: Вотъ,
Какъ съ нимъ хозяинъ поступилъ...

6

Здѣсь идетъ Теофиль къ Саладину, который
говорилъ съ діаволомъ, когда хотѣлъ.

Саладинъ.

Эге! Что съ вами, Теофиль?
Во имя Господа! Вашъ ликъ
Печалень, гнѣвень... Я привыкъ
Всегда веселымъ видѣть васъ...

Теофиль.

Ты знаешь самъ: въ странѣ у насъ
Я господиномъ былъ всегда.
Теперь—богатства нѣтъ слѣда.

Всего-жъ грустнѣй мнѣ, Саладинъ,
Что я, какъ вѣрнѣй палладинъ,
Не забывалъ лапынскихъ словъ
И по французски былъ готовъ,
Безъ всякой устали, хвалилъ
Того, кто по міру ходилъ
Заставилъ нагишомъ меня.
И потому рѣшаюсь я
По непривычному пупи
Къ дѣламъ неслыханнымъ иппи,
Запѣмъ, чтобъ только какъ нибудь
Свое достоинство вернуть.
Его терять — позоръ и стыдъ.

7

Саладинъ.

Честъ ваша мудро говоритъ:
Тому, кто злата видѣлъ свѣтъ,
Вѣдь ничего ужаснѣй нѣтъ,
Чѣмъ къ людямъ въ рабство поступить,
Чтобъ только сладко есть и пить
И слушать грубыя слова ...

Теофиль.

Совсѣмъ кружится голова ...
О, Саладинъ, мой другъ и братъ!
Еще немного, и наврядъ
Не лопнетъ сердце у меня!

Саладинъ.

Мученія ваши вижу я,
Кто столько заслуженъ, какъ вы,
Въ такихъ дѣлахъ и головы
Своей лишиться можетъ вдругъ.

Теофиль.

Увы! Все такъ, мой вѣрнѣй другъ!
И потому прошу тебя,
Не скажешь ли, меня любя,
Какія въ свѣтѣ средства естъ,
Чтобы вернуть богатство, честь
И милость? Я на все готовъ.

Саладинъ.

Угодно-ль вамъ, безъ лишнихъ словъ,
Въ борьбу съ хозяиномъ вступишь?
Тогда вы будете служить
Вассаломъ у того, чья власть
Ворочитъ вамъ не только часть,
Но больше, чѣмъ хотѣли вы,
Богатства, почестей, молвы.
Повѣрьте мнѣ, не стоить ждать,
Пора вамъ дѣльно поступать.
Я вашего рѣшенья жду.

8

Теофиль.

На это съ радостью иду.
Исполню твой совѣтъ благой.

Саладинъ.

Идите съ миромъ вы домой.
Какъ ни грусти, придется имъ
Вернуть васъ къ почестямъ былымъ.
Я завтра упрямъ здѣсь васъ жду.

Теофиль.

Приду, братъ Саладинъ, приду!
Да сохранитъ тебя твой богъ,
Когда бъ ты все исполнилъ могъ.

Тогда уходишь Теофиль отъ Саладина и думаешь,
что отречься отъ кардинала—дѣло не шуточное.

Онъ говоритъ:

Увы, что станется со мной!
Я плоть предаю болѣзни злой,
Прибѣгнувъ къ крайности такой...

Несчастнѣй: знай,
Тебя не приметъ свѣтлый рай,
Иванъ, Ома и Николай

И Дѣва Дѣвъ.

И адъ откроетъ спрашнѣй зѣвъ,
Обниметъ душу адскій гнѣвъ,

Сгоритъ она,

Въ горнилѣ чернаго огня
Расплавивъ бѣднаго меня,

Вѣдь это—такъ!

Тамъ каждый дьяволъ—злѣйшій врагъ.

Ты поверни и такъ, и сякъ,—
Не свѣщешь чистаго никакъ!

Ихъ щель темна,

Ихъ яма нечистотъ полна,
И оттого—мутна, мрачна,
И солнцу не пройди до дна,—

Вотъ гдѣ помру!

Плохую я завелъ игру!

Лишь съ тѣмъ, чтобъ сытымъ быть нутру,

Пойду въ ихъ черную дыру,

И безъ труда

Господь прогонитъ навсегда...

Кто былъ въ отчаянѣи когда,

Какъ я теперь?

Но Саладинъ сказалъ мнѣ:—, Вѣрѣ,
Не будешь болѣе знатъ поперѣ,
И обѣщаль къ богатству дверь
Открытъ сейчасъ.
Да будетъ такъ. Теперь, какъ разъ,
Хозяинъ мой меня не спасъ,
И я-ль не золь?
Богатъ я буду, нынче голъ.
Опнынѣ споръ я съ нимъ завель
И съ нимъ я квипъ.
Мнѣ сильнѣй Саладинъ велипъ
Такъ поступитъ.

10

Здѣсь Саладинъ обращается къ діаволу
и говоритъ:

Саладинъ.

Христіанинъ пришелъ проситъ
Меня съ тобой поговоритъ.
Ты можешь двери мнѣ открытъ?
Мы не враги.
Я обѣщаль—ты помоги.
Заслышишь поупру шаги—
Онъ будетъ ждатъ.
И надо мнѣ тебѣ сказатъ—
—Любилъ онъ бѣднѣмъ помогатъ,
Тебѣ—прямая благодатъ,
Ты слышишь, чортъ?
Чтожь ты молчишь? Не будь такъ гордъ,
Быспрѣй, чѣмъ въ мигъ,
Сюда ты явишься, блудникъ:
Я знаки тайные постигъ.

Здѣсь Саладинъ заклинаеть діавола:

Багаги лака башагѣ
Ламакъ каги ашабагѣ
Каррелиось.
Ламакъ ламекъ башалиось,
Кабагаги сабалиось,
Баріоласть.
Лагозатха кабиоласть,
Самагакъ этъ фрамиоласть,
Гаррагіа!

Тогда заклятый діаволь появляется и говоритъ:

11

Діаволь.

Вы правильно сказали рѣчь.
Она, какъ самый острый мечъ,
Мнѣ ранилъ слухъ.

Саладинъ.

И подѣломъ, нечистый духъ,
Затѣмъ, что на ухо ты пугъ,
Когда я здѣсь.
Я вотъ собью съ тебя всю спесь,
Не спанешь больше спорить здѣсь.
Эй слушай вѣсть:
У насъ вѣдь клеркъ послушный естъ
Ты долженъ, чортъ, изъ шкуры лѣзть,
Что бь залучить
Его къ себѣ чертямъ служить!
Какъ полагаешь поступить?

Діаволь.

Зовется какъ?

Саладинъ.

Зовется: Теофиль. Былъ врагъ
Чертямъ—и вовсе не дуракъ
Въ юдоли сей.

Діаволь.

Я съ нимъ боролся много дней,
Но онъ бѣжалъ моихъ сѣтей.
Пусть онъ приходилъ безъ друзей
И безъ коня
Въ сей доль, чпобъ увидатъ меня
На утрѣ завпрашняго дня:
Не тяжекъ трудъ:
И Сатана, и я,—всѣ тупы
Его охотно приберутъ
Къ своимъ рукамъ.
Но толъко, чпобъ святой свой храмъ
Въ пупи къ моимъ пустымъ мѣстамъ
Не вспомнилъ вдругъ,
Не по—помочъ мнѣ недосугъ,
Со мной повѣжливѣй будь другъ,
И больше не терзай мнѣ слухъ.
Теперь прости.
Хотъ на недѣлку отпусти.

12

Теперь Теофиль возвращается къ Саладину.

Теофиль.

Не слишкомъ рано мнѣ итти?
Ну, какъ дѣла?

Саладинъ.

Тебя кривая повезла.
Загладишь все, что было зла,
Твой господинъ.
Еще важнѣй твоей будетъ чинъ,
Не будь я сильнѣй Саладинъ
Ты не сочтешь
Богатствъ, какія соберешь
Теперь ты къ дьяволу пойдешь,
Но только знай:
Ты время даромъ не теряй,
Святыя моливы не повторяй,
Вѣдь ты-жъ позналъ,
Что въ день, когда ты въ бѣдностѣ впалъ,
Хозяинъ твой не помогаль,
Тебя провель...
Ты былъ бы вовсе нищъ и голъ,
Когда-бъ ко мнѣ ты не пришелъ,—
Вѣдь я помогъ.
Теперь—спѣши. Подходишь срокъ.
Но, Теофиль,
Чтобы моливы ты не твердилъ!

Теофиль.

Мой господинъ мнѣ навредилъ,
Не могъ помочъ,
Такъ отъ него спѣшу я прочъ.

Здѣсь Теофиль отправляется къ дьяволу и
страшно боится; а дьяволъ говоритъ ему:

Дьяволъ.

Приблизься. Сдѣлай два шага.
Не будь похожъ на мужика,

Который жертву въ храмъ принесъ.
Теперь отвѣтъ мнѣ на вопросъ:
Твой господинъ съ побой жестокъ?

Теофиль.

Да, господинъ. Онъ слишкомъ спрогъ.
Онъ самъ высокій санъ пріялъ,
Меня же въ нищету вогналъ.
Прошу васъ, будьте мнѣ оплотъ.

Діаволь.

Меня ты просишь?

14

Теофиль.

Да.

Діаволь.

Такъ вошь:

Тебя приму я, какъ слугу,
Тогда и дѣломъ помогу.

Теофиль.

Вошь, кланяюсь я, господинъ,
Но съ тѣмъ, чпобъ вновь высокій чинъ
Мнѣ получишь, владѣшь имъ мнѣ.

Діаволь.

Тебѣ не снился и во снѣ
Тотъ чинъ, который я, клянусь,
Тебѣ добыть не откажусь.
Но, разъ ужъ такъ, по слушай: я

Беру расписку опъ тебя
Въ умно разспавленнѣхъ словахъ.
Не разъ бѣваль я въ дуракахъ,
Когда, расписокъ не беря,
Я пользу приносилъ вамъ зря.
Вопъ почему она нужна.

Теофиль.

Уже написана она.

Тогда Теофиль вручаетъ расписку діаволу и діаволь велитъ ему поступатъ такъ:

15

Діаволь.

Мой другъ и братъ мой, Теофиль,
Теперь, когда ты поступилъ
Ко мнѣ на службу, дѣлай такъ:
Когда придетъ къ тебѣ бѣднякъ,
Ты спину поверни и знай—
Своей дорогою ступай.
Да берегись ему помочь.
А кто заискиватъ не прочь
Передъ тобой—ты будь жестокъ:
Придетъ ли нищій на порогъ,—
Осперегись ему податъ.
Смиренье, кротость, благодать,
Постъ, покаянье, доброта—
Все это мнѣ тошнѣй креста.
Что до молитвъ и благословень,
То здѣсь ты лишь умомъ раскинь,
Чтобъ знать, какъ это портишь кровь.
Когда же честность и любовь
Завижу,—издыхаю я,

И чрево мнѣ сосепъ змѣя.
Когда въ больницу кто спѣшилъ
Помочь больнымъ,—меня мупилъ,
Скребеть подъ ложечкой—да какъ!
Дѣламъ я добрымъ—злѣйшій врагъ.
Ступай. Ты будешь сенешаль,
Лишь дѣлай то, что я сказалъ:
Оставь всѣ добрыя дѣла
И дѣлай только все для зла,
Да въ жизни прямо не суди,
Не то примкнешь, того гляди,
Безумецъ ты, къ моимъ врагамъ!

Теофиль.

16

Исполню долгъ, пріятный вамъ.
Въ томъ справедливость нахожу,
Что этимъ санъ свой заслужу.

Тогда кардиналь посылаетъ искать Теофила.

Кардиналь.

Эй, ты, Задира, плутъ, вставай!
За Теофиломъ поспѣшай!
Ему вернуть рѣшилъ я санъ.
Кто ввелъ меня въ такой обманъ?
Вѣдь онъ честнѣе всѣхъ другихъ.
Среди помощниковъ моихъ—
Достоинъ сана онъ одинъ.

Задира.

Святая правда, господинъ.

Здѣсь Задира говоритъ съ Теофиломъ.

Кто здѣсь?

Теофиль.

Ты самъ то кто, злодѣй?

Задира.

Я—клеркъ.

Теофиль.

Ну, я то поважнѣй.

Задира.

Мой господинъ высокій, я
Прошу васъ не судить меня.
Меня прислалъ мой господинъ,
Онъ хочетъ возвратитъ вамъ чинъ,
Богатство ваше и почеть.
Веселья вамъ пришелъ чередъ.
Оплично заживетъ вамъ.

Теофиль.

Чпобъ чортъ побралъ васъ всѣхъ! Я самъ
Давно хозяиномъ бы спалъ,
Когда бы умнѣе поступалъ!
Я самъ его вамъ посадилъ,
А онъ меня богатствъ лишилъ,
Послалъ на улицу нагимъ.
Прогналъ меня, такъ чортъ же съ нимъ
За ссоры, ненависть, вражду!
А впрочемъ, такъ и бытъ, пойду.
Послушаю, что скажетъ онъ.

Задира.

Отдасть съ улыбкой вамъ поклонъ.
Онъ думалъ васъ лишъ испытатъ,
Теперь начнешъ васъ награждатьъ.
Опять вы будете друзья.

Теофиль.

Недавно сплетни про меня
Мои друзья пустили туть:
Пусть всѣхъ ихъ черти подерутъ!

Тогда кардиналь встаетъ навстрѣчу Теофилу.
Онъ возвращаетъ ему санъ и говоритъ:

18

Кардиналь.

Привѣтъ мой вамъ, честнѣйшій клеркъ.

Теофиль.

Я искушенью не подвергъ
Своей души—и духомъ здравъ.

Кардиналь.

Предъ вами, другъ, я былъ неправъ.
Моя къ вамъ давняя любовь
Загладитъ все. Примите вновь
Вашъ санъ. За честность вашу—мнѣ
Угодно наградитъ вдвойнѣ:
Мы будемъ съ вами все дѣлитъ.

Теофиль.

Теперь мнѣ выгонѣй твердитъ
Свои молитвы, чѣмъ тогда.
Теперь десятками сюда
Крестьяне будутъ притекатъ.

Я ихъ заставляю поспрадать:
Теперь я вижу въ этомъ прокъ.
Дуракъ, кто съ ними не жестокъ.
Отнынѣ буду черствъ и гордъ.

Кардиналь.

Мой другъ, иль васъ попухаль чортъ?
Вамъ надо помнитъ, Теофиль,
Чтобъ спрогий долгъ исполненъ былъ.
Итакъ теперъ и вы, и я
Здѣсь поселимся, какъ друзья,
Согласно дружбѣ, будемъ впредъ
Сообща помѣстьями владѣть.
Теперъ я болѣе вамъ не врагъ.

19

Теофиль.

Мой господинъ! Да будетъ такъ.

Здѣсь Теофиль отправляется спорить со своими
товарищами, сначала съ тѣмъ, котораго зовутъ
Петромъ.

Эй Петръ, взгляни-ка мнѣ въ глаза:
Вѣдь, проморгалъ ты два туза,
Твое сломалось колесо,
Смотри, не упусти ты все,
Все прозѣваль, о чемъ мечпаль:
Вернулъ мнѣ санъ мой кардиналь.
Ну, что, язвкъ ты прикусилъ?

Петръ.

Вы мнѣ грозите, Теофиль?
Еще вчера просилъ я самъ,
Чтобъ кардиналь вернулъ вамъ санъ.
Что справедливѣй можетъ быть?

Теофиль.

Признайся, всѣмъ вамъ осудить
Меня хотѣлось эпошь разъ,
Да вопшь, мой санъ помимо васъ
Мнѣ возвращень—вамъ на печаль.

Петръ.

Мнѣ, господинъ, васъ очень жалъ.
Когда скончался кардиналь,
Я санъ его вамъ предлагалъ,
Но вы отвергли санъ такой
Богобоязненной душой.

20

Тогда Теофиль отпраляется ссориться
съ другимъ:

Теофиль.

Ома, Ома! Ты плохо спалъ?
Смотри-ка, вновь я сенешаль!
Не будешь носа задирашь,
Со мной сцѣпляться, враждовать!
Вопшь, носъ тебѣ я наклеилъ!

Ома.

Во имя Бога, Теофиль!
Ужъ не хлебнули-ль вы вина?

Теофиль.

Э, другъ мой, не твоя вина,
Что завтра выгону тебя!

Ома.

О, Боже Правый! Васъ любя,
Плѣнень я вашимъ былъ умомъ...

Теофиль.

Оома, не плѣнникъ я. Припомъ
Могу вредитъ, могу помочъ.

Оома.

Вы ссоритесь, кажись, не прочъ.
Прошу, оставьте вы меня.

Теофиль.

Оома, Оома! Причемъ тупъ я?
Надѣюсь время наверстаю!
Придется всѣмъ погоревать.

21

Здѣсь раскаивается Теофиль; онъ приходитъ
въ капеллу Мадонны и говоритъ:

Безумецъ жалкій я! Куда теперь пришелъ?
О, разступись, земля! Я въ адъ себя низвелъ.
Когда опресья я и господиномъ счелъ
Того, кто былъ и естъ—источникъ всякихъ золь.

Я знаю, согрѣшивъ, отвергъ святой сославъ.
Я бузины хлебнулъ, замѣнь цѣлебныхъ правъ.
Надъ харпией моей злой дьяволъ пѣшилъ нравъ,
Освободить меня, живую душу взявъ.

Меня не приметъ Богъ въ свой свѣтлый верпоградъ,
Душа моя пойдетъ къ чертямъ въ кипучій адъ.
О, разступись, земля! Тамъ каждый дьяволъ радъ,
Тамъ ждуть они меня, клѣвки свои оспрятъ!

Господь, что дѣлаю мнѣ, безумцу, научи?
Всѣмъ міромъ надо мной занесены бичи,
Всѣхъ адскихъ глазъ въ меня направлены лучи,
Всѣ двери предо мной закрылись на ключи!

Сойду-ль когда съ пуги моихъ безумныхъ дѣлъ?
За малое добро я Господа презрѣлъ,
Но радости земли, копорыхъ я хопѣлъ,
Закинули меня въ безрадостный предѣлъ!

Семь лѣтъ иду пропой пвоею, Сатана!
Трудна моя вина опъ хмельнаго вина;
Расплата за грѣхи мнѣ скоро суждена,
Плоть плотникамъ-плутамъ въ аду обречена.

Больной душѣ моей возлюбленной не спатъ.
Мадонну за нее не смѣю умолять.
Плохія сѣмена пришлось мнѣ разсѣватъ:
Въ аду придется имъ распи и созрѣватъ.

Безумень я, увы! Темна судьба моя!
Въ опчаянби и я, и ты, душа моя!
Когда бы смѣлъ просить святой защиты я,
Тогда спаслисъ бы мы—моя душа и я.

Я проклятъ и нечистъ. Въ канавѣ мѣсто мнѣ,
Я знаю, что сгорю на медленномъ огнѣ.
Такой ужасной смерти не сниласъ и во снѣ!
Я мукою своей обязанъ Сатанѣ.

Уже ни на землѣ, ни въ небѣ мѣста нѣтъ.
Гдѣ черти обдерутъ несчастный мой скелетъ?
Въ кромѣшный адъ иди совсѣмъ охоты нѣтъ.
А Господу я врагъ, — закрытъ мнѣ райскій свѣтъ.

Не смѣю умолять святыхъ мужей и женъ:
Я къ дьяволамъ ходилъ нечистымъ на поклонъ,
Проклятый свипокъ мой моимъ кольцомъ скрѣпленъ!
Въ несчастный день я былъ богатствомъ искушенъ..

Святыхъ мужей и женъ не смѣю я моить,
Мадонну кропкую не смѣю я любить,
Но чистопу ея осмѣлюсь восхвалить,
Я знаю: за хвалу нельзя меня хулить.

Вотъ молитва, которую Теофиль говоритъ
передъ Мадонной:

Мадонна Святая,
Дѣва Благая,
Твоей защиты молю я,
Тебя призывая,
Въ нуждѣ изнывая,
И сердцѣ Тебѣ даруя.
Сойди, врачуя.
Радости чужа
Вѣчнаго рая,
Тебя молю я,
О Сынѣ поскобя,
Дѣва Святая.

Тебѣ моленбе,
Тебѣ служенбе —
Сердцу въ усладу.
Но искушенбе
Несетъ сомнѣнбе,
Уноситъ опраду.
Я преданъ аду
Но сердцу надо
Твое утѣшенбе.
О, дай въ награду
Жалкому гаду
Твое прощенбе!

Святая Мадонна!
Дрожитъ смущенно
Моя душа предъ Тобою:
Въ скорби безсонной

Ей не бытъ исцѣленной,
И станеть вѣчной рабою.
Жаръ ея скрою
Лишь доской гробовою:
Лишь смерть — неуклонно
Ведеть къ покою
Того, кто Тобою
Душу обрѣлъ спасенной.

О, Дѣва, гдѣ Ты?
Въ кропость одѣта,
Ты насъ спасла отъ заботы,
Полная свѣта, —
Отъ темной Леты.
Отъ пучины адскаго гнета.
Трудна работа:
Славословлю безъ счета,
Да минуетъ мертвая Лета,
Чтобы Тантала гнета
И бесплодной работы
Не узналъ я вдали отъ свѣта.

Мой грѣхъ безмѣрень:
Открыты двери
Мнѣ въ адъ кромѣшнѣй.
И какъ измѣрю,
Злую поперю,
Когда тамъ буду я, грѣшнѣй?
Обрати же послѣшно
Твой ликъ безгрѣшнѣй,
Тебѣ я вѣренъ...
Во мракъ кромѣшнѣй
Изъ жизни здѣшней
Запри ты двери.

Подъ солнцемъ цѣло
И не сгорѣло
Стекло иконы,
Тебя жъ всецѣло
Оставиль дѣвой
Свой Сынъ рожденный.
Алмазь граненый!
Душой непреклонной
Вели, чпобъ пѣло,
Оставивъ душу спасенной,
Въ Тебя влюбленной,
Въ огнѣ сгорѣло!

25

Царица Благая!
Спруи изъ рая
Свѣтъ благодатный,
Чпобъ волю, Святая,
Твою исполняя,
Душѣ бытъ Тебѣ пріятной.
Былъ путь превратный,
Но въ путь возвратный
Спремлюсь, Тобою сгорая.
Ты силой ратной
Защипи опъ развратной
Дьявольской стаи.

Я жилъ порочный
Въ канавѣ спочной
И душу губиль порокомъ.
О, Чистый Источникъ,
Свѣтъ Непорочный,
Огради Рукою Высокой!
Взгляни, Прекрасное Око,
Зашепли въ сердце далеко

Мнѣ свѣтъ урочный.
Дай зрѣть до срока.
Въ покаянѣ глубокомъ
Мой путь порочный.

Діаволь проклятый,
Темный вожатый,
Обрекъ меня аду.
Онъ ждетъ уплаты...
Свѣтъ Благодатный!
Пошли мнѣ Сына-Усладу!
Свѣтлому взгляду
Доступно спадо
Враговъ заклятыхъ.
Слабыхъ ограда,
Спаси отъ ада,
Услышь меня Ты!

26

Здѣсь обращается Мадонна къ Теофилу
и говоритъ:

Мадонна.

Кто тамъ нашель въ капеллу путь?

Теофиль.

О, дай лишъ на Тебя взглянуть!
Я—бѣдный Теофиль,
Кого самъ дьяволъ заманилъ,
И оболъспилъ и окрупилъ.
Спасенья жду.
Къ Тебѣ съ моливною иду:
Не дай погибнуть мнѣ въ аду,
Въ пучинѣ зла.

Меня лишѣ крайностѣ привела.
Меня Ты нѣкогда звала
Слугой Своимѣ.

Мадонна.

Иди опсюда, пилигримѣ.
Разспанься съ домомѣ пѣ Моимѣ.

Теофилѣ.

27

Не смѣю, нѣтъ!
О, розѣ благоуханный цвѣтъ!
О, бѣлыхъ лилій чистый свѣтъ!
Что дѣлашь мнѣ?
Попаль я въ сѣти къ Сатанѣ,
Неисповѣ онѣ, жестокѣ ко мнѣ,
Что предпринять?
Я не устану призывашь
Твою святую благодашь,
О, Дѣва Дѣвъ!
Сойди ко мнѣ, Небесный Сѣвъ,
Смири ихъ сатанинскій гнѣвъ
И утоли!

Мадонна.

Несчастный Теофилѣ, внемли:
Ты былѣ слугой Мнѣ на земли,
Безумень пѣ,
Но черной хартии листы
Верну тебѣ изъ темноты,
Иду за ней.

Здѣсь отправляется Мадонна за хартіей Теофила.

Эй, Сатана! Ты у дверей?
Верни Мнѣ хартію скорѣй!
Запѣялъ споры тѣ, злодѣй,
Съ Моимъ слугой,
Но здѣсь—расчетъ тебѣ плохой:
Ты слишкомъ низокъ, дѣвволь злой!

Сатана.

Мой договоръ?
Нѣтъ, лучше гибель и позоръ!
Не такъ я на согласье скоръ!
Вернулъ я санъ: и съ эгихъ поръ
Онъ мой слуга!
Его душа мнѣ дорога.

28

Мадонна.

Вотъ, какъ разипъ моя рука!

Здѣсь приноситъ Мадонна хартію Теофилу.

Мой другъ, вотъ хартія твоя:
Ты плылъ въ печальныя края,
Но радости и бытія
Даю ключи.
Ты къ кардиналу въ дверь стучи,
Ему тѣ хартію вручи,
Пускай прочтеть
Ее съ амвона, чѣмъ народъ
Узналъ, какимъ путемъ влечеть
Лукавѣй бѣсъ.
Въ богатство по уши тѣ влѣзь:
Душѣ легко погибнуть здѣсь.

Теофиль.

О, Дѣва,—такъ!
Попалъ несчастный я впросакъ.
Трудъ потерялъ, кто сѣялъ такъ:
Не проведешь теперб!

Здѣсь приходитъ Теофиль къ кардиналу;
онъ вручаетъ ему харшію и говоритъ:

Я здѣсь, во имя Вышнихъ Силь,
Хоть грѣхъ тяжелый совершилъ.
Должны вы знать,
Что душу мнѣ пришлось продать;
Пришлось худѣть и голодать,
И былъ я нагъ,
А Сатана, лукавый врагъ,
Завелъ меня въ глухой оврагъ.
Вина тяжка,
Но Дѣвы Свѣтлая Рука
Меня вернула, бѣдняка,
На правый путь.
Я могъ кривымъ путемъ свернуть
И въ преисподней попонуть,
Въ пучинѣ зла,
Затѣмъ, что добрыя дѣла
Душа навѣки предала,
И бѣсъ велѣлъ
Расписку дать, и захотѣлъ,
Чтобъ я на ней запечатлѣлъ
Печать кольца.
Потомъ спрадалъ я безъ конца.
Не смѣя приподнять лица,
И весь въ огнѣ.

Пошла Святая къ Сатанѣ,
Вернула ту расписку мнѣ
И знакъ кольца.
Теперь прошу васъ, какъ отца,
Чтобъ знали чистыя сердца,
Ее прочествѣ.

Здѣсь кардиналь читаетъ хартію и говоритъ:

Кардиналь.

Во имя Бога, кто здѣсь есть,
Услышавъ радостную вѣсть
Спекайтесь въ храмъ!
О Теофилѣ бѣдномъ вамъ
Разказъ нелживый передамъ,
Какъ дьяволъ злой
Хотѣлъ владѣть его душой.
Внимайте повѣсти простой:

30

,Всѣ тѣ, кто этотъ листъ держалъ и изучилъ,
Пусть знаютъ: Сатанѣ любезенъ Теофилъ.
Онъ, мудрый, подѣломъ жестоко отомстилъ
За то, что кардиналь богатствъ его лишилъ.

,Несчастный Теофилъ, отчаянвемъ гонимъ,
Къ волшебнику пришелъ, что бѣсомъ одержимъ,
И твердо обѣщавъ смирился передъ нимъ,
Чтобъ только санъ его не перешелъ къ другимъ.

,Боролся долго съ нимъ я, сильный Сатана,
Но жизнь его была смиреніемъ сильна.
Теперь—онъ мой слуга. Расписка мнѣ дана,
И власть ему за то сполна возвращена.

,Онъ перспенъ приложилъ и кровью начерпалъ,
Принявъ иныхъ чернилъ онъ самъ не пожелалъ
И ранѣ, чѣмъ я ему полезнымъ спалъ
И санъ его ему обратно даровалъ'.

Такъ поступилъ ꙗсеи мудрый мужъ,
Приченный къ сонму честныхъ душъ
Слугой небесъ.

И снова духъ его воскресъ.
Такъ посрамленъ лукавый бѣсъ.
При видѣ новыхъ сихъ чудесъ,
Мы всѣ воспоемъ
И славу Господу поемъ:

31

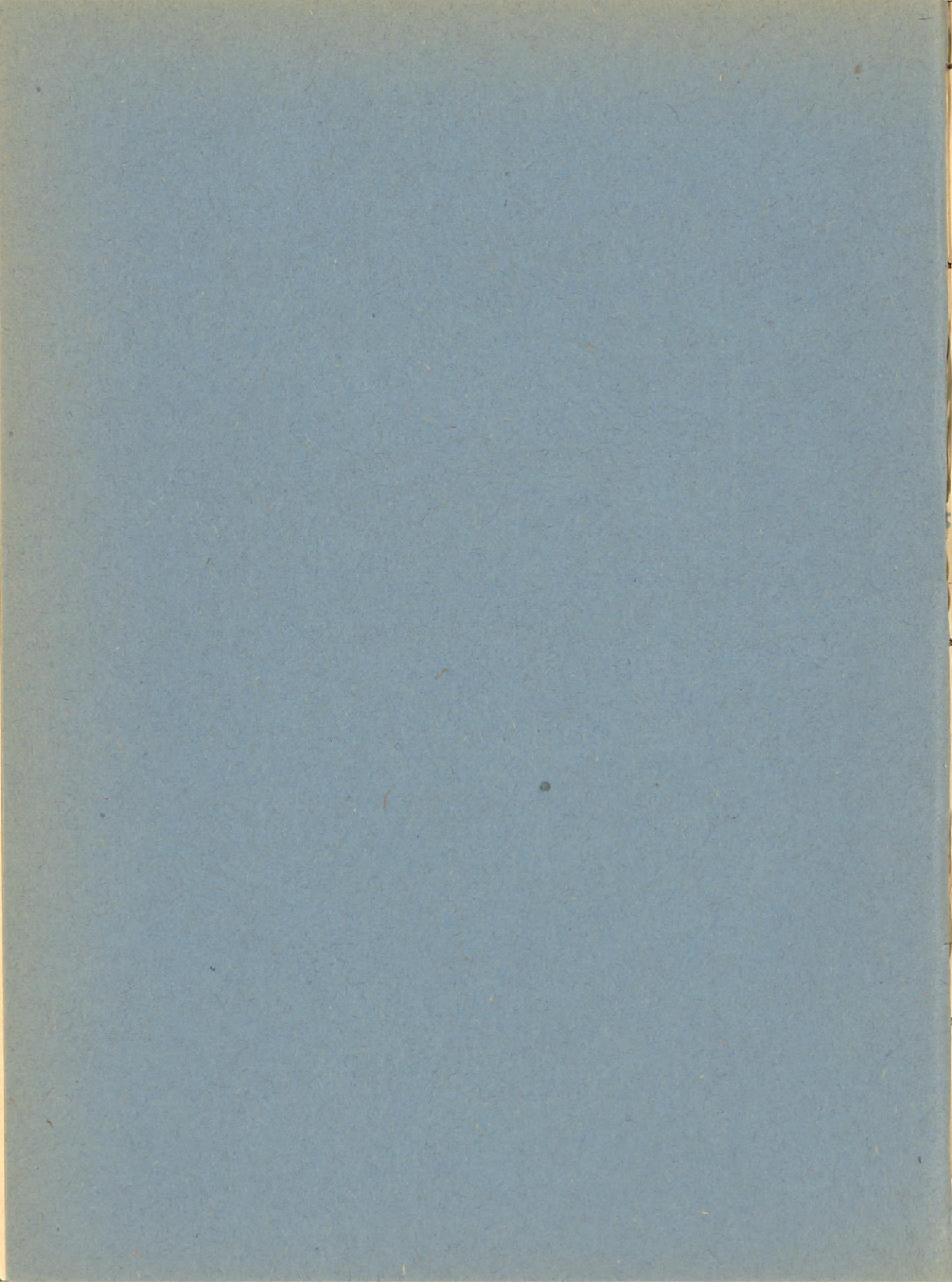
Te Deum laudamus.

Explicit miraculum.

А. Ленгуловъ.

Рисунокъ.

Н. ЕВРЕИНОВЪ.

ОБЪ ОТРИЦАНИИ ТЕАТРА. ПОЛЕМИКА СЕРДЦА.

У всѣхъ геометровъ глупый видъ. Маркиза де-Помпадуръ.

35 Когда Ю. И. Айхенвалдъ прочелъ передъ московской публикой лекцію, въ которой цѣлымъ рядомъ оспроумныхъ доводовъ доказывалось, что современное человѣчество переросло театръ, что передъ судомъ эстетики само существованіе театра является парадоксомъ и что театръ, какъ ,незаконный видъ искусства', въ силу своей принципиальной неоправданности, переживаетъ въ наше время не кризисъ, а конецъ,—Вл. И. Немировичъ-Данченко, участвовавшій въ диспутѣ послѣ этой лекціи, признался публично, что онъ совершенно ошеломленъ Айхенвалдовскимъ отрицаніемъ театра.

„Если Ю. И. правъ, какъ же я и цѣлый театръ, въ которомъ я работаю,—удивлялся вожакомъ ,Художественнаго театра' *,—какъ можемъ мы изо дня въ день отдаваться нашей работѣ и думать, что мы творимъ подлинныя художественныя цѣнности?‘...

Esse argumentum!—разъ въ Камергерскомъ переулкѣ думаютъ иначе, спало бытъ Айхенвалдъ не правъ. Иначе ,какъ же я', самъ Вл. И. Немировичъ-Данченко! ,какъ же мы!' и т. д. Вѣдь только и свѣту, что въ Камергерскомъ переулкѣ! Тамъ все знаютъ и во всемъ правы!

Извѣстно, что ослѣпленіе гордости всегда во мракѣ невѣдѣнія. И поистинѣ оказалось, что въ смыслѣ знаній, не свѣтъ, а тѣма въ Камергерскомъ переулкѣ:—Ю. И. Айхенвалдъ можетъ ошеломлять только тѣхъ, которые совсѣмъ не подгото-

* Курсивъ мой, такъ же, какъ и въ дальнѣйшемъ. Цитирую по записи опублікованной рѣчи Вл. И. Немировича-Данченко Ю. И. Айхенвалду, напечатанной въ сборникѣ ,Въ спорахъ о театрѣ'.

влены предшествовавшей Ю. И. Айхенвальду криптикой современнаго театра. Людямъ/же свѣдущимъ, универсально образованнымъ въ области идеологии театра XIX—XX в.в., не придется постыдно сознаваться въ своей ошеломленности идеей ,Оприцанія театра‘.

Такимъ людямъ, знакомымъ хотя бы съ лекціями Карла Боринскаго, извѣстно, что ,государственныя люди и философы искони высказывались противъ театра‘ * и что, относительно будущаго, еще Эдмондъ де-Гонкуръ, въ своемъ предисловіи къ драматическимъ произведеніямъ, пришелъ къ вполне обоснованному заключенію о неминуемой гибели театра. ,Романтизмъ обязанъ въ существованіи театра,— писалъ Э. де-Гонкуръ лѣтъ тридцать тому назадъ,—своимъ слабымъ сторонамъ, своему идеалу человѣка, сфабрикованному изъ лжи и величія, тому условному человѣчеству, которое такъ подходитъ къ театралной условности. Но качества дѣйствительнаго, жизненнаго человѣка не подходятъ для театра,—они противорѣчатъ натурѣ театра, его искусственности, его лжи‘. Классическій театръ, такъ же, какъ и романтической могли возникнуть, по мнѣнію Э. де-Гонкура, только потому, что неправильно изображали природу и человѣка; изображая же ее правильно, мы должны тѣмъ самымъ придти къ оприцанію театра. ,Театральному искусству,—говоритъ дальше отецъ натуралистической школы,—великому французскому искусству прошлаго, искусству Корнеля, Расина, Мольера и Бомарше суждено черезъ какихъ-нибудь 50 лѣтъ превратиться въ грубое развлеченіе, не имѣющее ничего общаго съ литературой, стилемъ и остроуміемъ. Это искусство окажется достойнымъ занятъ мѣсто рядомъ съ представленіемъ дрессированныхъ собакъ и театра маріонетокъ. Черезъ какихъ-нибудь 50 лѣтъ книга окончателъно убьетъ театръ‘. Приблизительно того же мнѣнія и Э. Золя въ своихъ прелестныхъ эпюдахъ о Викторѣ Гюго, Жоржѣ Зандѣ, натура-

* ,Театръ‘, лекціи Карла Боринскаго, переводъ Б. В. Варнеке, изд. 1902 г., стр. 104.

лизмъ въ театрѣ. ,Когда читаешь, — говоритъ онъ въ первомъ эпюдѣ, — несообразности меньше коробяпъ, сверхчеловѣческіе персонажи допустимы, декораціи, слегка набросанныя, принимаютъ безмѣрную ширину. Въ театрѣ же, наоборотъ, все реализуется, рамки суживаются, неестественность персонажей бросается въ глаза, банальность самихъ подмостковъ какъ бы высмѣиваетъ лирическую надупость драмы'. Во второмъ изъ эпюдовъ Э. Золя откровенно сознается, что ищетъ въ настоящее время [дowodовъ, ,чтобы на основаніи фактовъ доказать ненужность театральной механики', а въ своемъ претвѣмъ эпюдѣ уже [громогласно заявляетъ: ,вопъ уже при года, какъ я не перестую повторять, что драма умираетъ, что драма умерла'.

37 ,Завершеніемъ театра и народного искусства должно быть уничтоженіе и театра и искусства?' — спрашиваетъ послѣдовательный социалистъ Роменъ Ролланъ въ своей прагматически-послѣдовательной книгѣ ,Народный Театръ' и храбро отвѣчаетъ: ,можетъ быть', а черезъ страницу еще храбрѣе резонерствуетъ: Почему Данте и Шекспиръ не должны подчиниться общему закону? Почему бы и имъ не умирать такъ же, какъ умираютъ простые смертные? Важно не то, что было, а то, что будетъ!... И да здравствуетъ смерть, если это необходимо для новой жизни!... (Что называется ,прорвало' челоука!).

Напомню еще ,мудрыя слова' Сприндберга въ предисловіи къ ,Фрѣкенъ Юлія' о томъ, что театръ начинаетъ отживать свой вѣкъ, какъ въмирающая форма, для насажденія которой мы лишены необходимыхъ условій. ,За такое предположеніе, — по мнѣнію Сприндберга, — говоритъ по обстоятельству, что въ культурныхъ справахъ, выдвинувшихъ величайшихъ мыслителей новѣйшей эпохи, именно въ Англии и Германіи, драма умерла'. Приведу тутъ же хлесткую фразу В. Фриче въ сборникѣ ,Кризисъ театра' о томъ, что ,въ социалистическомъ обществѣ исчезнетъ и представленіе о возвышающихся надъ

зрительнымъ заломъ под мосткахъ' и, наконецъ, напому мое собственное искреннее убѣжденіе (см. мою статью ,Театрализация жизни', напечатанную въ 1911-мъ году въ газетѣ ,Противъ печенія') * —,возня себя исключительно эстетическимъ явленіемъ, театръ тѣмъ самымъ вырвалъ себѣ яму'. Я уже умалчиваю, милосердно умалчиваю, о всѣхъ смертельно-огневыхъ для подмостковъ современнаго театра статьяхъ великаго Гордона Крега, рѣшительно признаващаго, что ,западнѣй театръ находится при послѣднемъ издыханіи'; я ужъ не привожу въ подробностяхъ мотивы ухода со сцены В. Ф. Коммиссаржевской, которой, по ея словамъ, ,театръ въ той формѣ, въ какой онъ существуетъ сейчасъ,—пересталъ казаться нужнымъ'.

Все это было сказано до Ю. И. Айхенвальда, было сказано совсѣмъ недавно, и идейному руководителю ,Художественнаго театра' знаніе надлежало. Кому же и книги въ руки, какъ не ему, Вл. И. Немировичу-Данченко, такому ,литературному', такому ,книжному'!—Но онъ... онъ былъ ошеломленъ отрицаніемъ театра ex cathedra, и какъ дѣйствительно ошеломленный человѣкъ, спалъ лепеталъ о томъ, что ,театръ даетъ зрителю картину жизни, уже прошедшей черезъ горнило драматическаго творчества', что ,театръ даетъ зрителю возможность воспринять опъ жизни тѣ же впечатлѣнія, которыя получилъ опъ нея авторъ', спалъ подбираетъ примѣры, какъ такой-то актеръ создалъ роль, такой-то и еще такой-то, увѣряетъ, что театръ можетъ быть и ,не есть подлинное искусство, но онъ все же становится истиннымъ искусствомъ, какъ только театръ становится выразителемъ искусства актера', — словомъ спрашно растерялся и на публичномъ испытаніи, устроеномъ Ю. И. Айхенвальдомъ, конфузно провалился, безсиленъ сдать экзаменъ по театровѣдѣнію.

* Эта статья вошла цѣликомъ, безъ измѣненій, въ мою книгу ,Театръ, какъ таковой', съ такимъ діалектическимъ аппетитомъ цитируемую Ю. И. Айхенвальдомъ въ его статьѣ ,Отрицаніе театра'.

Началь же Вл. И. Немировичъ-Данченко чисто по генеральски: разъ, молъ, я спою во главѣ войска, спало бытъ войско необходимо, а если оно необходимо, то война явленіе неизбѣжное.

И то, что онъ осѣлся такъ же быстро, какъ осѣкаются провинціальныя генералы въ ученомъ разговорѣ со студентомъ, и то, что ничего другого онъ не смогъ разсказать, кромѣ слышаннаго опъ бабушки, и то, что даже бабушкину сказку онъ разсказалъ сбивчиво, неинтересно, необѣдительно, со старыми изжеванными словами о ,горнилѣ драматическаго пворчества', ,переживаніяхъ' и п. п., — все эпоѣ воочію убѣдило, что ,Художественный театръ', при всемъ талантѣ отдѣльныхъ членовъ своихъ и при всѣхъ своихъ опмѣнныхъ качествахъ, театръ неумный, идейно-незначительный, дѣйствительно ,провинціаль-
39 ный' театръ, и если что и интересно въ немъ съ подлинно культурной почки зрѣнія, то развѣ то, что эпо для молодыхъ, какъ я, уже старинный театръ, со старинными пьесами (Л. Андреева, С. Юшкевича и пр.), старинными приемами (напуралистической игрой, ,упрощенными' или ,богатыми' постановками), старинной идеологіей (главенствомъ актера и его ,внутреннихъ переживаній').

Что эпо театръ неумный, доказываетъ то, что онъ въ лицѣ своего идейнаго вождя спалъ защищатъся словами (какъ будто словами можно кого-нибудь убѣдить!), а не расхохотался въ лицо обидчика — Ю. И. Айхенвальда всѣми бубенчиками своихъ буффовъ, не выставилъ тупъ же, all'improviso, парочку добрыхъ ,убійць въ маскахъ' съ кинжалами и жестами, грозящими жизни и всей лапвы ученаго ,доктора', не выпустилъ, наконецъ, какъ ultima ratio сцены, полунагую обворожительницу съ всепобѣждающими пѣснями, насмѣшками, плясками и очами, вдвойнѣ прекрасными опъ своей подведенности и экспрессивной лживости. И ужъ если надо было кому говорить, то непременно арлекину, настоящему арлекину, который спалъ бы доказывать, чарующе кривляясь, что если театръ — ,незаконный видъ искусства', то пѣмъ лучше, потому что

незаконное всегда прельспипелвнѣй; если это ,ребячество',
докучное спарикамъ, по тѣмъ самымъ оно любезно ребятамъ-
охотникамъ подразниль спариковъ; если онъ не нужень
,звѣздочепу' и ,доктору', ꙗко пустьъ ,звѣздочепъ' и ,докторъ'
убираются изъ него къ чорпу со всей своей лапвнью; и если
театру въ самомъ дѣлѣ суждено скоро исчезнуть отъ чумы
раціонализма, то ужъ послѣдніе годы онъ сумѣеть устроитъ
такой ,пиръ во время чумы', что небу жарко спанеть.
Господи! мало-ли какой театрално-убѣдительной чепухи
можно было ꙗговоритъ ,на зло' въ отвѣтъ на ,оприцаніе
театра'! — но именно театрално-убѣдительной, ибо безъ
театралной убѣдительности (позы, жеста, тона, ,выходки',
гиперболы, монспрапивнаго примѣра) не преуспѣвалъ до сихъ
поръ въ исторіи ни свяпой, ни пророкъ, ни проповѣдникъ. — На
слова возразитъ словами легко (діалектика-съ!), а вотъ на
слова актомъ—дѣло другое. Какъ же можно пускаются въ
унѣвля разглагольствования какъ разъ тамъ, гдѣ рѣшающій
моментъ въ дѣйствѣ и его поразительности!

40

Достойно быль опмѣченнымъ, что въ то самое время, ꙗкакъ
директоръ передового театра въ Россіи споялъ передъ Ю. И.
Айхенвальдомъ, ꙗзспигнутый врасплохъ идеей оприцанія те-
атра,—директоръ передового театра во Франціи, знаменитый
г-нь Анпуанъ читалъ лекціи о паденіи современнаго театра,
въ которыхъ говорилъ буквально слѣдующее: — ,Возможно,
что времена театра прошли и что отнынѣ толпа бу-
детъ стремиться къ тѣмъ зрѣлищамъ, которыя возбуждаютъ
одни чувства, не пребуя никакого умственнаго усилія, которыя
способны разсѣять, не упомляя'.

Говорите послѣ этого, что нашъ театръ самый передовой!...
Особенно же забавно, на мой взглядъ, что съ точки зрѣнія
театралности въ рѣчи Ю. И. Айхенвальда оказалось меньше
,оприцанія театра', чѣмъ у почтеннаго Вл. И. Немировича-
Данченко. — Рѣчь Ю. И. Айхенвальда эффектна, бьетъ на
,диковинность', полна остроумнаго припворства, красивыхъ

сценически - внятнѣхъ, въ смѣслѣ спилля оборотовъ, вмѣщаетъ въ себѣ пипично-актерское advocatio ad auditores, кокетство погой ученаго и даже ,подзанавѣсное' заключеніе. Прелестный монологъ!

Поистинѣ атеатральна * и негромка рядомъ съ ней рѣчь представителя ,лучшаго' театра въ Россіи, театра дѣйствительна ,задающаго тонъ', театра - поставщика режиссурѣ даже въ ,образцовые' казенные театры **, театра, который ,самъ Александръ Бенуа началъ приучать пеперь къ художественности не въ ковычкахъ, а подлинной.

41 Я всегда говорилъ, что ,Художественный Театръ', при всѣхъ своихъ трудовыхъ заслугахъ, изрядно-провинціальнѣй по духу (одно его бывшее увлеченіе декадентскимъ ,спилль-модернъ' чего стоить!).

Въ ,провинціи' всегда хотѣтъ быть по модѣ и во что бы то ни стало оригинальными (,знай нашихъ'), важничаютъ, манерничаютъ, гордятся каждой каменной постройкой, каждой ,философской' мыслью мѣснаго экзекутора. Кажется, тамъ все знаютъ, ничѣмъ не удивишь, а поживешь и видишь, что нигдѣ такъ не ошеломляю тся, какъ въ провинціи. И чѣмъ же? — позапрошлогдними столичными модами.

Помяните мое слово — черезъ годъ-два ,Художественный Театръ' будетъ самъ себя отрицать! — вѣдь сейчасъ въ Спо-

* Свою атеатральность Вл. И. Немировичъ-Данченко лучше всего доказалъ инсценировкой и постановкой ,Николая Ставрогина', гдѣ вся пьеса сведена къ сценамъ ,разговора вдвоемъ', нудно чередующимся, затяжнымъ, опрѣвочнымъ и случайнымъ. Если спросить у самаго воспорженнаго поклонника ,Художественнаго Театра', что интереснѣе и выше, въ художественномъ, психологическомъ, политическомъ и прочихъ отношеніяхъ — ,Николай Ставрогинъ' драматурга и режиссера Вл. И. Немировича-Данченко или ,Бѣсы' не-драматурга и не-режиссера О. М. Достоевскаго, — отвѣтъ будетъ съ ручательствомъ: — ,Бѣсы' Достоевскаго!... Ergo книга выше театра, къ чему и клонитъ торжествующій Ю. И. Айхенвальдъ.

** Г-да: Дарскій, Лавренщевъ, Мейерхольдъ, Поповъ, Пронинъ, Ракипинъ, Санинъ; въ частныхъ театрахъ — Баліевъ, Марджановъ и др.

лицѣ Духа, среди ея пресыщенной знами, покорной слову авто-
рипетныхъ г.г. Анпуановъ и влюбленной въ ,эпапанпность'
мысли ради ,эпапанпности', такъ модно отрицаніе театра!
Пока же ,Художественный Театръ', въ лицѣ своего предста-
вителя, долженъ, какъ и подобаесть въ ,провинціи', ошеломляться
,столичной' новинкой, не признавасть ея и примѣнять къ ней
старую мѣрку; — ибо поистинѣ старой мѣркой театра и его
добротности является актеръ съ его ,переживаніями', о кото-
рыхъ такъ нудно и такъ смѣхотворно-важно рассказывается
намъ старый-старый Вл. И. Немировичъ-Данченко.

Когда-то было время: отзвучали въ столицахъ клавесины
и виольдамуры, а въ глухой провинціи чопорно-важные maestro
все еще продолжали придавать имъ высшее музыкально-экс-
прессивное значеніе. Ужь отзвучали, надоѣли въ Столицѣ Духа
душевно-задушевные струны и эти ,искреннія нотки' актер-
скихъ переживаній, а чопорно-важные maestro ,Художественнаго
Театра', все еще видятъ въ дешевой по существу натурь-пси-
хологичности и буржуазномъ intim'ѣ лицедѣйскихъ выступленій
главную основу театра.

О самомъ же Ю. И. Айхенвальдѣ скажу, что пока онъ, съ
настоящимъ крипическимъ масперспвомъ, занимаетъ меня
развитіемъ идеи отрицанія театра * — я ему серьезно и при-
лежно внемлю; когда же онъ, увлекшись этой новой и забавной
темой, переходитъ ,ничесоже сумняшеса', къ отрицанію самой
театральности, — я улыбаюсь, вспоминая великолѣпную
маркизу де-Помпадуръ и ея знаменитое изреченіе: — ,у всѣхъ
геометровъ глупый видъ'.

И правда! — что могли смѣслить ,геометры' во всѣхъ этихъ
восхитительныхъ маскарадахъ и интимныхъ спектакляхъ замка
Ла-Сель, гдѣ маркиза де-Помпадуръ выступала въ очарованіи

* Въ сущности говоря, отрицая театръ, Ю. И. Айхенвальдъ ополчается
не на театръ въ настоящемъ (моемъ) смѣслѣ этого понятія, а на инстинкты
спекулированія на чувствѣ театральности, инстинкты, очень рѣдко подни-
мающійся до значенія настоящаго театра.

костюма Ночи, усыпанной мірадами звѣздъ? Чѣмъ могла имъ помочъ аспролябія Гиппарха и вся мудроспѣ Эвклида при опредѣленіи значенія ‚сельскихъ праздниковъ‘ въ замкѣ Креси, гдѣ мепресса короля режиссировала идилліями въ фанпасти-ческомъ ‚пуалепѣ‘ садовницы? Имъ ли было узнать въ ней, при помощи циркулей и линейекъ, Генія Театра, власпнаго надъ самимъ власпелиномъ Франціи, въ силу магіи доставляпѣ поспоянно-новую пищу воображенію и цѣлипельно-свѣжее зрѣ-лище глазамъ?

43 Ахъ, вспомните ея папріопической парадоксъ о томъ, что ‚кто, имѣя средства, не покупаетъ севрскаго фарфора, — не гражданинъ своей спраны‘, вспомните всѣ пемы, что она да-вала для паспоралей Бушэ и для картинъ Ванлоо, [вспомните грозди винограда на ея собспвенноручной гравюрѣ— ‚Воспитаніе Бахуса‘, ея реформы театралпныхъ костюмовъ, наконецъ, ея портретп, — изумительную паспелъ Лапура въ Сень-Канпен-скомъ музеѣ, гдѣ знающіе свою правду глаза и надъ-мудрая улыбка фаворитки объясняютъ сразу все царспвованіе Людо-вика XV-го! Вспомните, — и вы поймете всю глубину мысли и всю прелестп правоты маркизы де-Помпадуръ, изрекающей передъ удивленпымъ дворомъ: — ‚у всѣхъ геомепровъ глуппй видъ‘.

О, конечно, для геомепровъ маркиза де-Помпадуръ, съ разо-рипельными вѣдумками, маскарадными увлеченіями, драмати-ческими представленіями и прочими пустяками, была чѣмъ-то ‚долженспвующимъ быпѣ отрицаемымъ‘ всѣми разсудитель-ными геомепрами міра.— Маркиза де-Помпадуръ это оплично понимала... Но она понимала также, что все имѣетъ свою мѣру! что подлежащее, напрімѣръ, измѣренію вѣсами, никогда не можетъ быпѣ измѣрено локтемъ, и при мысли объ этомъ на губахъ ея расцвѣтала улыбка: — ‚у всѣхъ геомепровъ глуппй видъ‘.

Но будемъ справедливы! — не съ Айхенвалдовъ началось фак-тическое отрицаніе театра (настоящаго театра!), а съ

Немировичей-Данченковъ, которые, въ стремленіи къ максимальной почтенности своего дѣла, своего собственнаго положенія въ обществѣ, своей ‚геометричности‘, въ спѣдѣ природнаго инстинкта преображенія, — единственнаго, хотя и ‚дикаго‘ двигателя театра всѣхъ времени, отвергли самое театральность*, какъ компрометирующее сценическихъ ‚геометровъ‘ выраженіе такого инстинкта.

Они захопѣли привлечь къ оскотленному ими театру ‚липературой‘, ‚наспроеніемъ‘, ‚спилизаціей‘, ‚археологіей‘, ‚бытомъ‘, ‚художественностью‘, пускались даже на фокусы, на прюки, не жалѣли труда, времени, денегъ, — а въ результатѣ... отрицаніе театра! Даже ихъ театра! И къмъ же? — Тѣми самими, въ

* На одномъ изъ собраній сценическихъ дѣятелей у барона Н. В. фонъ-деръ-Остенъ-Дризенъ, въ 1910 г., я предложилъ К. С. Станиславскому высказатъ, съ возможной опредѣленностью, свое мнѣніе о театральности, принципъ которой я неоднократно отстаивалъ на этихъ собраніяхъ. К. С. Станиславскій не заставилъ себя ждать съ самой отрицательной криптикой (я бы сказалъ даже съ разносомъ) театральности, которая вызывала въ немъ представленіе о пошлѣйшей внѣшности театра (о капелдинерахъ въ красныхъ ливреяхъ, парадныхъ дорожкахъ между креслами и пр.), причемъ закончилъ онъ свою криптику признаніемъ, что день, когда театральность водворилась бы въ его театрѣ, былъ бы днемъ его ухода изъ театра. Несмотря на завѣрительный характеръ такого признанія, пьеса ‚У жизни въ лапахъ‘ Кнута Гамсуна была на слѣдующій (1911-й) годъ поставлена въ планѣ... проповѣдуемой мной театральности.

По этому поводу присяжный панегеристъ ‚Художественнаго Театра‘ Н. Эфросъ писалъ въ ‚Рѣчи‘ (отъ 6-го марта, 1911 г. № 63) — ‚Развѣ... не измѣна, что театрѣ, поднявшій знамя бунта противъ ‚театральности‘, поклявшійся аннибаловой клятвою въ ея уничтоженіи, не знавшій и въ своей программѣ, и въ своемъ обиходѣ слова уничтожительнѣе и презрительнѣе этого, — вдругъ широко распахнулъ двери передъ эпою самую ‚театральностью‘ и на ней, какъ на главной базѣ, обосновалъ свой послѣдній спектакль?...‘

Однако, всегда довольный ‚Художественнымъ Театромъ‘ почтенный критикъ усмотрѣлъ и за тѣснѣкую побѣду, изъ которой, однако, по его мнѣнію, — вовсе не слѣдуетъ... что отнынѣ театральныя побѣды только при условіи ‚театральности‘ и возможны. Новое завоеваніе ничего не отменило и ничего окончательно не утвердило. Тѣмъ не менѣе даже онъ (самъ

глазахъ ѿ которыхъ они, опечурившись отъ театральности, выпались создать себѣ положеніе вполне ,серьезныхъ людей'. Но, — будемъ до конца справедливы, — Айхенвальды и Овсяннико-Куликовскіе пошли лишь по стопамъ самихъ ,художественниковъ', но только не плушая и въ быспрѣйшемъ темпѣ; они обогнали ,художественниковъ' какъ настоящіе ,hommes d'esprit', а не только ,hommes de lettres', и удивлялись теперь ихъ отрицанію театра приспало кому угодно, но не пѣмъ, кто положилъ начало ему столь блестяще-практично. ,Что поспѣешь, то и пожнешь', ,лиха бѣда начало' и п. д. Побывавъ въ ,Художественномъ Театрѣ', можно было съ легкимъ сердцемъ приняться за сочиненіе ,Оприцаніе театра'.

- 45 Н. Эфросъ!) не могъ скорбно не признаться, что ,театръ театральнѣй' пребудетъ особенно хорошихъ актеровъ, особенно богато одаренныхъ темпераментомъ, этой основной актерской стихіей. И въ этомъ отношеніи спектаклю ,Художественнаго Театра' можно сдѣлать нѣкоторые упреки'... Другими словами, быть можетъ самъ того не желая, Н. Эфросъ выразилъ больно бьющую ,Художественнѣй Театръ' мысль, что сей театръ, хоть и хорошій, очень даже хорошій (завоеваніе' и пр.), а всетаки, когда онъ хочетъ стать настоящимъ (сиречь ,театральнѣй') ему (о, кто-бы повѣрилъ?!)... можно сдѣлать нѣкоторые упреки'.
- Самое же интересное во всей этой исторіи измѣны ,Художественнаго Театра' самому себѣ, это то, что когда, на обѣдѣ у академика Н. А. Копляревскаго, я спросилъ К. С. Станиславскаго — ,какъ-же вы допустили у себя театральность, за которую вы такъ напали на меня въ прошломъ году у барона Н. В. Дризена', — Константина Сергѣевичъ, (котораго — спѣшу оговориться — я искренне люблю и уважаю) добродушно разсмѣялся и шутливо-секретно сообщилъ мнѣ на ухо ,это была... ужасная ошибка'.
- Покореннѣйшесъ веселостію дорогого мнѣ артиста, я, изъ свѣтской политичности, не сталъ спрашивать, что же было причиной этой ,ужасной ошибки', — принципъ театральности или неподготовленность и потому неумѣлость въ артистичномъ проведеніи этого принципа на сценѣ.
- Кстати, мнѣ лично постановка въ ,Художественномъ Театрѣ' ,У жизни въ лапахъ' понравилась. Недурно, хотя... Впрочемъ, что значить ,безпристрастная критика' апологета театральности, когда она относится къ театру, стѣдящемуся самого слова ,театръ' и проклинающему à qui m'eu-tіeu театральность.

Въ XVII-мъ вѣкѣ, послѣ спектакля италъянской комедіи, Ю. И. Айхенвалдъ конечно написалъ бы нѣчто совершенно противоположное. И ужъ воображаю, какъ бы доспалось отъ него духовенству, задолго до него, однако, какъ и онъ, изъ ‚высшихъ соображеній‘, всегда отрицавшему театръ! *

Въ ‚самомъ дѣлѣ!—развѣ можетъ стать убѣдительно-нымъ театръ безъ театральности!?—Вѣдь для того, чтобы пригото-вить рагу изъ зайца, надо прежде всего имѣть... зайца. Театръ безъ театральности это ‚рагу изъ зайца‘ безъ зайца. Правда, публика, интересующаяся всякими экспериментами, можетъ толпиться и въ кухмистерской, гдѣ ее собираются угостить такимъ неслыханнымъ блюдомъ. Но проба такого кушанья не опобѣтитъ, а скорѣи обостритъ аппетитъ къ нормальной пищѣ.

46

Казалось бы, изъ ‚Художественнаго Театра‘ нѣтъ для публики пупи въ кинематографъ, гдѣ, начиная съ пьесы и кончая исполненіемъ, все преисполнено, хотъ и не Богъ вѣстъ какого благородства, но подлинной театральности **. Если бъ я былъ дѣвушкой, я бы очень обидѣлся, узнавъ, что мой женихъ цѣлуется чаще, чѣмъ меня, другихъ женщинъ; я бы попытался выяснитъ, въ чемъ чары этихъ женщинъ и, еслибъ не способенъ былъ позаимствовать у нихъ эти чары, просто-напросто закрывъ бы дверь передъ носомъ своего жениха. Но... очевидно, мое сравненіе слишкомъ субъективно, такъ какъ честь ‚Худо-

* Въ своемъ увражѣ ‚Commedia dell'arte‘, К. М. Миклашевскій, мой славный товарищъ по организаціи спектаклей италъянскаго ‚Стариннаго театра‘, говоритъ (цитирую по корректурнымъ гранкамъ, любезно предоставленнымъ мнѣ авторомъ): ‚Трудно себѣ представить, насколько огромно количество трактатовъ духовныхъ особъ противъ театра, и ужъ навѣрно, авторы ихъ не подозрѣвали, какую хорошую услугу они оказываютъ исторіи театра. Теоретическія разсужденія, наставленія паствѣ, декреты епископовъ, рѣшенія духовныхъ соборовъ—все это представляетъ неоцѣненный матеріалъ‘.

** Впрочемъ, спѣшу оговориться: я видѣлъ примѣры утѣшительной аристокрапизаціи кинематографа, напри-мѣръ въ прекрасной лентѣ— ‚Мисологическій романъ‘ (постановка Макса Рейнгардта) и др.

жественнаго Театра' не заставила его покамѣспъ указатъ на порогъ (порокъ?) измѣнницѣ публикѣ, съ которой (это знаетъ вся Москва) давно уже состоялось обрученіе. (Впрочемъ, если вѣрять кумушкамъ,—дѣло теперь клонится къ тому, что бракъ не состоится, такъ какъ капризница-публика не хочетъ уже бракъ въ приданное реформированное ,рагу изъ зайца', достапочно ей надоѣвшее. Поживемъ — увидимъ).

Пока же ясно одно:—театральность движетъ публику по [линіи наименьшаго сопротивленія своему домоганію.

47 Что сущность этого домоганія не эстетическаго, а прэ-эстетическаго характера, что его motto въ радости властнаго преображенія анархически отвергаемой дѣйствительности,—объ этомъ я говорилъ достапочно въ свое время и въ своемъ мѣспѣ*.

Много основаній говорить о кризисѣ и даже о гибели театра, но ни одного, чтобъ заподозритъ въ томъ же театральность. Уже поставленная связно хотя бы съ понятіемъ кризиса (я ужъ не говорю о ,гибели'), она является nonsens, потому что опора ея въ инстинктѣ преображенія,—столь же могучемъ и живучемъ, какъ половой инстинктъ. Чувству театральности обязанъ своимъ происхожденіемъ театръ, а не наоборотъ. То, что данный театръ не нуженъ, говоритъ только о томъ, что нуженъ другой. Сейчасъ, напимѣрь, такимъ временно-другимъ театромъ является кинематографъ, куда и успремляется публика, согласно неизмѣнному закону [движенія театральности по линіи наименьшаго сопротивленія своему домоганію. Бранить за это публику трудно, какъ трудно бранить юнаго мужа соспарѣвшейся, подурнѣвшей жены за посѣщеніе публичнаго дома: законъ природы-съ. Жена, можетъ быть, и почтенная особа, и хорошаго происхожденія, и начипанная, образованная, чисто-плотная, со всякими эдакими ,внутренними переживаніями', —

* См. мою книгу ,Театръ, какъ таковой'.

сравнить нельзя съ какой-нибудь глупой потаскушкой! но... ,соловья баснями не кормятъ', говоритъ пословица. Бракъ по расчету рано или поздно кончается капаспрофой. А чувство театральности — что половое чувство: подавай прежде всего существеннаго — plat de resistance!.. Если я не нашель себя достойной ,жены' и если мнѣ претяптъ публичныя ,потаскушки', что-же мнѣ остается, какъ не... Виноватъ, что же мнѣ въ самомъ дѣлѣ остается, какъ не театръ для себя! Стара истина, что исторія повторяется и что для выясненія исхода насроящаго, полезно иногда бываетъ перечестъ страницы аналогичнаго прошлаго.

Вопъ вамъ, наримѣръ, поучительная ципапа изъ обширнаго, добросовѣстнаго изслѣдованія Л. Фрилендера — Карпини изъ исторіи римскихъ нравовъ':

48

,Для толпы, привыкшей къ зрѣлищамъ арены... блескъ сцены не представлялъ прелести, и образы идеальнаго міра казались ей безсодержательными тѣнями. Что для нихъ была Гекуба, когда и между образованными людьми не велико было число тѣхъ, которые бъ хотѣли видѣть на сценѣ судьбу царей и героевъ древняго эллинскаго міра... Уже въ послѣднія времена республики великолѣпная обстановка была лучшимъ и единственнымъ средствомъ возбудить въ публикѣ интересъ къ трагедіи (курсивъ мой). Военныя эволюціи... триумфальныя шествія... дорогіе наряды... всякаго рода корабли, колесницы и прочая военная добыча... занимали публику въ продолженіе чепырехъ часовъ и долѣе; — и такія-то зрѣлища во времена Горація составляли главную прелестъ трагедіи даже для образованныхъ людей... Трагедія начала разлагатъся; въ угоду зрителямъ приносилось въ жертву послѣдовапельное развитіе драмы, такъ какъ зрители были къ эпому равнодушны, и оставлялись только такія сцены, которыя заключали въ себѣ рѣшительные моменты и доставляли актерамъ удобный случай выказатъ свое искусство. Правда, въ Римѣ и въ провинціяхъ (вни-

маніе, Вл. И. Немировичъ-Данченко!) все еще ставились на сцену, какъ цѣлнвыя трагедіи, такъ и въ сокращенномъ видѣ. Но уже со второго вѣка они вышли изъ обычая и вмѣсто трагедій на театрѣ давались только сцены съ пѣніемъ и пантомимные танцы.

Ни дагъ — ни взягъ, — про наше время написано: по же увлеченіе танцами (балетомъ, дунканизмомъ, риммической гимнастикой), пантомимой (загляните въ наши мініатюръ-театры), зрѣлищемъ (кинемапографомъ, ‚Взягіемъ Азова‘ на открытомъ воздухѣ, проэктомъ возрожденія балагановъ на Марсовомъ полѣ и пр.).

А ужъ какіе были актеры въ древнемъ Римѣ! — не чета пеперешнимъ! — достаточнo упомянугъ среди нихъ одно имя 49 Квинта Росція Галла, котораго самъ Горацій прозвалъ ‚ученымъ‘, — Квинта Росція Галла, освятившаго обычай играть безъ маски и утвердившаго въ свое время, подобно нашему Станиславскому, канонъ жизненности и психологической правды сценическаго представленія.

И все-же ‚со второго вѣка‘... трагедія уже ‚вышла изъ обычая‘, — говоритъ исторія, попутно поучая, какъ мудрые Пепроніи предпочитали цирковому театру полупьяной черни ‚театръ для себя‘, хотя бѣ сымпровизованный изъ собственной смерти.

Повидимому, естѣ нѣчто роковое въ реалистическихъ реформахъ театра. Повидимому, маска и копурны, понимаютъ ли ихъ буквально или въ переносномъ смѣслѣ, — истинные носители идеи преображенія, составляющей сущность театральнаго дѣйства, — нѣчто вродѣ алкоголя, которымъ обрабатываются ‚въ прокъ‘ крѣпкія вина, алкоголя, безъ присутствія котораго театральное вино неизбѣжно скисаетъ.

Не знаю точно. Знаю только, что каждый разъ, какъ въ исторіи театра любой страны начинается тенденція такъ или иначе детеатрализовать сценическое представленіе, объектъ подобнаго эксперимента начинается клониться къ упадку. Те-

апръ Менандра, Квинта Росція Галла, правдолюбивый театръ Сервантеса, вразумительная ‚commedia erudita‘, быповой театръ Островскаго, даже символическій театръ Ибсена — всѣ они, вызвавъ сравнительно-кратковременный интересъ чисто-театральной публики, вели къ пустынь зрительнаго зала, пустынь, опъ ледяного дыханія которой замерзали самыя талантливыя лица, самыя талантливыя литературныя произведенія.

Недаромъ мудрый Молверъ, настоящій театральный maître, вводилъ при сценической разработкѣ самыхъ реалистическихъ сюжетовъ, фантастическія балеты, блестящія интермедіи, апофеозы и ту ‚всякую всячину‘, имя которой театральная гарантія.

Когда, съ наступленіемъ вѣка позитивизма, чуткіе къ вѣянію времени, а не къ духу произведенія, режиссеры-натуралисты спали играть Молвера съ купюрами этой самой ‚всякой всячины‘, очарованіе Молвера исчезло на сценѣ, и онъ былъ (horribile dictu!) признанъ устарѣвшимъ.

Поистинѣ, всеобщее нынѣ, открытое или скрытое, отрицаніе драматическаго театра, ведущее къ крахамъ антрепренеровъ и соннямъ безработныхъ актеровъ — вполне заслуженное наказаніе за то пренебрежительное отношеніе его руководителей къ театральности, какимъ, какъ нѣкою доблестью, было проникнуто все сценическое движеніе послѣдней четверти вѣка. Вулгарно нравоученіе — ‚а филозофъ безъ огурцовъ‘, но къ данному случаю, къ тому траги-комическому положенію, въ какомъ очутился сейчасъ дружно отрицаемый массой ‚серьезный‘ драматическій театръ, оно какъ нельзя болѣе примѣнимо.

Драматическій театръ захотѣлъ быть необычайно серьезнымъ, ‚дѣльнымъ‘, умнымъ; — это удалось ему настолько совершенно, что убѣжденная, вѣрнѣе, — зараженная его серьезностью, ‚дѣловитостью‘ и рациональностью публика дошла, въ послѣдовательномъ развитіи внутреннихъ ей качествъ, до той точки, на которой уже значилось: отрицаніе театра.

,Что посѣшь,—то и пожнешь'.—Къ азбучнымъ испинамъ возвращаетъ насъ нынѣшнее положеніе драматическаго театра! Приходится съ серьезной миной поучать:—театръ долженъ быть театромъ, храмъ храмомъ, кафедра кафедрой, учебникъ психологіи учебникомъ психологіи. Когда-же театръ хочетъ быть и пѣмъ, и другимъ, и претѣмъ, но меньше всего театромъ,—онъ гибнетъ, разрываясь, гибнетъ въ провиоестественномъ напряженіи, поступаясь рядъ за рядомъ своими припугательнѣйшими чарами...

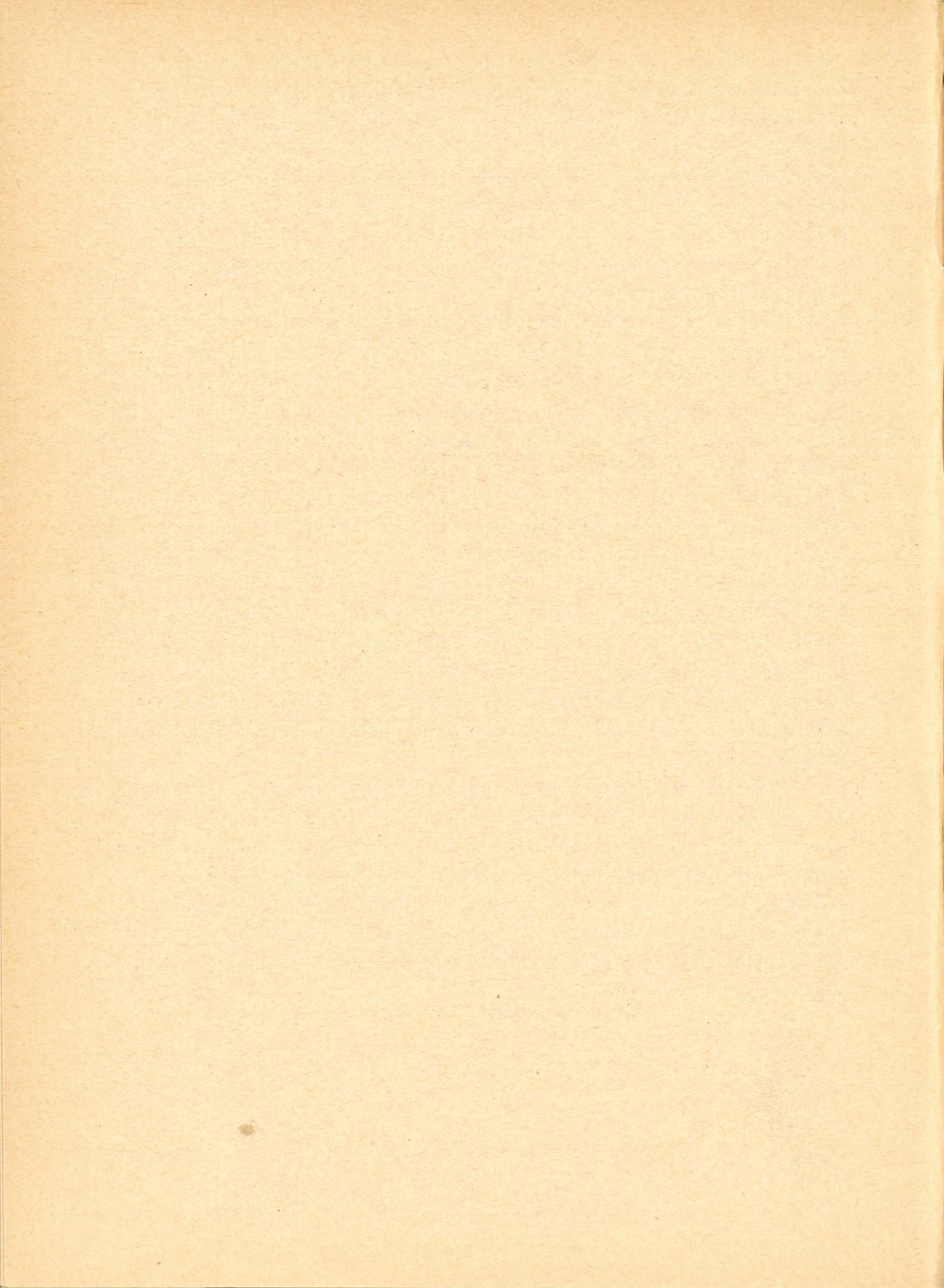
51 Или волшебный, таинственный, роскошно-пестрый Фениксъ возродится изъ сѣраго пепла, или... Но тогда это не былъ Фениксъ, не былъ безсмертный соблазнъ, вѣчное упоеніе разгоряченной фантазіи, вѣчное оправданіе самыхъ несбыточныхъ грезъ!... Былъ спало быть обманъ, заводная игрушка, дурацкая потѣха, заколдовывавшая миллиарды людей (спранны представитъ себя—въ продолженіе тысячелѣтій!) и, въ одинъ прекрасный для 'ученыхъ' день, приконченная, какъ муха, ловкимъ ударомъ увѣсистой книги?

Не можетъ быть!

Гори, Театръ, гори, испепеляйся! Я лобзаю самый пепель твой, потому что изъ него, подобно Фениксу, ты возрождаешься каждый разъ все прекраснѣе и прекраснѣе!

Благословляю Айхенвальда-поджигателя и всѣхъ присныхъ его, всѣхъ пѣхъ, кто способствуетъ преображенію самаго кладезя преображеній.

Я не боюсь за кладезь—на днѣ его неусыхающей, неизсякаемый источникъ! Изъ крови нашихъ жилъ его живительная влага! и она ищетъ состязанія съ огнемъ! Ей любо проявлять свою извѣчную мощь, ей любо время опъ времени сливаться съ самимъ огнемъ мысли, чтобы вкупѣ съ нимъ взвиваться потомъ кипящимъ фонтаномъ, въ радугѣ котораго всѣ призрачныя краски, въ горячихъ брызгахъ котораго все исцѣленіе охладѣвшихъ мечтателей!

А. БЛОКЪ. Д. БУРЛЮКЪ.

Жизнь проходила какъ всегда:
Въ сумасшествіи тихомъ.
Всѣ говорили кругомъ
О болѣзняхъ, врачахъ и лѣкарствахъ.
О службѣ рассказывалъ другъ.
Другой — о Христѣ,
О газетахъ — четвертый.
Хлѣбниковъ и Маяковскій
Набавили цѣну на книги
(Такъ что прикащикъ у Вольфа
Не могъ ихъ продать безъ улыбки).
Два стихотворца (поклонники Пушкина)
Книжки прислали
Съ множествомъ рѣмъ и размѣровъ.
Курсистка прислала
Рукопись съ тучей эпиграфовъ
(Изъ Надсона и ,символистовъ’).
Послѣ — подъ звонъ телефона
Посылный конвертъ подавалъ,
Надушенный чужими духами.
,Розы поставьте на столъ’,
Написано было въ запискѣ,
И приходилось ихъ спавить на столъ...
Послѣ — собрать по перу,
До глазъ въ бородѣ упонувшій,

О причипаньяхъ у южныхъ хорваповъ
Разсказывалъ долго.

Крипикъ, грома ,фупуризмъ ,
,Символизмомъ' шпвнялъ,
Заклучивъ ,реализмомъ'.

Въ кинемапографѣ вечеромъ
Знапнвй баронъ цѣловался подь палъмой
Съ барышней низкаго званья,
,Ее до себя возвышая'...
Все было въ опмѣнномъ порядкѣ.

Онъ съ вечера крѣпко уснулъ
И проснулся въ другой спранѣ.

Ни холодъ упра,
Ни слово друга,
Ни дамскія розы,
Ни манифестъ футуриста,
Ни стихи пушкинбьянца,
Ни лай собачій,
Ни грохотъ пелѣжнвй, —
Ничто, ничто
Въ мїрѣ возвратитѣ не могло...

И что подѣлаешь, право,
Если опмѣннвй порядокъ
Милаго, дальняго мїра
Въ снѣ иногда погрузитѣ,
И въ снахъ эпихъ многое снитѣ...
И не всегда въ нихъ такой,
Какъ въ мїрѣ, опмѣннвй порядокъ...

Нѣтъ, очнешься порой,
Взволнованъ, впревоженъ
Воспоминаніемъ смупнвмъ,
Предчувствіемъ тайнвмъ.

Буйно забьются въ мозгу
Слишкомъ свѣпавія мысли,
И, укрощая ихъ буйство,
Словно пугаясь чего-то, — , не лучше-ль,
Думаешь ты, ,чтобъ и новій
День проходилъ, какъ всегда:
Въ сумасшествіи пихомъ?'

Александръ Блокъ.

Мнѣ нравится беременный мужчина
Какъ онъ хорошъ у памятника Пушкина
Одѣтый сѣрую тужурку
Ковыряя пальцемъ шукапурку
Не знаетъ мальчикъ или дѣвочка
Выйдетъ изъ злобнаго сѣмячка?!

Мнѣ нравится беременная башня
Въ ней такъ много живыхъ солдатъ
И вешняя брюхатая пашня
Изъ коей листики зеленые порчатъ.

Пространство = гласныхъ
Гласныхъ = время!..
(Безцвѣтностъ общая и вдругъ)
Согласный звукъ горящій мужъ
— Цвѣтного бремени темя!..

Пустынныхъ далей очевидностъ
Горизонтальностъ плоскихъ водъ
И схимы общей безобидностъ
О гласный гласныхъ хороводъ!

58

И вдругъ ревущія значеня
Вдругъ вкрапленностъ поющихъ тонъ
Узвѣности и обольщеня
И рѣчи звучной камертонъ.

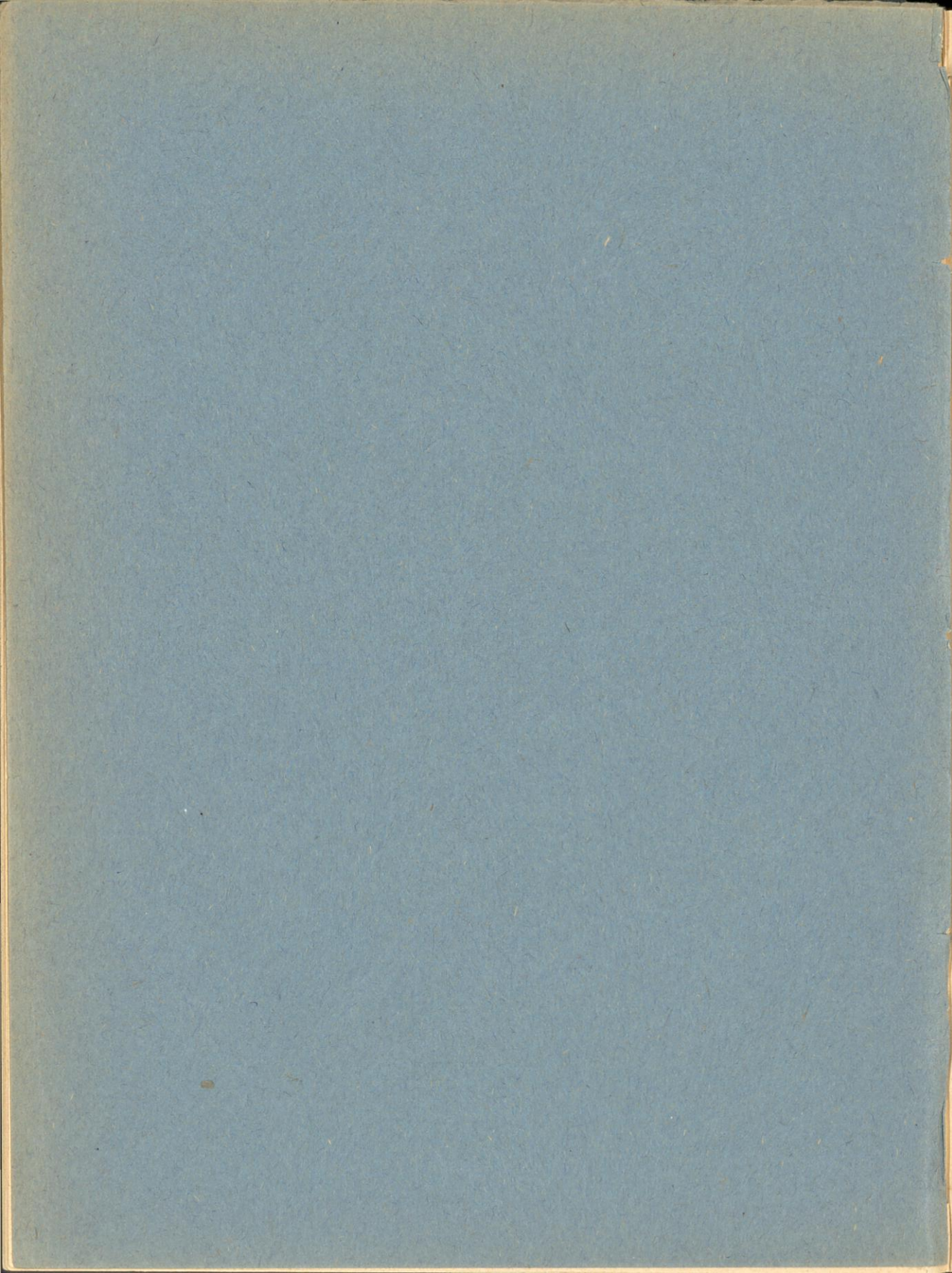
Согласный звукъ обѣменитель
Носитель смѣсловъ, живостъ дня,
Пока поетъ соединитель
Противположностю звеня.

Давидъ Бурлюкъ.

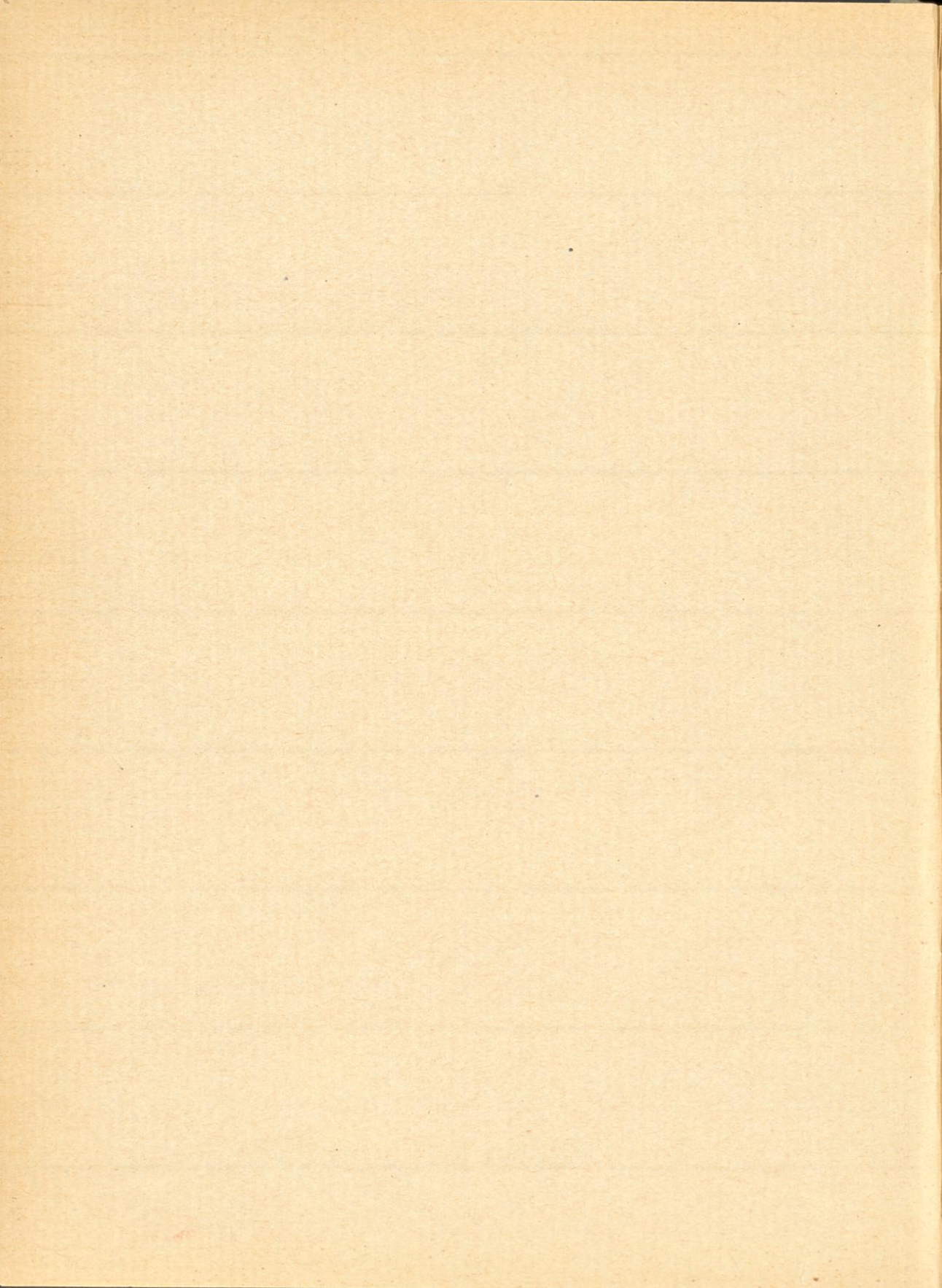

О. Розанова.

Танцовщица.

М. КУЗМИНЪ. ИЗМѢНА.

5-го іюля.

61
Сегодняшній сонъ опять возобновилъ мнѣ въ памяти то, что я хотѣла бы забыть. Хотѣла бы? Конечно, а между тѣмъ вопъ уже при года, какъ я только объ этомъ и думаю. Это составляетъ почти цѣль моей жизни. Какъ спранны... цѣль моей жизни составляетъ то, что я хотѣла бы забыть навѣки. Да, потому что я хочу знать, это необходимо для моего спокойствія, для моей совѣсти. Это спранные и неприятное ощущеніе я каждый день возстановляю въ своей памяти, будто для того, чтобы избавиться отъ него разъ навсегда. Есть-какая то жестокость въ этомъ къ самой себѣ, но иначе я не могу.

У насъ еще не было малюпки, мы только годъ, какъ были обвинены съ Арпуромъ. Онъ ѣздилъ ликвидировать свои дѣла въ Новій Свѣтъ. Я не желала расстаться съ нимъ хотя бы на нѣсколько недѣль и охотно рѣшилась на трудный и скучный путь черезъ океанъ. Всѣмъ извѣстна ужасная катастрофа, случившаяся съ 'Королевой Модъ', въ числѣ пассажировъ которой была я и мой мужъ. Это случилось на разсвѣтѣ, когда всѣ спали. Конечно, сонное состояніе увеличивало опасность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и припупляло сознание ея, такъ что многіе считали дѣйствительность за продолженіе преевожнаго сна. Оставшіеся въ живыхъ провели около восьми часовъ на боковой поверхности корабля, такъ какъ судно какъ бы повалилось набокъ и такъ погружалось въ воду. Эпи восемь часовъ, пока часть пассажировъ не слизнуло море, другую же не приняло небольшое угольное судно, подоспѣвшее

на помощь, были, конечно, ужасные многих лет капорги, на которую впоследствии был осужден капитан. Был бы великопный случай наблюдать эгоистическую, прусливую, героическую сущность людей в эти разнуданныя, лишенные всякой условности, моральной или религиозной, минуты, если бы нашелся человек, не утративший последних признаков наблюдательности. Смятение и ужас увеличивались необыкновенным туманом, лишившим нас возможности даже видеть, идет ли к нам помощь. Мы были похожи на слепых копящих, унесенных разливом в перевернутой корзине. Я не помню Артура после того, как, проснувшись от толчка, он выбил окно и помог мне вылезти на уже накренившийся живот корабля. Воспоминания прерываются большими паузами, как испорченный и перепутанный киноматограф. Впечатления теплоты снизу... вбоянно 'Королева Мод' горит внутри... Я держусь за трубу; может быть это не труба, но что-то металлическое. Конечно, это — не труба... Солнце вдруг пронизывает туман... общий незабываемый крик; вбоянно, с солнцем возвращается сознание. Голая женщина около меня молится по французски. Ее уже нет... Протягиваю кому то руку. Все тепле... Крики о помощи. Артур, Артур! Мужская рука держится за мою шею. Совсем у моих глаз спранные родимое пятно в форме полумесяца на верхней части руки. Очевидно, мы горим... Какое спрнное чувство. Я никогда не испытывала ни до, ни после такого сладострастия. Все равно, мы погибли. Я цѣлую и прижимаю все крепче... Смотрю только на коричневый полумесяц. Вокруг ползают мокрые люди... мне кажется, я сплю. Сладость и ужас проникают до самой глубины. Артура я нашла уже спасенным, когда очнулась на угольном судне. Почувствовав себя вне опасности, я внезапно ослабла и, залившись слезами, обвила шею мужа, в то же время ища глазами темный полумесяц через плотное сукно Артурова рукава. Значит, это не был сон.

Казалось, наша жизнь потекла нормальным и счастливым течением даже еще больше счастливым, если бы это было возможно, после пережитой опасности. Рождение ребенка сделало еще крепче нашу любовь, но и увеличило мое беспокойство. Почему-то сегодня после прехъ лишь я все вспоминаю с такою ясностью, будто это было только вчера. Вчерашний сон навел на меня эти воспоминания, не отгоняя именно того, избавившись от которого спремлюсь я всего сильнее.

7-го Июля.

63 Я уговорила Артура с утра отправиться на гребные гонки. Конечно, в этом лишь ничего удивительного, — он сам, как англичанин, понимает любовь к спорту, но его превозмимое мое волнение. Я могу часами просиживать на морском берегу во время купанья. Будь я старше, многим я показала бы женщиной, лишенной стыда и обуреваемой распутным воображением. Я сержусь, когда мужские фуфайки не оставляют рук обнаженными. Я вездѣ ищу темного полумѣсяца. Может быть, это мания, но мнѣ кажется, что когда я найду того человека, я успокоюсь, я все и навсегда позабуду. Я нарочно завела очень сильные бинокли, сославшись на увеличившуюся будто бы близорукость. И я не всегда умѣю скрыть от Артура мое волнение, которое с каждой неудачной попыткой не уменьшается, а даже словно увеличивается. Ни веселые берега Темзы, разбиваемой легким вѣтром, ни нарядная публика, ни пестрые флаги участвующих в гонках, — не достигали моего зрѣнія. Только ряд рук, блестящих от испарины, смуглых, блѣлых, розоватых, гладких и покрытых волосами, напряженных и спокойных — вот все, что передавал мнѣ мой бинокль и что я запомнила, будто мозг мой обратился в фотোগрафическую пластинку. Я даже не видѣла лиц гребцовъ, боясь поднять глаза выше верхней части руки. При видѣ полумѣсяца я бы пристально взглянула, я бы запомнила того, на кого я должна направить всю свою

превогу и ненавистную пягость. А такъ мнѣ казалось, что всѣ эти руки меня обнимали тамъ, на кораблѣ.

„Идемъ домой, Артуръ“, сказала я поскливо.

— Все равно. Я уснула.

„Ты спала нервна... можетъ быть, ты что-нибудь чувствуешь“.

Бѣдный Артуръ, кажется, думаетъ, что я готовлюсь снова спать матерью. Еслибъ онъ зналъ настоящую причину моего безпокойства. Я позабыла сказать, что мы никогда не говоримъ съ Артуромъ о гибели „Королевы Модъ“, будто условившись не будить прагическихъ воспоминаній. Когда однажды, года два тому назадъ, я начала было говорить объ эпомѣ, на глазахъ у Артура показались слезы и онъ промолвилъ: „маленькая Кэпъ, я знаю, что ты мнѣ спасла жизнь, но довольно объ эпомѣ“. Боясь сама разспросовъ, я не спала допытываюсь объясненій мужнинѣхъ словъ.

64

9-го Юля.

Артуръ только что вернулся изъ города, когда я съ малюпкой гуляла въ саду. По обыкновенію мы осматривали кусты розъ, наблюдая новыя распусившіеся цвѣты. Дѣвочка была въ бѣломъ платьѣ съ голыми колѣнками и всплескивала руками, когда замѣчала только что раскрытый бутонъ. Лѣниво по небу ползло облако, похожее на большой лохматый полумѣсяцъ. Вдругъ крошка не запрыгала, не закричала, а оспановившись, тихо позвала меня:

„Мама Кэпъ“.

— Что, милая,—спросила я, отрываясь отъ облака.

Протягивая впередъ тоненькій палецъ, дѣвочка указала мнѣ на огромную черную розу.

— Нужно сказать папѣ, онъ все время ждалъ этого цвѣтка!

— Да, крошка, идемъ къ папѣ,—сказала я, безпокойно озираясь на небо.

Дѣвочка, сѣменя ножками, болтала:

LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO

„Мы ему расскажем, да? и прямо проведемъ въ садъ, пусть самъ увидитъ“.

— Да, да, мы такъ и сдѣлаемъ.

Артуръ, очевидно, только что обпирался и собирался мѣнять рубашку. Увидѣвъ его въ зеркалѣ, я остановилась, потомъ вдругъ бросилась и прильнула къ его рукѣ, гдѣ темнѣлъ коричневый полумѣсяцъ.

„Кэпъ, Кэпъ, что съ тобою“, — шептала онъ, показывая глазами на крошку.

— Еслибъ ты зналъ, какъ я сегодня счастлива, Артуръ.

„У папы на рукѣ тоже черная роза, только она еще не распустилась. Правда, мама Кэпъ“.

— Правда, моя дѣвочка, правда. И еще правда, что твоя мама Кэпъ — очень глупая. Глупѣ тебя пожалуй.

Я не объяснила Артуру своего порыва, но дѣйствительно: какъ глупо, что я не видѣла никогда своего мужа при свѣтѣ раздѣтымъ. Я бы избавилась отъ многихъ мученій и превогъ, я бы знала, что я ему не изменила, ни разу, ни разу. Конечно, и въ тотъ часъ, когда я была готова погибнуть, я безсознательно узнала объятія, такія родныя, моего Артура. Странно только, что потомъ, въ объятіяхъ мужа я не узнавала тѣхъ чѣхъ то рукъ съ темнымъ полумѣсяцемъ на блѣдной кожѣ...

BRITISH
LIBRARY

Ө. СОЛОГУБЪ. М. КУЗМИНЪ.

Подъ сводами Упрехтскаго собора
Темно и гулко.

Подъ сводами Упрехтскаго собора
Поетъ органъ.

Съ Маргретъ изъ Башеннаго переулка
Вѣнчается сапожникъ Яковъ Данъ
Подъ пѣніе поржественнаго хора.

Подъ сводами Упрехтскаго собора
Въ слезахъ невѣста.

Подъ пѣніе поржественнаго хора
Угрюмъ женихъ.

,Вы всѣ изъ одинаковаго пѣста',
Онъ думаетъ, нахмуренъ, золь и пихъ
Подъ сводами Упрехтскаго собора.

Подъ пѣніе поржественнаго хора
Вѣнчай ихъ, Боже!

Подъ сводами Упрехтскаго собора
Чуть брезжитъ свѣтъ.

Въ коморкѣ плетка естъ изъ новой кожи,
И знаетъ это блѣдная Маргретъ
Подъ сводами Упрехтскаго собора.

Федоръ Сологубъ.

4.

Тѣни косыми углами
Побѣжали на оспрова,
Пахнепъ плохими духами
Скошенная права.

69

Жаръ былъ съ упра неистовъ,
День, опдуваясь, легъ...
Компанія лицеистовъ,
Двѣ дамы и котелокъ.

Мелкая оспа попа,
Въ шею нелзя цѣловать!..
Кого же кому охота
Въ жаркую звать кровать?

Теноръ, толстъ и печалень,
Вздыхаетъ, ,я ждапъ успаль!
Надъ крышей дырявѣхъ купалень
Проспенвкїй мѣсяць всталь.

Расцвѣли на зонпикахъ розы,
 А пахнутъ онѣ „folle agôte“...
 Въ такой день стиховъ опъ прозы
 Мы, право, не разберемъ.

Синій, какъ хвостъ павлина,
 Шелковій медлилъ жакетъ.
 И съ мостика вся долина—
 Королевски-сельскій паркетъ.

Удивленно обижены пчелы,
 Щегленокъ и чижъ пристыженъ,
 И вторяпъ рулады фонолы
 Флиртовому повѣпрію женъ...

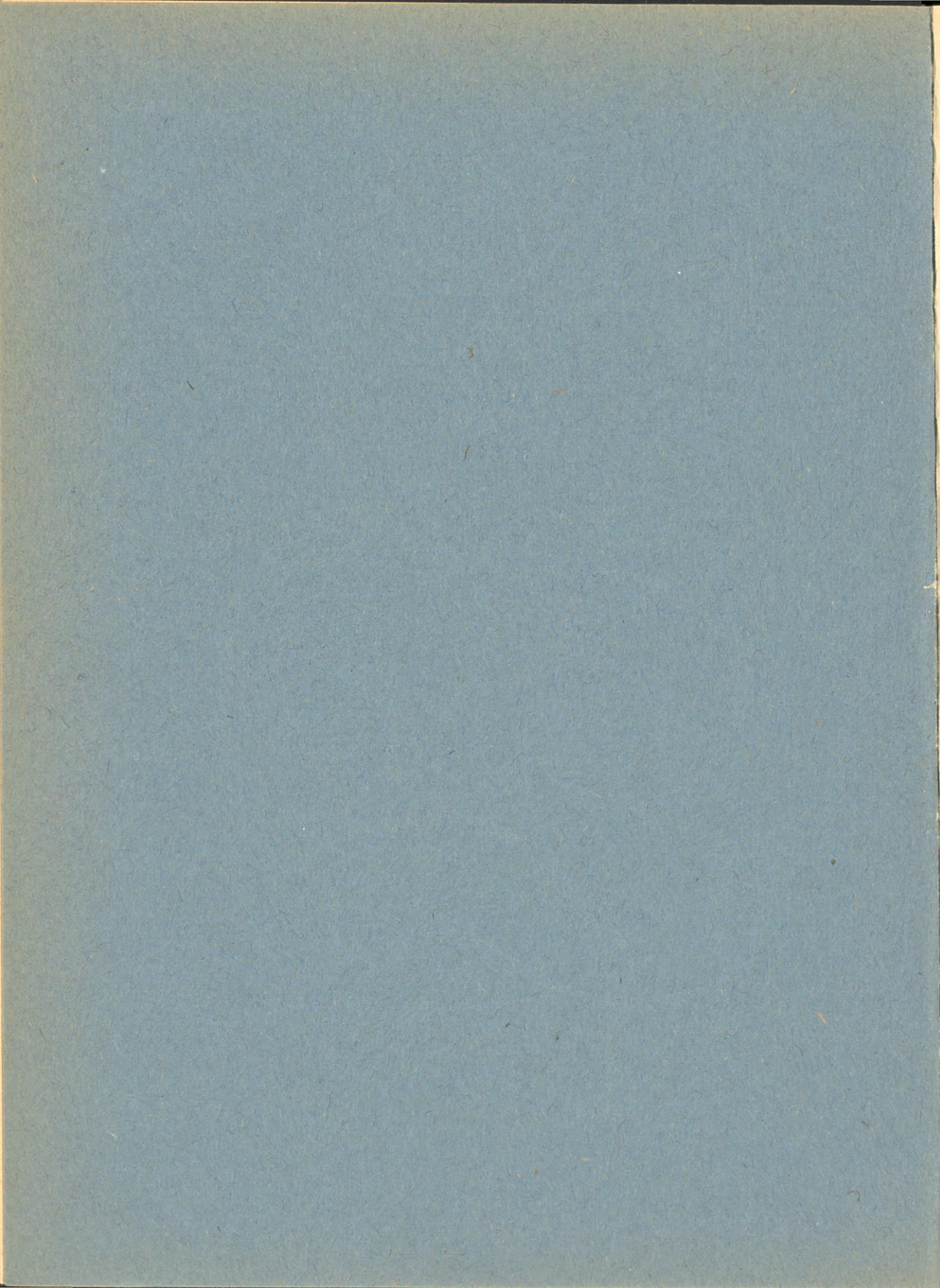
У тенниса лишь рубашки
 Мелко бѣлѣютъ вскачъ,
 Будто лиліи и ромашки
 Невиднвій бросаюпъ мячъ.

М. Кузминъ.

Давидъ Бурлюкъ.

Рисунокъ.

ВАСИЛІЙ КАМЕНСЬКИЙ.

Лидіи Николаевнѣ Цеге.

73

Подъ желтымъ куполомъ цирка лязгнуль мѣднѣй ревъ.
 Б - а - м - м - м - м - ъ. Три глаза уперлись въ кругъ и заструилосъ
 ожиданіе спруй. Колыхнулся занавѣсъ—дрогнуло сердце.
 Еще лязгъ мѣди: Б - а - м - м - м - м - ъ. Вырваласъ на дикомъ
 въпровомъ конѣ безъ сѣдла индіанка наѣздница съ глазами
 тигрицы, выглядывающими изъ кусповъ пропиковъ, и пальмами
 дышетъ осолнцепаленная грудь. Думаю—гдѣ-то надъ шаптрами
 изъ листбевъ банановъ гнѣздятся по ночамъ низко звѣзды.
 Будто всегда весна, и весніянныя сны, и кораллоостровыя
 пѣсни — грустныя. Ярче — громче — круче смѣсль. Что она —
 путь?—Хх-эй- - -эй-пхэ- - - . Скачетъ, — можетъ бытъ вспо-
 мнила, какъ преслѣдовали враги, догоняя спрѣлами.—О - пхэ - - -
 эй - пхэ. Не улыбуласъ, пока не задѣли глаза. Развѣ могъ не
 прійти на пристань судьбы, или могъ усталѣй не присѣспѣ
 на берегъ океана золотиносныхъ желаній? Визгъ — лязгъ — про-
 жекторяпть. Унесласъ. Миновало.

Тебѣ сегодня — твоимъ цвѣтамъ и твоимъ наклонамъ къ
 благоуханію земли. Индіанка надѣла мнѣ на руку коралловую
 нить и сказала слово своего острова: ан-нэо-хатсу-мау.
 На первую зеленъ риса походяпть прикосновенія ея пальцевъ.
 Теперъ на островѣ Хатсу станція радіомелеграфа. Мой
 братъ Петро, морякъ—въ его глазахъ опразилось каждое упро
 дальнихъ плаваній и птысячи узловъ. Въ іюнѣ я пролетала надъ
 головой его корабля и съ аэроплана кинуль ему въ океанъ
 бутылку рома съ Ямайки на спасательномъ поясѣ.

Задумался. Щолчъ хлыста. Представленіе. Мимо—шелестъ сло-
 новвей кожи. Вякаетъ зебра. Послѣ—рано упромъ поѣхали на

аэродромъ. Вѣтеръ семь мепровъ въ секунду. Возсолнилось. Тогда легко взлетѣли на нѣюпорѣ, чутко рулируя на городъ. Крыловая музыка мотора веселила самопутъ, дѣлая насъ ясно-вѣпрывимъ движеніемъ въ безбережьи изъ бирюзы. Мы были полъко дѣтѣми на материнскихъ колѣняхъ пространства. Тепломъ пропиковъ улыбулась Хапсу.—Дикое распеніе надеждъ Робинзона. На окнѣ вспоминай о дѣтствѣ и развѣ не пахнетъ оно пыльной мукой?—Аэрорадужно. Городъ внизу — кубики — линіи — баклашки — игрушки — зеленодалѣ.

О, чистокровная нѣжнолюбовница! Вся напѣвная, вся прагическая, вся изгибъ. Въ танцѣ, въ шампанскомъ, въ плапѣ изъ тканий [икс-лучей. Лепая, опьяняла зубоулыбкой. А я орлил — пѣснебоець спройныхъ словъ, сложеніемъ похожихъ на обнаженныхъ дѣвушекъ. Тебѣ несу свою душу въ медвѣжьей шкурѣ.

74

Тебѣ радіоактивная самка.

Вчера лепалъ на аэропланѣ — моторъ вдругъ оспановился. Спланировалъ куда-то въ поле — никого, — на молодую рождъ прилегъ отдохнуль, пишина мудростью беременная, надъ головой въ куполѣ небохрама рлюикаль жаворонокъ: рліи-юк-ій-ію-рлі-ію-юк-і-. Солнился масляный пропеллеръ. Назвалъ себя распеніемъ 'неувяданникъ' южнаго склона уральскихъ горъ. И пока нашли меня: — Хапсу — яснослышалась въ дѣтской игрѣ солнцелучей, звеня ослѣпительнымъ крикомъ изъ хрусталя. Хапсу — пѣснепьянствовала около, бросая въ лицо мое полногорсти розоваго смѣха. Хапсу, дочь камневѣка, танцовала змѣино вокругъ аэроплана. Хапсу — царственной пластикой сочепала тѣсячелѣтіе съ тѣсячелѣтіемъ, какъ секунду съ секундой. Хапсу — падала на землю каменной первой киркой, кинутой отъ усталости, и, падая, помнила на оспровѣ спанцію радіопелеграфа. Хапсу — огнепоклонница факировъ носилъ звѣздный талисманъ, врѣзанный въ лѣвое бедро — попому она лучшая въ мірѣ цирковая наѣздница. Хапсу — знаетъ Парижъ — Лондонъ — Бомбей — Калькутту — Москву. Хапсу знаетъ оспровъ

Хатсу, тѣни банановъ, кокосовый сокъ, вино изъ урвы съ падающихъ звѣздъ. Хатсу—рѣшаю въ пѣвучей любви—нераз-
станица—уѣдесть, прижмется къ священному хоботу род-
ного слона. А я буду любимъ печаль сквозъ березовую рощу
и русскую дѣвушку—останусь по эгомъ чернозема.

Незамолчной призвѣвочалю разлилось желаніе Хатсу уѣхатъ,
статъ расцениемъ своей родинойземли. Можесть бытъ иди
босой рядомъ съ арбой апельсиновъ, думая объ автомобилѣ,
можесть бытъ въ пролепающихъ бѣлоплицахъ видѣтъ вѣпро-
вѣющій сонъ аэроплана, можесть бытъ умереть отъ укуса
гремучей змѣи, защищающей змѣенышей. Пусть—такъ надо—
какъ надо остаться мнѣ пихтой на сѣверѣ.

75 Дѣпство—мнѣ прицатъ ровно—я бѣгаю босикомъ по кра-
пивѣ—люблю лѣто, свое имѣніе на Каменкѣ, домикъ, собакъ и
на разсвѣпахъ удивляюсь въ окно. Въ глуши—на восточномъ
это склонѣ Урала. А завтра навѣрно опустится на аэропланѣ
какой нибудь упомившійся авіапоръ на мою поляну и радост-
ный сорветъ двѣ или семь ягодокъ земляники—и будетъ
ждатъ. Приглашу въ домъ, извиняюсь—думаль о другомъ.
Еще чуть блеснуло—если взятъ Хатсу въ имѣніе, крестьяне
убьютъ ее, какъ рысь, а зимой было бы лѣто и лепящие дни.
Хатсу, выпьемъ за большихъ ппичъ, за наши южносѣверныя
вспрѣчи.

И вопъ мое наблюдение: югъ становится сѣверомъ, сѣверъ
югомъ, климатическія условія энергично измѣняются, пока
уравниваясь. Наступаетъ вѣкъ чудесъ и открытій—праздникъ
неожиданнаго.

Вскинувъ вѣино голову, къ облакамъ, можно уяснить смыслъ
культуры. — Я (бицепсъ сорокъ сантиметровъ) натягиваю
лукъ максимума волевой энергіи и мѣтко спускаю стрѣлу въ
первое бѣние сердца сегодня—родившагося младенца. — Хатсу
проситъ снятъ смокингъ и пигровую шкуру натянутъ на плечи.
Я вѣрю въ культуру и завтра сдѣлаю такъ: — пусть камен-
новѣкъ напомнитъ жизневозвращение. — Пусть моторовѣкъ

будеть рѣжимъ—знакъ царственновеличія—путь стремитель-
носиль.

Курьеримъ—провожаю до моря. Купэ экспресса (Спб.—Сева-
стополь—вагонъ международного обществѣ № 0613-В).

Хапсу, знойная Хапсу, смотришь послѣполднемъ или вдругъ
грустноглубью глазъ по вечерней дорогѣ. Въ купэ лампочка
улыбаеть прошлое—будто кругъ цирка—оркестръ—лязгъ мѣди.
Б а м - м - м - м - м - ъ. И Хапсу поеть: а н - н э о - х а п с у - м а у.
Я вижу ея слезы въ брилліаншовомъ кулонѣ. Ночь коротка, мы
пьемъ кюрассо,—міръ большой, а друзей мало. Мнѣ не нра-
вится когда спанціонируетъ поѣздъ—зачѣмъ? или нужно
помнить о г л у п о м ъ,—даже собачій лай слышно. Прикасясь
къ груди Хапсу, чувствую горячій песокъ и, складывая біенія
ея сердца, вижу коралловую нить.

Ея поцѣлуй—о а з и с ы— и еще прощай.

Н. Н. Евреинову.

Мильничка
Минничка
Лѣпка
Хорошечка
Славничка
Байничка
Спинничка

спи-спи-спи.

Кусаренѣки
Маренѣки
Даренѣки
Жаренѣки
Бобусы
Ракушки
Камушки

спи.

Цинѣ-пюрлю
Цинѣ-пюрлю
Улетелечки
Ппички
Пѣсенки
Лѣсенки
Палькай
Водички

и спи-спи-спи.

Мушки у
Ямушки
Лягушки
Квакушки
Барашки съ
Рожками
Кружочки
Снѣжочки

спи-спи.

Малякаля
Бакаля
Куколки
Мячики
Крылышки
Ш - ш - ш - ш
Ушки—игрушки
Спапенѣки
Слапенѣки
Спи лѣтка
Солничка

спи-ау-ау-ау-ау.

Н. Кульбинъ.

Портретъ Маринетти.

АРТУРЪ ЛУРЪЕ.

КЪ МУЗЫКЪ ВЪСШАГО ХРОМАТИЗМА.

Введеніє четверпныхъ тоновъ—начало, въ полномъ смѣслѣ, новой ,органической' эпохи, выходящей изъ граней воплощенія существующихъ музыкальныхъ формъ.

81 Помимо возможности, въ наступающее время, воспроизведенія высшаго хроматизма въ оркестрѣ, реконструкція рояля (введеніє четверпныхъ тоновъ) осуществится въ ближайшемъ будущемъ ввиду дѣятельности лицъ, работающихъ надъ реальнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса.

Предлагаемій здѣсь проэктъ записи высшаго хроматизма, рассчитанъ на простому примѣненія.

Этотъ способъ даетъ возможность сохранить временно существующій нотный станъ и не разрушаетъ прежнихъ гармоническихъ концепцій.

Предлагаемій новій знакъ 4 (quartièse)—повышаетъ на $\frac{1}{4}$ тона, въ опрокинутомъ видѣ ♭ (quart'moll)—понижаетъ на $\frac{1}{4}$ тона.

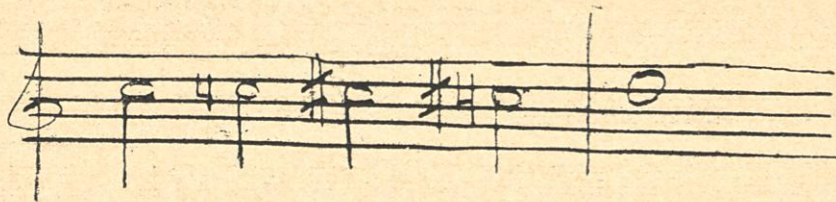
Каждый изъ этихъ знаковъ уничтожается полу-бекаромъ ♮ (demi-becarre).

Цѣлесообразность предлагаемой системы въ экономности и спильной начертательности новыхъ знаковъ. Всѣ прежніє знаки сохраняютъ свою силу по отношенію къ хроматизму $\frac{1}{2}$ тоновъ.

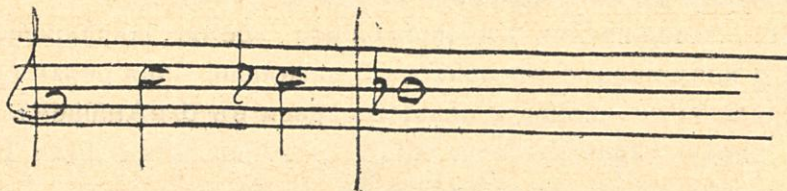
Въ старомъ хроматизмѣ два звука равномернаго повышенія, обозначаемыхъ нотой одной и той же ступени.

Висшій хроматизмъ перебуєть чотыре означенія одной и той же ступени въ равномѣрномъ повышеніи.

То же въ сторону равномѣрнаго пониженія.

Prélude
(pour piano et Lucienne chromatiques) Arthur Bourgeois. op. 22. 1892

Piano
avec les
Chromatiques
supérieures.

The first system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one flat (B-flat) and a 4/4 time signature. It contains several measures of music, including a prominent sixteenth-note run. The lower staff is in bass clef and contains a complex accompaniment with many beamed sixteenth notes. Dynamic markings include *p* and *mp*. There are also some handwritten annotations above the staves.

The second system continues the musical piece. It features similar notation to the first system, with a treble staff and a bass staff. A *crescendo* marking is visible in the lower staff. The music continues with intricate rhythmic patterns and chromatic lines.

The third system of musical notation shows a change in tempo with the marking *in tempo*. The upper staff begins with the instruction *p. poco più lento*. The lower staff has a *p.* marking. The piece concludes this system with a *poco rallent.* marking. The notation includes various rests and melodic fragments.

The fourth and final system of musical notation on this page. It continues the piece with a *p.* marking in the lower staff. The notation is dense with sixteenth-note patterns in both staves, leading to a final cadence. The system ends with a double bar line.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

РЕБЯТИШКАМЪ КАРТИНКИ.

Давайте, мои лепунѣ милѣе, мои зайвѣки, зайчиѣки, пѣпушки, пѣпушенѣки, станемте сначала картинѣки смотрѣть, а потомъ заведемъ игру.

Вотъ это барашекъ, онъ же и козликъ, травку щиплетъ. Набѣгался, рогатѣй, по лѣсу, по кусточкамъ, пришелъ домой и сейчасъ за травку. [84]

А это, мышѣка. Уши-то какъ загнулись, хвостъ винпикомъ, Морковничаетъ.

А это мышенокъ племянникъ, онъ же и монашекъ, спалъ на колѣни, кланяется—однѣ пяпки торчатъ. Тепло ему и заснулъ. И снятся ему кишки бычинѣя, да соннѣй глазъ. А проснется, ой, пѣсни пѣть. Ему только и занятѣй, что подъ поломъ скребѣть, да пѣсни пѣть. Голосъ то-ненѣ-кѣй!

А это свинѣки—и та и другая.

Эта вотъ свинѣка веселая. Хвостѣще-то какъ подняла—имениница! А эта свинѣка—грустная. Платокъ потеряла. Ходитъ и ищетъ, ходитъ и ищетъ. И хочетъ свинѣкѣ орѣшковъ поѣсть фиспашковѣхъ.

Детишка и партини

Завейте мои летучки шифи, мои замбия, мои гини, то дши, то душени, стани гити снагада
 партини и шифи, а то бо ваврови и д

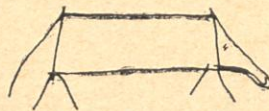
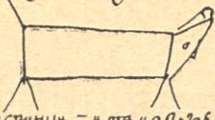
вот что ваврови, он же и позвиль, парву и шифи. На ваврск, рога тый по дшу,
 по шифицциамб, парше в дшми и сейсай д парвину.)

а то шифи дши-по най ваврови, хроты вавриниамб. Морювник а етв.

а это шифи и дшмикиль, он же и ченатиель, стави на шифи, и ланкетв -
 едет парти и парвиль. Шифи сшу и вавров. И шифи сшу шифи и дшмикиль дашонкиль
 и дш. А парвинеа, он шифи и вавр. Ешу парвиль и замбия, то парвиль сшу
 шифи да шифи и вавр. Давров то кель-иши.

Это свищити - и шифи и дшми.

Шифи хрот свищити ваврск. Хрот шифи-по най ваврови - и шификиль.

А эта свищити - шифи и вавр. Шифи в парвинеа. Давров и шифи, хрот шифи и
 шифи. И хрот свищити ваврск и вавр шифи шифи.

Завейте мои летучки шифи, мои замбия, мои гини, то дши, то душени, стани гити снагада
 партини и шифи, а то бо ваврови и д

В. МАЯКОВСКИЙ.

ОБЛАКО ВЪ ШТАНАХЪ (отрывокъ изъ трагедіи).

,Хопите, буду опъ мяса бѣшеный, —
И, какъ небо мѣняя пона, —
Хопите, буду безукоризненно нѣжный,
Не мужчина, а облако въ шпанахъ!'

(Изъ пролога).

Явись, Марія!
 Я не могу на улицахъ!
 Не хочешь?

Ждешь, какъ щеки провалятся ямкою, —
 Попробованный всѣми, прѣсный,
 Я приду и беззубо прошамкаю,
 Что сегодня я — , удивительно честный!

Марія, видишь,
 Я уже началъ супулитъся.
 Въ улицахъ —

Люди жиръ продырявляпъ въ чепырезпажныхъ зобахъ,
 Высунуть глазки, попертые въ сорокгодовой таскѣ,
 Перехихикивапъся, что у меня въ зобахъ

Опять

Черствая булка вчерашней ласки!

.....
 Какъ въ зажирѣвшее ухо вписнупъ имъ нѣжное слово?
 Птица подбирается пѣсней,

Поетъ голодна и звонка,

А я человекъ простой,
 Выброшенный чахоточной ночью въ грязную руку Прѣсни.

Марія хочешь такого?

Пусти!

Судорогой пальцевъ зажму я желѣзное горло звонка!

Марія, звѣрѣютъ улицъ выгонь!

На шеѣ ссадиной — пальцы давки!

Открой! мнѣ больно!

Видишь, напыканы

Въ глаза изъ дамскихъ шляпъ булавки!

Пустила...

Дѣтка! Не бойся, что у меня на шеѣ воловѣй

Мокроживопыя женщины попной горою сидяпъ:

Это сквозъ жизнь я пашу миллионы огромныхъ и чистыхъ
любовей

И миллионъ миллионовъ маленькихъ, грязныхъ любяпъ.

Не бойся, что снова въ измѣны ненастїе

Прилну я къ тысячамъ хорошепкихъ лицъ.

—,Любящїя Маяковского'—да вѣдь это жъ династїя

На пресполь сумасшествїя восходящихъ царицъ.

Марїя ближе!

Въ раздѣломъ безспыдствѣ, въ боящейся дрожи ли,

Но дай твоихъ губъ неисцвѣпшую прелестп!

Быпъ можепъ я съ сердцемъ до мая не дожили,

А въ прожитой жизни—лишь сопый апрѣль есп!

Отдайся Марїя!

Имя твое я боюсь забыть,

Какъ поэтъ боится забыть какое-то

Въ мукахъ ночей рожденное слово,

Величїемъ равное богу...

Тѣло твое я буду беречъ и любить,

Какъ солдатъ, обрубленный войною,

Ненужный, ничей,

Бережетъ свою единственную ногу...

Марїя!

ЗИНАИДА ВЕНГЕРОВА.

АНГЛІЙСКІЕ ФУТУРИСТЫ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

— Англійскіе футуристы . .

— Мы не футуристы, прежде всего не футуристы, — прерываетъ меня съ злобнымъ упрямствомъ высокій, тонкій блондинъ съ закинутыми назадъ длинными волосами, съ угловатыми чертами лица, съ крупнымъ носомъ и свѣплыми, никогда не улыбающимися глазами. Это Эзра Поундъ, обангличанившійся американецъ.

93 Онъ вмѣстѣ съ офранцуженнымъ Уиндгэмъ Люисомъ — главные вдохновители новаго движенія.

Эзра Поундъ подводитъ меня къ стѣнѣ, гдѣ развѣшаны опписки манифестовъ, заготовленныхъ для „Blast“ а, перваго программного сборника новыхъ поэтовъ и художниковъ. Онъ указываетъ на слова: „Маринетти-трупъ“.

— Вы видите?

Я вижу. Ихъ паюсъ въ томъ, чпобъ опмежеватъся, чпобъ стереть слова, сказанныя наканунѣ.

— Мы „ворпидисты“, а въ поэзіи мы „имажисты“. Наша задача сосредоточена на образахъ, составляющихъ первозданную стихію поэзіи, ея пигментъ, то, чпо таитъ въ себѣ всѣ возможности, всѣ выводы и соотношенія — но чпо еще не воплотилось въ опредѣленное соотношение, въ сравненіе, и тѣмъ самымъ не стало мертвымъ, Прошлая поэзія жила метафорами. Нашъ „вихрь“, нашъ „vortex“ — топъ пунктъ круговорота, когда энергія врѣзается въ пространство и даетъ ему свою форму. Все, чпо создано природой и культурой, для насъ общій хаосъ, который мы пронизываемъ своимъ вихремъ. Мы не отрицаемъ прошлаго — мы его не помнимъ. Оно далеко и тѣмъ самымъ сентиментально. Для художника и поэта оно средство опвести инстинктъ

меланхолии, мѣшающей чистому искусству. Но и будущее далеко какъ и прошлое, и тѣмъ самымъ тоже сентиментально. Оно отводъ для оптимизма, споль же плепворнаго въ искусствѣ, какъ и печаль. Прошлое и будущее — два лупанара, созданные природой. Искусство — періоды бѣгства изъ эпихъ лупанаровъ, періоды святости. Мы не футуристы: прошлое и будущее сливается для насъ въ своей сентиментальной отдаленности, въ своихъ проэціяхъ на запуманенномъ и безсильномъ воспріятіи. Искусство живо только настоящимъ, — но лишь настоящимъ, которое не подвластно природѣ, не присасывается къ жизни, органичиваясь воспріятіями сущаго, а создаетъ изъ себя новую живую абспракцію. Мы — вихрь въ сердцѣ настоящего, и тѣ углы и лінії, которыя создаются нашимъ вихремъ въ нашемъ хаосѣ, въ жизни и культурѣ, какой мы ее застали, и есть наше искусство. Мы — ,новые egos', и наша задача ,обезчеловѣчить' современный міръ; опредѣлившіяся формы человѣческаго тѣла и все, что есть ,только жизнь', утратили теперь прежнюю значительность. Нужно создать новыя отвлеченности, сполкнутъ новыя массы, выявитъ изъ себя новую реальность...

Схвативъ карандашъ и бумагу, Эзра Поундъ черпипъ воронку, изображающую вихрь и дѣлаетъ математическія выкладки, показывающія движенія вихря въ пространствѣ. Я тщетно пытаюсь отвлечь бесѣду отъ программъ и формулъ въ сторону живыхъ художественныхъ достиженій ,ворпицистовъ' и ,имажистовъ'. Имъ владѣетъ соблазнъ теоріи и ему кажется, что, создавая программы для ,новыхъ egos', онъ точно волшебными заклинаніями вызоветъ ихъ къ жизни.

И не только въ бесѣдѣ съ Эзрой Поундомъ, но и во всемъ, въ чемъ выявилась дѣятельность англійскихъ ворпицистовъ, сказывается роковое расхожденіе смѣлыхъ и несомнѣнно интересныхъ программъ съ полной безпомощностью ихъ осуществленій. Въ жизни ворпицисты процвѣли и — что какъ будто бы идетъ въ разрѣзъ съ ихъ опрѣшеніемъ отъ вкусовъ современности — ,вошли въ моду'. Правда, ихъ упорно называютъ въ Англии фу-

туруристами, не считаясь съ ихъ ученымъ самоопредѣленіемъ, но зато ихъ декоративный стиль признанъ послѣднимъ словомъ англійскаго вкуса. Они замѣнили всѣ цвѣта упорнымъ blanc et noir, соотвѣтствующимъ синтетическому представленію о пространствѣ, прорѣзанномъ вихремъ, и столь же настойчиво утверждаютъ обнаженную геометричность формъ, испробующую выпіевающую округленность, волнистость и депальность. Эта схема окраски и формъ воцарилась въ Англии—до полной назойливости. Зайдите въ театр—и даже въ пьесахъ стараго репертура вы неизбежно наполкнетесь на постановки въ ,новыхъ футуристскихъ тонахъ'. Въ глазахъ начинаются рябины опъ черныхъ съ бѣлымъ полосатыхъ обоевъ, опъ пола въ черныхъ съ бѣлымъ квадратахъ, опъ черныхъ бархатныхъ портьеръ, черныхъ съ бѣлымъ подушекъ, абажуровъ и т. д. Въ домахъ, декорированныхъ Уиндгэмомъ Люисомъ и его собратьями, упоминательная замѣна индивидуальныхъ деталей спремленіемъ къ геометрическому узору. Футуристская мастерская ,Омега' устанавливаетъ каноны синтезирующаго обезцвѣчивания и ихъ образцамъ слѣдуетъ весь ,рынокъ'. Въ посудныхъ магазинахъ выпринты уставлены ,футуристскими' чашками и чайниками въ широкихъ и мелкихъ черныхъ и бѣлыхъ полосахъ... Словомъ, футуризмъ въ модѣ, вплоть до дамскихъ туалетовъ, до книжныхъ переплетовъ и т. д.

Въ литературѣ новое движеніе, уже не соприкасаясь такъ близко съ искаженіями промышленниковъ, смогло оградить себя опъ клички футуризма и твердо держится наименованій ,ворпизма' и ,имажизма'. Всѣ внѣшніе признаки жизнеспособности у него налицо. Есть два спеціальныхъ журнала, объединяющихъ ,новыхъ egos', журналъ ,The Egoist' и американскій журналъ ,Poetry', главные сорудники котораго—англійскіе ворпизмы. Есть спеціальное издательство въ Лондонѣ (The Poetry Bookshop), издающее имажистовъ, выпустившее въ свѣтъ антологию новыхъ поэтовъ подъ французскимъ заглавіемъ ,Des Imagistes'. Тамъ же, въ помѣщеніи издательства, читаются лекціи

о ‚ворпексѣ‘. Наконецъ, незадолго передъ началомъ войны, появился большой сборникъ ‚Blast‘ съ манифестами, со стихами и прозой, а также съ рисунками представителей новой школы. Весь ‚оркестръ средствъ‘—по ихъ собственному выраженію—собранный и симфонія ворпицизма должна зазвучать, заглушивъ все ей предшествовавшее.

Но гдѣ, въ чемъ эта новая симфонія?

Раскройте ‚Blast‘. Начиная съ внѣшности и всей книги и каждой отдѣльной страницы, въ немъ много бѣющаго на эффектъ, на то, чтобы запугать добронравнаго и просподушнаго читателя. Но, увы, вся эта пугающая внѣшность—прямой сколокъ съ уже прѣвшихся пріемовъ футуристовъ, и имальянскихъ, и въ особенности французскихъ. Самое заглавіе ‚Blast‘, („Долой“)—смягченная замѣна болѣе грубаго ругательства, споявашаго въ заголовкѣ знаменитыхъ манифестовъ Guillaume Apollinaire’a, который сводилъ счеты съ прошлымъ и въ своихъ перечняхъ давалъ сжатые и мѣлкія формулы прежнихъ литературныхъ школъ и направленій.

Слѣдуя его образцу (и не сознаваясь въ этомъ), составители ‚Blast‘’а тоже производятъ ревизію всего культурнаго прошлаго и настоящаго; подводя итогъ всему, что слѣдуетъ смести (Blast), они провивопоставляютъ ‚сметенному‘ то, чему они шлютъ свое благословеніе (Bless). Гилломъ Аполлинэръ ‚пѣлъ славу‘ всѣмъ большимъ и малымъ борцамъ въ своихъ рядахъ—и это понятно и естественное въ манифестѣ новой литературной школы. Нелѣпо было бы ставить ему въ упрекъ незначительность прославляемыхъ имъ именъ въ сравненіи съ величіемъ отвергаемыхъ представителей стараго. Но въ ‚Blast‘’ѣ судъ производится въ болѣе широкихъ размѣрахъ; признаніе или оспракизмъ распространяется не только на имена и явленія изъ области искусства, но и на города, на національныя черты, на учрежденія, даже на предметы, и на лекарство. Послѣ мопивированныхъ классификацій на приемлемое и неприемлемое идутъ два списка просто именъ, учреждений и предметовъ,

приятныхъ сердцу ворпициста, или же възывающихъ его неудовольствіе. Шутнику достапочно было бы опмѣтить, что въ списокъ ‚Blast‘ попалъ ‚рыбий жиръ‘, а въ списокъ ‚Bless‘— ‚каспоровое масло‘, чтобы уже утвердился въ дешевомъ въшучиваніи озорства ворпицистовъ, которые принимаютъ каспорку, но отвергаютъ рыбій жиръ во имя космической теоріи вихрей. . . Къ той же области курбезовъ относится поставленный во главѣ списка ‚Blast‘ почтампъ—которому въ списокѣ ‚Bless‘ провивопоставляется почповій адресъ: ‚33 Church Street‘. Правда, посвященные знаютъ, что по этому адресу проживаетъ Эзра Поундъ, но какое это имѣетъ отношеніе къ искусству, культуру и жадѣ ‚новыхъ отвлеченностей‘?

97

Но допустимъ, что эти и подобныя курбезы были, быть можетъ, даже нарочно придуманы, чтобы поддѣть удобныхъ для рекламы насмѣшниковъ. Гораздо знаменательнѣе то, что и всѣ ‚въ сербезъ‘ названныя имена не связаны никакимъ соотвѣпствіемъ какой бы то ни было идеѣ. Можно разрушатъ отжившія святѣни—но очевидно не во имя столь же старой пошлости. А между тѣмъ въ списокъ ‚осужденныхъ‘ попали: Вейнингеръ, Рабиндранатъ Тагоръ, Бергсонъ, Анни Безантъ—а въ списокъ ‚благословенныхъ‘—каскадная знаменитость Габи Делись, опереточная пѣвица Герпи Милларъ, врагъ ирландской свободы, пресловутый полипикъ Карсонъ, самая сенпименпальная изъ общеспвенныхъ организацій въ Англии—армія спасенія, а изъ писателей почти единственное имя—Д. М. Барри, почти официціальнѣй представитель лживой слащавости, бытописатель шотландскихъ ‚лейзанъ‘ и ловкій масперъ банальныхъ комедій. Вотъ кого гордо свергаютъ съ пѣдесталовъ и кого умиленно благословляютъ пророки новой ‚реальности наспоющаго‘. Увы, заимствовавъ у французскихъ футуристовъ программныя классификаціи, они воспользовались чужимъ приемомъ себѣ же во вредъ, обнаруживъ отсутствіе вкуса и—главное—идейности.

Свои проклятія и благословенія ворпицисты распочають не только отдѣльными людямъ. Они сводятъ счеты и съ психо-

логіей англичанъ и, мало того, съ силами природы. Эта расправа производилась въ мотивированныхъ проклятіяхъ и благословеніяхъ, написанныхъ уже съ явной цѣлью запугать довѣрчиваго чипапеля. Его пугаютъ прежде всего самымъ видомъ страниць, произвольнымъ чередованіемъ разнообразныхъ шрифтовъ, по крупныхъ и жирныхъ, какъ на афишахъ, по тупъ же мелкихъ, неожиданностями распредѣленій словъ на спрочкахъ и п. д. Разумно наивный чипапель можетъ даже простодушно принять большую часть сборника, въ особенности же страниць ,обоснованныхъ‘ ,Blast‘ и ,Bless‘, просто за каталогъ шрифтовъ—и, право же, не будетъ такъ неправъ. Но, если превозмочь первое недоумѣніе и прочесть эти страниць такъ, какъ будто бы онѣ были напечатаны нормально, то сразу становится ясно, что пугаться было нечего; чипапель видитъ, что ничего дѣйствительно новаго ему не сообщено. Только одно ,проклятіе‘ и одно ,благословеніе‘ стоило выдѣлить—одно за его оригинальность, другое за его стилность и внутреннюю логику. Первое зарегистрировано подъ номеромъ 1 (все приговоры по судейски пронумерованы; проклятію всехъ шесть, а если присоединить къ мягкимъ ,Blast‘ болѣе энергичные ,Curse‘ и ,Damn‘—къ чорту,—по цѣлымъ семъ; ,благословеній‘ меньше—всего четыре) и относится къ климату Англій вообще, а въ частности—къ гольфъ-спрему ,къ тому водному пространству въ тысячу миль длины и въ два километра глубины, которое пригнано къ намъ изъ Флориды, чтобы сдѣлать насъ кропками‘. Проклинавъ живительную струю тепла, приносящую ,пуманному Альбіону‘ солнечный свѣтъ и жизненную силу—до этого не додумался до ворпицистовъ ни одинъ поэтъ, такъ же какъ никогда еще Англія не была заподозрена въ чрезмѣрной кропости и женственности. Жажда сѣверной силы и ,русскихъ снѣговъ‘ довела ворпицистовъ до солнцезоязни и до мечты о какомъ нибудь изобрѣтательномъ химикѣ, который бы доставилъ имъ необходимую для духовнаго развитія Англій возможность отмораживать себѣ руки или ноги... Солнце оказы-

вається такимъ же врагомъ ,созидапелей новаго хаоса', какъ Бергсонъ и Тагоръ.

Менѣ безнадежно чѣмъ ихъ мепереологическій и географическій ,походъ на гольфъ-спрэмъ' ихъ скромное, но спильное благословеніе—цирюльникамъ. ,Благословеніе цирюльнику', значитъся подъ номеромъ 2 ,благословеній'. ,Онъ вооружается пропивъ мапери природы за малую плапу. Онъ часть за часомъ вспахиваетъ головы за шесть пенсовъ, скребетъ подбородки и губы за при пенса. Онъ — наемникъ въ систематической войнѣ пропивъ дикоспи, онъ преображаетъ безцѣльнныя и устарѣлыя заросли въ гладкія сводчатыя формы и правильные углы. Благословеніе масперамъ изъ Гессена или Силезіи, исправляющимъ каррикатурный анахронизмъ нашей внѣшности'.

99 Пропивъ этого ,благословенія' нельзя ничего возразитъ. Сводя все многообразіе живыхъ формъ къ геометрическимъ линиямъ и угламъ новаго хаоса (не они первые измыслили эту новую схему бытія—связь съ кубизмомъ и футуризмомъ тупъ слишкомъ очевидна, чпобы о ней говорить), ворпицисты имѣютъ полное право и достаточное основаніе видѣть прародителя и символъ своихъ художественныхъ идеаловъ — въ брадобреѣ. Обращеніе къ нему остроумно по вѣдержанности паралели.

Во всѣхъ же своихъ остальныхъ опредѣленіяхъ, проклятіяхъ и благословеніяхъ широковѣщательные пророки ,Blast'a' лишь грозно и многошрифтно повторяютъ давно и достаточно сказанное до нихъ. Они проклинаютъ англійскихъ эстетовъ, прямо повторя манифесты Гильома Аполлинера, проклинаютъ снобовъ, обличенныхъ и разъясненныхъ съ достаточной полнотой и талантомъ даже уже Теккереемъ, проклинаютъ буржуазные идеалы въ искусствѣ, наслѣдіе эпохи королевы Викторіи, давно уже осужденной за мѣщанство и безвкусіе. И съ такимъ же видомъ новыхъ откровеній они благословляютъ Англію за морские порты и перечисляютъ при этомъ всѣ портовыя сооруженія. Они поютъ хвалу ,Англи, фабричному остроу, пирамидальной

масперской, верхушка которой въ Шепландѣ, а подножье которой вливается въ океанъ, видимо не сознавая футуристскаго характера своей хвалы, которую могъ бы съ успѣхомъ произнести самъ Маринетти. Съ большимъ оригинальничаніемъ предается поруганію сентиментальной юморъ Диккенсовскаго образца и всякое зубоскальство, съ его двоюроднымъ брапомъ и сообщникомъ—спортомъ, прикрывающее, глупость и сонливость. И въ то же время превозносится, прагматической и жизнеспособной смѣхъ Свивта и Шекспира' и п. д. и п. д. Можно ли считать расчищеніемъ дорогъ для грядущаго новаго искусства такіе варианты ходячихъ мнѣній?

Кто же, наконецъ, эти поэты, имажисты, участники новаго вихря, для благополучія и свободы которыхъ нужно даже насильственно измѣнить климатъ Англіи и, смести' всѣхъ современныхъ мыслипелей, а вмѣстѣ съ ними и почтампъ, и оставить въ Англіи только пѣвицъ легкаго жанра, да еще армію спасенія?—Въ 'Blast'ѣ выступаетъ съ рядомъ стихопвореній только одинъ изъ нихъ, Эзра Поундъ. Но и остальные извѣстны по анпологии 'Des Imagistes' и по стихамъ, напечатаннымъ въ разныхъ изданіяхъ. Эзра Поундъ — кулшурный поэтъ съ выработаннымъ многообразнымъ стихомъ, прямой наслѣдникъ риммическихкихъ изысканій Свинборна, воспѣвшій своего учителя въ классически спрогомъ пэанѣ 'Salve Pontifex'. Онъ знапокъ поэзіи трубадуровъ и раннихъ ипальянскихъ поэтовъ, прекрасно перевелъ соннепы Гвидо Кавальканпи. Онъ художественный крипикъ, авторъ книги съ любопытными эстетическими теоріями—, 'The Spirit of Romance'. Все это очень почтенно и полно литературныхъ достоинствъ. Говоря о современныхъ англійскихъ поэтахъ и писателяхъ общаго уровня, слѣдуетъ, конечно, включить въ ихъ число и Поунда, отмѣчая индивидуальныя особенности его музыкальнаго ритма и его эксперименты въ примѣненіи старофранцузскихъ, а также и греческихъ ритмовъ къ англійскому стиху. Но теперь Эзра Поундъ не вообще поэтъ: онъ создатель 'имажизма', выкинувшій изъ поэзіи все, кромѣ образа, кромѣ

того, что въ зародышѣ и въ то же время въ синтезѣ объединяетъ въ себѣ всѣ образы, какъ бы включаетъ въ себя хаосъ — и въ то же время проэктируетъ его въ первозданной отвлеченности. Если чипапелъ, ознакомившись съ эпой многообъщающей теоріей ‚имажизма‘, будетъ ожидать отъ стиховъ Эзры Поунда дѣйствительно новыхъ откровеній — его ждетъ большое разочарованіе. Теоретикъ — что самое роковое для поэзіи — ринулся впередъ, и поэзія его осталась въ прежней плоскости, лишь насильственно иногда подогнанная подъ измышленную теорію. Поундъ остался новаторомъ имажизмомъ лишь въ своихъ вѣщаніяхъ, а стихи его большей частью чисто ‚литературные‘, насквозь проникнутые классическими воспоминаніями, даже съ греческими и латинскими заглавіями: ‚Doris‘, ‚Phasellus ille‘, ‚Quies‘ и п. д. (какъ это, казалось бы, согласоватъ съ гордымъ заявленіемъ: —, прошлое нами просто забыто‘). Наиболѣе близкимъ къ ‚имажизму‘ — и по не въ смыслѣ новой отвлеченности образовъ, а только по общемодернистской окраскѣ воспріятія — былъ одинъ стихъ большаго, чисто описательнаго стихотворенія Поунда, напечатаннаго годъ тому назадъ въ ‚Poetry‘. Въ этомъ стихѣ онъ говоритъ о солнечномъ лучѣ, который явился его взору ‚точно позолоченная Павлова‘. Тупъ есть свѣжая непосредственность современнаго поэта: красота имъ осознанная, въ которой онъ соучаствуетъ своей индивидуальностью, становится для него критеріемъ при воспріятіи внѣ его стоящаго міра. Природа становится образомъ, реальность переносится въ міръ индивидуальнаго сознанія. Это не ‚новое‘, но это наше, и тѣмъ самымъ намъ близко, отражаетъ нашу правду.

Въ ‚Blast‘ѣ наиболѣе имажистскимъ является полуироническое, полуобразное стихотвореніе Поунда ‚Передъ сномъ‘. Приведемъ его въ близкой передачѣ:

‚Боковыя движенія ласкаютъ меня,
Они нѣряютъ и ласкаютъ меня,

Они прогапельно прудяпся на полвзу мнѣ,
Они забопяпся о моемъ финансовомъ благополучіи.
Копьеносица споипть тупть же подлѣ меня.
Боги преисподней пекутся обо мнѣ, о Аннуисъ!
Твои спутники заодно съ (баюкающими) движеніями.
Съ прогапельной забопливостью они пекутся обо мнѣ
Волнообразные
Ихъ царство въ боковыхъ движеніяхъ.

Это стихотвореніе свидѣтельствуетъ и о вкусѣ, и о непосредственномъ поэтическомъ чувствѣ Эзры Поунда — но вѣдь мы ждемъ, мы вправѣ ждапъ, отъ него дерзновеній и откровеній. А любое стихотвореніе Свинборна еще съ большей ритмичностью и лиризмомъ сливаетъ индивидуальныя эмоціи и волю съ движеніями и жизнью космоса.

102

А когда Эзра Поундъ хочетъ бытъ дерзновеннымъ, онъ перяетъ и присущую ему спильность. Въ „Monumentum aere etc.“ онъ бросаетъ вызовъ пѣмъ, которіе осуждаютъ его въ высокоуміи, въ томъ, что онъ слишкомъ много взялъ на себя. Онъ говоритъ имъ, что все мелкое и смѣшное въ немъ забудется. „А вы“ — грозитъ онъ враждебной толпѣ — „вы будете лежатъ въ землѣ, и неизвѣстно, будетъ ли вашъ плѣнь достапочно жирнымъ удобреніемъ, чтобы произросла изъ него права на вашей могилѣ“. Не стоило, казалось бы, писать манифесты о вихряхъ, чтобы романтически гордиться своимъ поэтическимъ призваніемъ, да еще опругиватъся въ духѣ Золя. Нѣтъ, Поундъ, провозгласившій царство „имажизма“, только проповѣдникъ грядущихъ „новыхъ egos“, а въ своей поэзіи никакихъ откровеній онъ не даетъ. Какъ образецъ истиннаго „имажизма“, полного соответствія его заданіямъ, сами проповѣдники „вортекса“ приводятъ стихотвореніе одного изъ участниковъ имажистской антологіи, поэта (вѣрнѣе, поэтессы) Н. Д. Вотъ оно:

„Вздѣмисъ, море,
Вздѣми свои оспроконечныя сосны,
Расплесни свои огромныя мощныя сосны

На наши скалы.

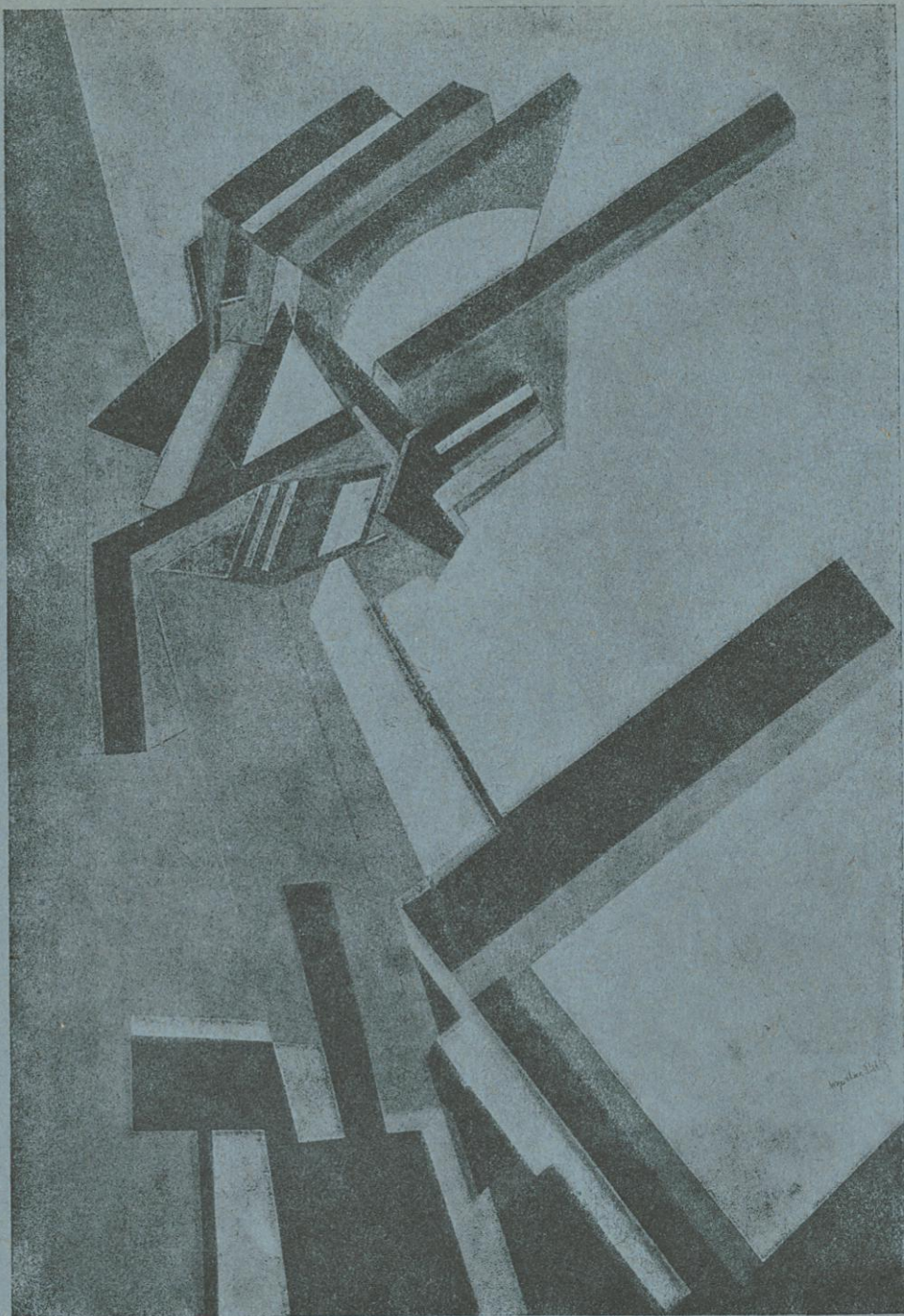
Метни на насъ свою зеленостъ

Покрой насъ твоими прудами елей'.

Это стихотвореніе программно выдержанное, все въ образахъ, намѣренно не раздѣленныхъ на соотношенія между включенными въ нихъ землей, стихіей моря и человѣкомъ — и попому рождающее въ воображеніи невыраженныя эмоці прехъ отдѣльныхъ, но слитыхъ въ карпинѣ міровъ. Тупъ естъ поэтическая идея — но плодотворная ли, дерзновенная ли, отражающая ли нашу душу, или же просто новѣй оппѣнокъ вирпуозности формы, новѣй вариантъ опживающаго александризма?

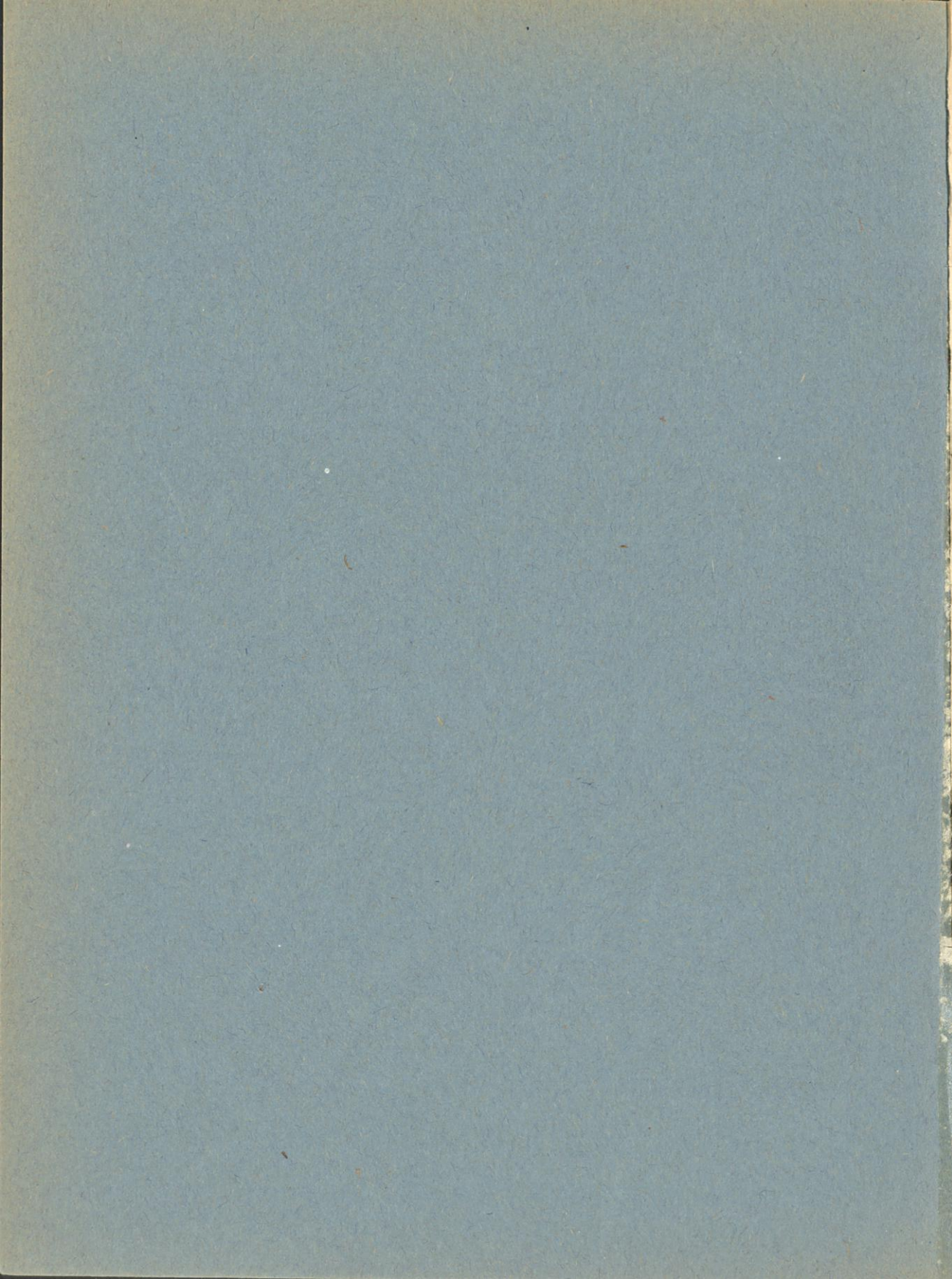
- 103 Чтобы пронизатъ пространство вихремъ и создавъ новѣя отвлеченности, нужны не ученые синтезы образовъ, а нужно освобождающее отвѣтное слово смятенному міру. Если такимъ словомъ не былъ и футуризмъ, сбившійся на отраженіе коммерчески-завоевательныхъ инстинктовъ буржуазной полпы, то не холодному (напрасно ворпичисты такъ ополчились на солнценоснѣй голфъ-спрэмъ: солнца и такъ мало въ англосаксонской крови), мудрящему надъ слипно-раздѣльными образами, имажизму сказаъ нужное намъ слово, создавъ новѣя отвлеченности, признавъ все сущее хаосомъ для сотворенія новаго міра.
- Естъ еще и другіе имажисты: Аллингтонъ, Флинпъ, а также Гельмъ (Т. F. Hulme), „полное собраніе сочиненій“ котораго, п. е. счетомъ пятъ стихотвореній, каждое въ четыре или въ семь стиховъ, издано въ видѣ приложенія къ книгѣ Эзры Поунда „Ripostes“. Но о всѣхъ нихъ едва ли стоипъ и упоминаъ. Они совершенно безцвѣтны и — что уже кажется просто насмѣшкой надъ ихъ собственными опредѣленіями своихъ задачъ — полны перепѣвовъ греческихъ мопивовъ. Ужъ если все дѣло въ синтетичности и вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальности образовъ, то слѣдовало бы хотъ обладаъ воображеніемъ и создаваъ ихъ — а не черпаъ ихъ готовыми изъ „забытаго“ ими прошлаго.
- Пожалуй правы обличаемые Эзрой Поундомъ враги его: онъ слишкомъ много взялъ на себя „возвѣспивъ о нарожденіи“, но-

вѣхъ egos'. Въ Англіи, по крайней мѣрѣ, они еще не народились. Не доспапочно еще дѣйствєнными оказались проклятія ворпицистовъ англійскому климату, юмору, боязни бытѣ смѣшнымъ и п. д. Поэзія имажистовъ ничего яркаго не дала — какъ не дали ничего новаго ихъ проклятія и благословенія. Но теорія ,вихря въ проспранствѣ' и необходимости создатѣ новія опвлеченности сама по себѣ плодотворная. Гдѣ же и когда она воплотится въ творчествѣ, переставъ бытѣ толькo теоріей и мечпой?

Уиндгэмъ Люисъ.

Портретъ англичанки.

Л. ВИЛЬКИНА. Б. ЛИВШИЦЪ. А. КРУЧЕНЫХЪ.

Посв. Делоннэ.

107

Ты ранилъ не символически,
Ты ранилъ меня ножемъ.
Я вела себя не героически,
А какъ всѣ себя въ жизни ведемъ.

Пахли прянымъ на рынкѣ овощи,
Когда упрямъ съ другимъ я шла.
Карета скорой помощи
Въ больницу меня повезла.

Я играла въ любовь и въ опасности
То съ буйнымъ, то съ кропкимъ пажемъ.
Ты, буйный, спалъ жертвой спраспности,
Ты ранилъ меня ножемъ.

Л. Вилькина.

Во цвѣлѣ прудовъ ползупъ откосы,
И въ портики—аквамаринъ, —
Иль плещется плащомъ курносый,
Выпуклолобый палладинъ?

О, какъ рѣшительно и пуго
Завязанъ каждый изъ узловъ
Въ твоемъ саду, воипель круга
И донъ-Кишопъ прямыхъ угловъ!

108

Еще уходить по ранжиру
Суконный бантъ на парикахъ,
А ты спремись свою порфиру
Въ сырую даль, въ зеленый прахъ, —

Изъ розоваго павильона,
Гдѣ слезы женскія—вода,
Слѣдитъ, сошла ли съ небосклона
Твоя мальтійская звѣзда.

И царедворцы вѣряпъ фавну,
Клевещущему въ лоно звѣздъ,
Что праѣду неравенъ правнукъ,
По гробъ избравшій бѣлый крестъ.

Бенедиктъ Лившицъ.

Гвоздь въ голову!
Самъ попросилъ
Положилъ ее на праву—
Пусть проспукаетъ нарывъ.

Раскрылъ пасть
—Тамъ плюхался жирный карась—
А потъ говоритъ: нишкни
Иначе трудно попасть!

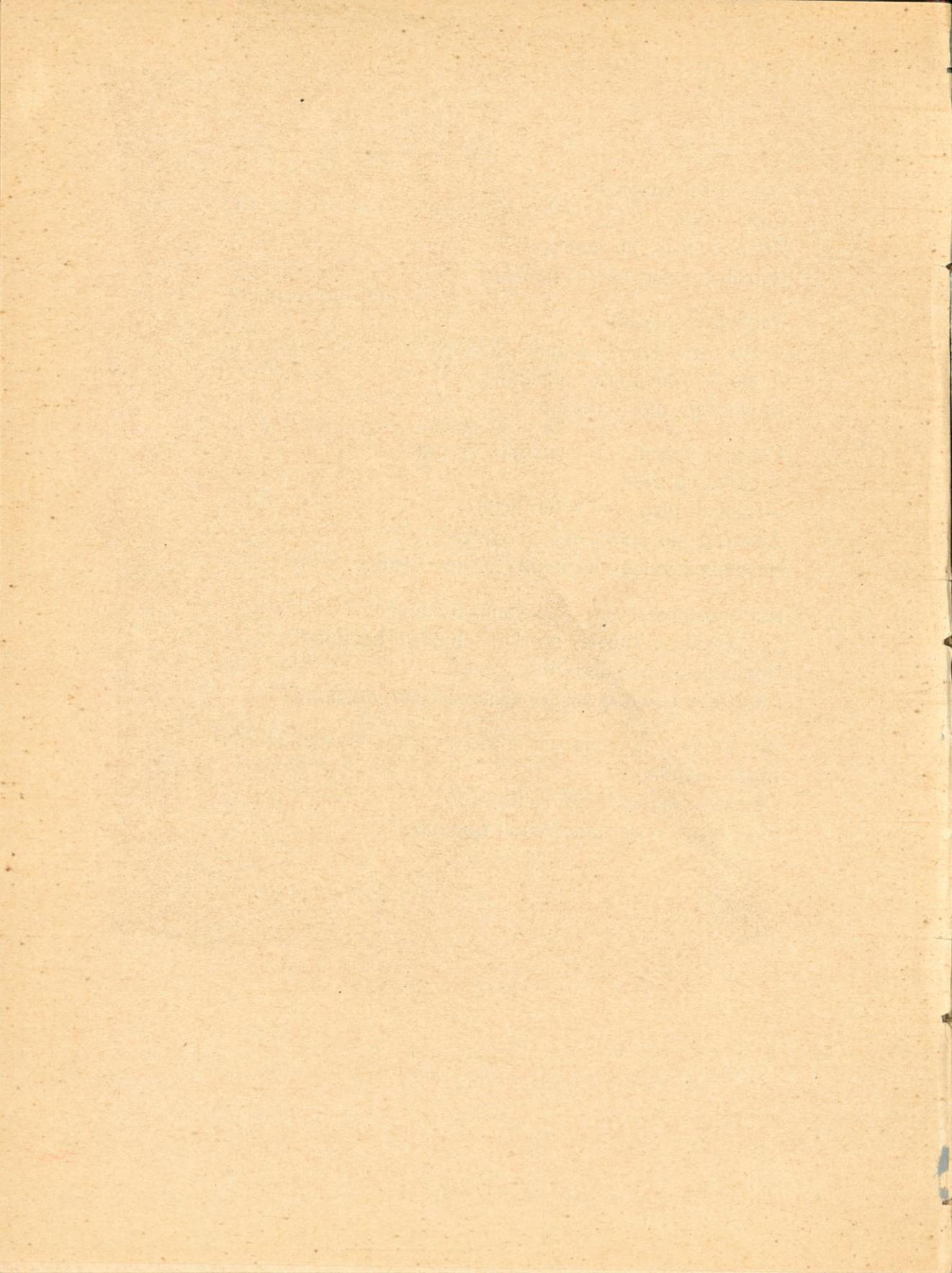
109

Слышу: крышку забиваютъ громко
Я скусилъ зубы
—Карась нырнулъ подъ небо—
Лежи, а то принудятъ родные
Не открывайся—ни крови... ни звука...

Кто помогалъ мнѣ—не узналъ сперва...
Гвоздилъ въ високъ заржавленнымъ здорово!
Потомъ оглядѣлся—моя жена!
Пошла и долго смѣясь рассказывала доктору.

Залѣпили... поправился... вышелъ изъ больницы...
Жаль только
Остался тамъ китаеценокъ
Мой сынъ отъ китаической царицы.

А. Крученыхъ.

О. Розанова.

Пристань.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

РОССІЯ ВЪ ПИСЬМАХЪ.

ГРАМОТКА.

ПИСЬМО УЗОРНОЕ.

Дивны дѣла Твои, Господи! Въ Новгородъ-Сѣверскѣ привозила баба на базарь рыбу, и случилось одному охотнику съ удочками
 113 'полочься по базару. День и ночь прорыбачилъ, и хотѣ бы какая сонная попалась, полвко приманку извелъ, вопъ онъ и задумалъ:—, Съ пустыми руками какъ возвращаться... Присмотрю-ка я себѣ на уху рыбки!—дѣло то на посту было. А рыба у бабы—ершь къ ершу, привалилъ же такое счастье!—значная рыба. Припорговалъ онъ себѣ рыбы, баба ему ершей въ грамотку завернула, расплатился и пошелъ себѣ домой съ покупкой, будто съ ловомъ,—будетъ ему ужотко уха на славу!

А дома, положи удочки въ сторонку, какъ развернулъ грамотку съ ершами, и на ерша глазъ—значная рыба!—а пуще на грамотку: что за письмо, за узорное! Ершей на споль уху варить, а грамотку къ себѣ взялъ, расправилъ, сушилъ положилъ.

Время къ обѣду пришло, ну, и уха! А по ухѣ на загладку за грамотку принялся—и такъ ее и сякъ, и буквы наши, другое слово, какъ слово, а сложить не можетъ—темная грамота. Вечеромъ собрался къ приятелю въ гости, захватилъ и грамотку, а приятель—то книжный, на Ипатьевской лѣтописи трудился,—вынулъ ему грамотку, показывается.

— Откуда?

— Дивны дѣла Твои, Господи! Привозила баба на базарь рыбу,—и рассказалъ все, какъ было.

— Эге, — говоришь приятель, — да шупь что-то про божественное. И рѣшили оба итти по утру на базарь вмѣстѣ, пытать бабу, откуда ей такое добро доспалось, и нѣтъ ли гдѣ другихъ листовъ подобныхъ.

Такъ и сдѣлали.

Явились на базарь оба спозаранку, разыскали бабу съ рыбой, да грамотку ей подъ носъ:

— Откуда тебѣ, бабо, такое добро доспалось?

— Богъ послалъ! — отвѣтила баба.

А много у нея такихъ листовъ было — большущая книга — и всѣ извела подъ рыбу, ни листочка въ запасѣ не оспалось.

Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ, съ тѣмъ и ушли приятели съ базару.

И съ тѣхъ поръ пошла ходитъ грамотка изъ рукъ въ руки.

Изъ Новгородъ-Сѣверска попала въ Тифлисъ, изъ Тифлиса 114
дошла и до Петрограда.

Осенью 1912-го года принесъ мнѣ эту грамотку Чернявскій Николай Андреевичъ.

— Откуда? — говорю.

— Дивны дѣла Твои, Господи! Въ Новгородъ-Сѣверскѣ привозила баба на базарь рыбу... — и рассказалъ мнѣ все, какъ было, помянулъ и о приятелѣ и о ухѣ ершовой, и оставилъ у меня грамотку на вѣчные вѣки*.

* Нынче осенью встрѣтилъ я Н. А. Чернявскаго и много докучалъ ему о бабѣ: справится у приятеля, изъ какой слободы или хутора привозила баба въ Новгородъ-Сѣверскѣ на базарь рыбу? Было дано мнѣ обѣщаніе послать запросъ къ приятелю въ дѣйствующую армію. И отвѣтъ получился, — открышка.

Dorf Lakellen

(получ. Петроградъ, 17—XI).

3—XI 1914 г.

Конечно, исторія о томъ, какъ была найдена рукопись, немного забавна. Но повѣрь, дорогой Коля, что я также сказалъ бы не болѣе, чѣмъ написалъ Ремизовъ, т. к. исторію эту я забылъ, а названіе хутора не помню.

Сейчасъ нахожусь въ странѣ культуры и порядка.

Многое ново и интересно. Постепенно идемъ въ глубь страны. Однообразіе, а главное отсутствіе того, что называется войной или боемъ, побуждаетъ меня спрѣмитъ перевестись изъ парка на батарею.

Видишь ли ты съ Ваней, что подѣлываютъ твои братья? Извиняюсь, что пишу мало. Кланяйся Андрею Гавриловичу.

Твой П.

Грамотка—обрѣзанный листъ коричневапой бумаги, четыре спраницы (92 л., 92 об., 94 л. 94 об.), водяной знакъ неясный, подобіемъ тюльпанъ-цвѣтъ; по размѣрамъ листъ немного меньше нашего писцаго; длин.—6,8 верш., шир.—5 вер. Спрочки въ рамкѣ, всего спрокъ—131 (92 л.—34 спр., 92 об.—35 спр., 94 л.—32—спр., 94 об.—30 спр.). Судя по опличительному **ж** и **в** грамотка—южнорусская скоропись второй половины XVII вѣка. (См. А. И. Соболевскій, Славяно-русская палеографія. Спб. 1908 г. стр. 60, 61). Въ Грамоткѣ писано о ангелахъ, знающихъ путь къ дому безвѣстнаго праведника и не видящихъ пути къ живущимъ во грѣхахъ: Авраамъ и Содомъ (92 л.); о четырехъ смертныхъ грѣхахъ, на небо вопіющихъ, отъ нихъ же первыи грѣхъ—вольное челоуѣкоубійство, второй—беззаконіе содомское, претіи—упѣсненіе и озлобленіе людемъ, четвертый—удержаніе мзды наемничей (заработной платы) (92 об.); и о разсмотрѣніи дѣлъ прежде осужденія: не вѣрѣ слуху, вѣрѣ своему глазу—Юсифъ и Пентефрій, Константинъ Великій и сынъ его Криспъ (94 л., 94 об.). Много поучительнаго.

.....
(92 л.) гдѣ-либо тѣи зряся, ни познаваютьъ их, се вина се таинство изьявляется, чего ради святіи ангели ко Аврааму, наединѣ живущу, безъ проводника улучиша, к Содомѣ же пупесказателя пребоваху. Во всей спранѣ оной, в ней же бѣше Содома со окрестными гради, ей же и Мамврія соопредѣленна, единъ токмо праведнаго Авраама дом бѣше чистій, Бога боящя, не бѣ в немъ беззаконія никаковаго же, но вси жителспвоваху цѣломудренно, и богоугодно, пого ради вѣдяху к дому Авраамовому путь святіи ангели, аще и наединѣ в дѣбрѣ и дубравѣ обитавшу. Ибо тѣи вѣну посѣщаютъ невѣдимо людіи чистих и богоугоднихъ, гдѣ-либо они жителспвуютъ, аще в горах, аще въ пустынях, и на коемъ либо мѣстѣ, Содома же со окрестнимъ своимъ селеніемъ не вѣдаху, понеже вся преисполненна бѣше беззаконія и грѣховнихъ сквернѣ. И никогда же ангели посѣщяху сквернихъ грѣшниковъ,

ниже възрѣти к ним хотяху, дѣющихся ради в них нечистот преестествовних, того ради и Содомскому, аще и на високомъ мѣспѣ стоящому, великому и славному граду ниже пупи вѣдѣти пворяхуся, яко тамо никогда же приходивши. Сему и святіи Іоаннъ Златоуст согласовати зрится, глаголя сице: „Содомъ столпи имѣяше велики, колибу * же Авраамъ, но пришедше ангели, Сомомъ убо мимо идоша, ко колибѣ же Авраамли приведошася,—не домовная бо свѣплости искаху, но душевную добродѣтель обѣждаху.“ Доздѣ Златоуст. Опсюду да вѣдап, аще кій грѣшникъ в нынѣшнее время обривается, коль мерзостень естѣ Богу и ангеломъ его грѣхъ содомскій, яко не покмо с таковая дѣющими ангели святіи не обитают, но ниже вѣдапи их хопяпъ, и удаляются оп таковых чистіи дуси, смрадомъ грѣховнимъ, аки пчели димом, прогоними. Ангеломъ же святымъ оп содомитовъ уклонившимся, кпо с ними водворяетсся, развѣ нечистіи дуси! Идеже бо человекъ, измѣнивше нравъ человекскъ, уподобляются свиніямъ, гной и какъ любящим, тамо опступаюп (92 об.) ангели Божіи, любящіи с чистими, а не свинонравними человекъ дружествовати, вмѣсто же ангеловъ бѣси к онимъ приближаются и обществуютъ с ними: тіи таковыхъ любяпъ и жити в них, аки в свиніяхъ геенскихъ, Христа просяпъ,—и попускается, и вселяются в ня и гоняпъ я в то пропастное смрадное и скаредное содомства езеро, даже попопяпъ их в безднѣ адспей. О, окаяннаго в христіанехъ содомскаго нрава! О, крайнея погибели! Не дремлет бо таковыхъ погибелъ, близъ гнѣвъ Божій и месп, близъ геенна огненная, в ню же впадаюп нечаянно и погибнут, аще не покаются.

„Вопл содомскій и гоморскій умножися ко мнѣ!—рече Богъ“. Катехизисъ церковній оп святого писанія вѣдапи учит, яко четири суп грѣхи смертніи. Паче пропчихъ грѣхов смертнихъ, тяжчайшій, на небо вопіющій, и Бога на опмщеніе возспановляющій, и привлащающій казнъ люпу, первій грѣхъ—волное

* Колиба—хижина.

человѣкоубійство, наченшося от Каина, убившаго брата
своего Авеля неповиннѣ, по вопієть ко Богу, яко же глаголетъ
ко Каину: „Гласъ брата твоего вопієтъ ко Мнѣ от земли, во-
пієтъ же, просящи отмщєнія!“ Такоже послѣжде слыша св.
Іоаннъ Богословъ, в покаянствѣ, * душъ святихъ, за слово Божіе
избиенныхъ, вопіющихъ гласомъ велимъ и глаголющихъ: „Доколѣ,
владыко святии и іспеннии, не судиши и не мстиши крови нашея
от живущихъ на земли!“ Вторій грѣхъ, вопіющъ на небо, естъ
беззаконіе содомское, яко же више речеся. Третій
грѣхъ—упѣсненіе и озлобленіе людемъ неповиннымъ,
убогимъ, вдовицамъ и сиротспвующимъ, нищимъ, каково пво-
ряшеся от египтянъ ізраильтяномъ, о чемъ глаголетъ писа-
ніе: „Возспенаша синеи ізраилевы от бѣдъ и возопиша, и взій-
де вопль ихъ ко Богу от рабовъ, и услыша Богъ спєненіе ихъ“. 117
Четвертій же грѣхъ, на небо вопіющъ, естъ удержаніе мзды
наемничи, якоже святии апостолъ Іаковъ ко богачимъ не-
праведнымъ глаголетъ: „Се мзда дѣлапелей, дѣлавшихъ нивы ва-
ша, удержанная“...

.....
.....

(94 л.) гнѣвѣлися на того и ярися, неизвѣспившиися, іспинна
ли естъ вещь глаголемая. Понеже множицею злоба злихъ
человѣкъ бѣваетъ началомъ злая о неповинномъ слави, легко-
рѣчіе же умноженіемъ, еже бо зли от злوبي своея соч-
нутъ, по легковѣреніи умножаютъ, емлюще вѣру лжи, и предъ
многими ближнего обличающе и осуждающе и разсѣвающе в
людехъ, аки плевели, золь слухъ о томъ, иже не содѣя грѣха,
о немъ же его осуждаютъ. Иногда же малое нѣкое прегрѣшеніе
сіе осуждаютъ, приложеніемъ и умноженіемъ лживыхъ словесъ
сказующе, возвращаютъ в велико и отъ мравія пворятъ лва и отъ
комара верблюда и отъ заяця слоня и отъ сущца бревно велие.
Того ради многаго разсмотренія и опасна в таковыхъ пребѣ,

* Покаянствѣ—апокалипсисъ.

да не како лжа вмѣнился в истинну и малое возрастет в велико, и проспителное в непроспителное поставлено будетъ. Разсмотренія нѣсть лучшее, яко еже своима вѣдѣти очима, по о чесомъ слышися, чесого поучая ны Богъ, дает нам самого себе во образъ, еже глаголетъ: „Шедъ вѣжду!“—слышалъ вопль содомскій, но не абіе подвижесе на гнѣвъ, аки бы не емля вѣри слуху, аще и добръ вѣдѣше истинну быти, ни на наказаніе грѣшних абіе простре руку свою, даже сам пришедъ близъ уз(р)ѣ очима та, еже зряше издалече, яко да и ты вѣдѣніемъ паче неже слухомъ увѣраемся. О, коль мнози, паче же на владѣтельстввах, велми согрѣшаюш, емлюще вѣру слуховѣ, не вѣдѣвше же очима, не испытавше извѣстно о дѣлѣ, и безгрѣшних всуждаютъ вмѣсто грѣшних. Не осудилъ ли в темницу и узѣ чистаго и святаго отрока Іосифа Пентефрїи во Египтѣ, скверной женѣ своей нанѣ клеветавшей, емши вѣру, а не испытавши! (На поляхъ: глава 46) Великій во царехъ Константинъ (94 об.) что сотвори, сина своего возлюбленнаго Криспа, добраго и неповиннаго и всѣми любимаго, уби своего рукою, его же мачеха Фавста именемъ оклеветала ложнѣ, не получивши сквернаго желанія своего, уязвилася бо бѣше красотою Криспивою, яко же египтянина Іосифовою, не возмогши же сквернаго желанія своего улучити и привлещи пого: не хотяше бо цѣломудренній юноша осквернити ложа опча, солга мужу, аки бы насилуованна бѣла оп сина его, царь же не испытавъ, истинна ли ест, абіе погуби сина. Послѣди же увѣдавъ извѣстно о жи, о, какъ болѣзноваше сердцемъ и плакаше и рыдале и каяшесе о неразсмотреніи своемъ, но оживити убиеннаго невозможе, уби же и Фавсту, жену свою, повинну бѣвшу синовней смерти,—и сотвори единѣмъ временемъ двое убийствъ, неправедное и праведное, и лишился сина и жени, яко изначала емъ вѣру словеси, не испыташа о истиннѣ. Добръ Златоуст на властехъ сущія увѣщеваеетъ, глаголя: „Не суди по мнѣнію твоему, прежде даже не увѣси, ест ли тако вещь, ни же кого повинна твори абіе, но паче подражай Бога глаголюща,—,Сошедъ да вижду!“ Также и святїи Григорїи Бесѣ-

довникъ глаголетъ: ,Богу, ему же вся нача и откровенна суть,
грѣхи содомитовъ казнилъ естѣ, не яже слыша, но яже вѣдѣ.
И святій Исидоръ Пилусиопъ святаго Кирилла архиепископа,
сродника своего, гнѣвавшего неповѣннѣ на Златоустаго свя-
того, увѣщавая, писа, яко, не разсмотривши праведно и не испи-
тавши извѣстно, никого же судити подобаетъ, ибо и Господу
Богу вся прежде...‘

.....

КРЕСТЪ-ПОСОХЪ.

ПИСЬМО ЗАВѢТНОЕ.

„Крестъ всѣмъ воскресеніе. Крестъ падшимъ исправленіе, спростемъ умерщвленіе и плоти пригвожденіе. Крестъ душамъ слава и свѣтъ вѣчный“.

Помню изъ далекаго дѣтства въ углу кіюта большой мѣдный шестиконечный крестъ. Всякое воскресеніе, возвращаясь домой отъ ранней обѣды, мы на перепутьѣ заходили чаю попить къ одной ласковой и доброй старушкѣ, жившей въ домѣ нашихъ родственниковъ. И всякій разъ послѣ чаю,—а какой чай былъ вкусный и какія густыя сливки и какое поджаренное барбарисное варенбе!—до сыта напившись, я крестился, на кіютъ глядя, и особенно какъ-то видѣлъ эготъ крестъ шестиконечный. И сначала, ну въ возрастѣ приговинпельномъ, я заглядывался на крестъ, потому что блестящій, золотой, какъ я тогда о немъ думалъ, потомъ постарше меня приковывалъ онъ своимъ необычнымъ видомъ: не четырехъ-конечный и не восьмиконечный, а шестиконечный—древній, и ужъ впослѣдствіи я спалъ вглядываться въ изображенія на немъ и надпись. О крестѣ часто я слышалъ у большихъ разговоры,—не меня одного, какъ оказывалось, привлекалъ онъ, крестъ эготъ завѣтный. Съ тѣхъ поръ прошло много всего, да и времени кануло не мало, упокоилась и наша ласковая добрая старушка—А н и с ѣ я А л е к с ѣ в н а Л а д ы г и н а. На 91-омъ году своей жизни, въ трудахъ проживъ, скончалась она въ Москвѣ (1820-1911 гг.), а крестъ

мнѣ достался. Я никогда и не думалъ, такой былъ этотъ крестъ завѣщанный, и вотъ мнѣ его передали и такъ, будто онъ всегда и былъ мой.

121 Крестъ мѣднѣй шестиконечный на мѣдной припаянной жуковинѣ: длин.—7 верш., верх. перекладина—2 верш., ниж. перекладина—3 верш., жуковина— $\frac{1}{2}$ верш. На крестѣ въ серединѣ распятіе, по краямъ креста пять погрудныхъ изображеній въ медальонахъ. На самомъ верху ангелъ со скипетромъ, на верхней перекладинѣ архангелъ Михаилъ съ одной стороны, а съ другой архангелъ Гавріиль—Михаилъ, Гавріиль, между ними лапчатый двойной нарѣзанный крестъ, со внутренней стороны котораго идутъ палочки поперекъ—9—6—7—6, и внутри нарѣзанный же крестъ шестиконечный съ двумя пружиками отъ основанія, знаменующими простъ и губу. На средней перекладинѣ съ одной стороны. Богородица—М Р. Ѡ У. (меперь оеу)—,Мати Бога, или, какъ въ старину собственнымъ домысломъ добирались до буквъ премудрыхъ,—,Марія роди фарисеомъ учителя, а съ другой стороны Іоаннъ Богословъ—Іванъ, между ними накладное Распятіе, и отъ Богородицы до Распятія нарѣзанная вѣточка еловая въ 18×18 косыхъ палочекъ и такая же вѣточка въ 15×16 палочекъ отъ Распятія до Іоанна. Распятіе—крестъ восьмиконечный, на верхней перекладинѣ нарѣзанъ крестъ четырехконечный, надъ нимъ уже между Распятіемъ и лапчатымъ крестомъ—І. Х. и І С. Х С., на вѣнчикѣ подъ крестомъ четырехконечнымъ надпись неразборчивая, а на средней перекладинѣ—Н и к а—,симъ побѣждай, подъ Распятіемъ Глава Адамова, напоминающая скорѣе изображение свѣтилъ небесныхъ—солнца или луны. Подъ Главой Адамовой столбикъ въ 20-ть строкъ—пишетъ:

,Сей крестъ в градѣ Ростовѣ во Авраимевѣ монастырѣ, свят. Іоанномъ Богословомъ данъ преп. Аврамію побѣдити ідола Велеса при князе Вла-

димере. Преставися Аврамій в лѣто 6551 (1043).
Зри о семь в пролозѣ октября 29 дня'

Преподобный Аврамій, ростовскій чудотворецъ, подвизался около 1073—77 гг.,—, подобіемъ спарь власы поджелпья, брада аки Сергіева, риза преподобническая, исподъ дичь; нѣцѣи пишупъ: въ рукѣ простѣ, иже даде ему Іоаннъ Богословъ... (Иконописный подлинникъ, см. Н. Барсуковъ, Источники русской агиографіи, Спб. 1882 г.) Уроженецъ города Чухломы, Авраамій поспригся въ Валаамской обипели, по откровенію Божіему попелъ къ Ростову. Въ пяпи верстахъ отъ Ростова на рѣкѣ Ишнѣ явился ему Іоаннъ Богословъ и вручилъ жезлъ, которымъ повелѣлъ сокрушитѣ идола Велеса. При внукѣ Мономаха, великомъ князѣ Всеволодѣ Георгіевичѣ, обрѣпены мощи преподобнаго. Мощи почиваюпъ въ серебряной позолоченной ракѣ въ соборѣ Богоявленія, построеномъ 1553 года царемъ Іоанномъ Васильевичемъ. При мощахъ сохраняется и крестъ отъ пастырскаго жезла, которымъ Авраамій сокрушилъ идола Велеса, а самъ жезлъ бѣлъ взяпъ изъ монастыря въ Москву самимъ царемъ Іоанномъ Грознымъ (см. Словарь историческій о святыхъ русскихъ. Спб. 1836 г. ст. 3).

КЪ НАДЗВЪЗДНЫМЪ НЕБЕСАМЪ.

ПИСЬМО ПРОРОЧЕСКОЕ.

123
 Года три назадъ въ воскресенье послѣ обѣдни пришелъ ко мнѣ спарикъ. Онъ едва добрался по коридору до моеи комнаты: ноги ему плохо служили. Зимой было, и опъ морозу на сосѣдномъ дворѣ изъ прачешной такими клубами дымъ валилъ, словно пожаръ, а спарикъ споялъ налегкѣ, — такъ палъшишко ужъ такъ ношенно, что, пожалуй, развѣ что паутина крѣпче, и сапоги... ошъ подошвы, поди, и званія не осталось, очень все не къ порѣ. — Съ ногъ простыль, свѣжо! — сказалъ спарикъ и попомъ поминалъ это не разъ: видно было, какъ его вдругъ прясло. Опъ чаю онъ отказался, — мѣлку бы ему, больше ничего... — Такъ кусочекъ, если найдется, а нѣтъ, и такъ ничего...
 Глядячи, сердце болѣло опъ этой нищеты ужасной.
 Спарикъ тогда мнѣ икону принесъ — Крылапаго Предпечу, не для продажи — иконы нельзя продовать, а на обмѣнъ, обмѣнивать можно и даже на деньги. Я оставилъ у себя икону, и мѣлъ у меня нашелся, и ушелъ опъ меня спарикъ будто и бодрѣ: на сапоги ему хватишь! А жилъ онъ тупъ недалеко, на 9-ой Рождественской: тамъ норы есть такія, такъ въ норѣ такой уголь онъ снималъ, тамъ и грѣлся. Господи, въ норахъ-то этихъ... и какъ это люди живутъ? И какъ это мы жить можемъ, не въ норахъ-то? Шелъ я недавно по Морской вечеромъ и думалъ и думалъ, — или ужъ и слова такого нѣтъ, чтобы хотъ всколѣбнуть сердце?

Да, эпотъ самый старикъ Иванъ Николаевичъ, Иваномъ Николаевичемъ спарика звали, и еще разъ заходилъ ко мнѣ. На Крещенѣ пришелъ послѣ обѣдни и все топъ же, и опять съ иконой, — Михаила Архангела образъ: богатая была икона, да Иванъ Николаевичъ согрѣшилъ, болвно ужъ прочиспилъ.

— Согрѣшилъ, — каялся старикъ, — пупъ вопъ личико было, а пупъ вопъ мечь...

Одно знаменіе оспалось по золотой землѣ, да кое-какіе цвѣпные кусочки, — икону я не взялъ. Такъ посидѣли, о всякихъ тайноспяхъ вели разговоръ. По веснѣ собирался старикъ на родину, въ Сольвычегодскъ: памъ у него кладъ какой-то на примѣтѣ естѣ; обѣщаль зайти проспиптѣся.

И пропаль.

Былъ кое-кто изъ Сольвычегодска, хотѣлъ я справитѣся, да 124 фамилии-то не знаю.

Такъ старикъ и пропаль.

И вопъ на дняхъ позднимъ вечеромъ сижу я такъ, какъ всѣ мы теперѣ сидимъ, кто не памъ... кто ,негодень', съ одною думой о землѣ нашей русской, о спрадѣ ея, и вижу, Иванъ Николаевичъ.

— Иванъ Николаевичъ, — говорю, — вопъ Богъ-то послаль!

Ну, топъ же самый и въ своемъ пальпишкѣ исперпомъ и словно сапоги пѣ же, только опчепливѣе весѣ при свѣтѣ, да борода зеленѣи.

О чемъ же нѣнче, какъ не объ одномъ, о единой нашей думѣ, — о землѣ русской, о спрадѣ ея.

— Какъ Богъ даспъ! — въ опвѣпъ подаваль старикъ слово.

Разказаль онъ мнѣ о Бѣлой Криницѣ, гдѣ по нашимъ церквямъ колокольный звонъ запрещень, и какъ подѣ Воздвиженѣ юродивый за всенощной, когда вынесли креспъ, ударилъ въ колоколь — подалъ вѣспъ изъ Дольной Руси въ Россію.

— И до сей поры по Карпапамъ звонъ идепъ и на Москвѣ до сей поры слѣшенъ: какъ ночь, на Рогожскомъ слѣшатъ... А вопъ я вамъ покажу, пророчество, — Иванъ Николаевичъ вѣнулъ

изъ кармана сложенній, какъ прошеніе складывають, листъ пожелтѣвшій бумаги, — вопъ читайте, написано объ Англіи и Россіи и о всемъ мірѣ...

Письмо ись Шотландіи въ Россію.

Его Сіятѣльству князю Голицыну, президенту Библѣйскаго Общества въ Пѣтѣрбургѣ въ Россіи, опъ Анны баронессы Карнейгиль въ Нордъ-Британіи.

20-го Августа 1814 года.

Милостивій Государь!

Перѣводъ съ англійскаго.

125 Хотя я принадлежу къ слабому полу, изъ числа такихъ, коимъ святое Провиденіе опрѣделило niskій жребій въ мире, однако жъ, я въсѣуниженно прося прощенія у Вашего Сіятельства въ томъ, осмѣливаюсь писатъ толь высококаго званія. Нечаянно попался мнѣ въ руки девятый опъчетъ Велико-Британскаго и иностраннаго Библейскаго общества, въ нѣмъ прочла я (имя) имя Ваше, яко президента Библейскаго общества въ Пиперъ-бургѣ, и душа моя исполнилась хвалы и благодаренія ко Всемогущему Творцу, въ Его же руке сердца всѣхъ человекъ, и къ Вамъ, яко благотворящему попу Божіимъ смотрѣніемъ, такъ, что я того изъяснитъ не могу. Никакіе военныя подвиги, которыя, и-по всѣй справедливости, доставили почетныя пипла героямъ нашего времѣни, нѣ сравняются никогда съ тѣмъ, что здѣлано для способствованія къ приближенію царства Спасителя и для спасенія бесмертныхъ душъ, — въремя въ быспромъ теченіи своемъ скоро изгладитъ техъ пышныя пиплы, кои възятъ только опъ зѣмли, и ихъ славнешія деянія [по] погребутся навсегда въ забвеніи, есплы они не имутъ чести, яже приходитъ свѣше, и есплы имена ихъ не сунтъ написаны въ книгѣ живоной Агнца; между темъ, какъ въ память вечную будетъ правѣдникъ и обращающій многихъ на путь правды просвѣпятся, аки звѣзды, во вѣки.

Я чипала также с некопорымъ воспоргомъ указъ великаго и добраго Алѣксандра, утверждающій учрѣжденіе Общества Вашего, и то, что онъ пожелалъ бытъ самъ члѣномъ онаго, сіе привело мене на память божеспвенное правозвѣстіе о церкви язвиковъ, и будущъ царіе кормители пвои' (Ісаія 49 с. 23). Онъ, конечно, нисколько нѣ уронилъ величія своего, поппѣдерживая толь похвалное препѣпріятіе. Соломонъ, о коемъ сказано, что онъ, возвѣмчился паче всѣхъ церѣи зѣмныхъ и богатспвомъ и смѣсловъ' (3 цар. 10,—23), не считалъ за ниское для своего сана созидатъ храмъ и иметъ о помъ попеченіе, онъ споялъ на колѣняхъ, и молился предъ всемъ соборомъ израилевымъ пріосвященіи храма. Еспѣли же позволено мнѣ будетъ изъяснитъ смирѣнное мненіе мое, я сказала бы, что просвѣщати омраченныя племѣна, во пмѣ и сени смертей сидящія, светомъ божеспвеннаго опѣкровенія, которое показуепъ имъ путь ко спасенію, еспѣ дело уважитѣльнейшее даже и созиданія Храма Ерусалимскаго, ибо еспѣспвеннаго права и сему священному зданію не имеепъ никто другой, кроме племени израилева, но то определяепся для блага въсехъ язвиковъ и людей и племень и кажется приводящимъ великому событію,—когда наполнитъ вся земля вѣденія Господня, аки вода многа покрываетъ море' (Ісаія 11.—9).

126

Происшествія, совершившіяся в наши дѣни, суть таковы, что онныя могли токмо бытъ произведены Духомъ и ревностію Господа Силь. Единодушіе и единство чувспва, являющіися между христианами споль различныхъ исповеданій, и опѣдаленіи предърассудковъ, опягощающихъ умы толь многихъ даже и в нашемъ опѣчестве, не говоря о другихъ нацвіяхъ, ис коихъ некопорыя и менее просвѣщены, еспѣ дело Духа Господня. Оно кажется знаменуепъ уже приближеніе того блаженнаго времени, когда будетъ едино спадо и единъ пастырѣ. Что по сіе время здѣлано уже посредеспвомъ силъ похвалныхъ предѣпріятій, почлось бы невозможнымъ за малое число лѣпъ назадъ. Но очищающій пути опъ въсехъ препяпспвій, которые предѣспавлялись

непреодолимыми для силы человеческой, подобятся совершению другого обстоуванія въ словѣ Божіемъ: „положу въсяку гору въ пупъ, и въсяку спезю въ паспву имъ“ (Ісаія 49.—11). Победы, недавно одержанныя союзными арміями, зрятся якобы опъвъпомъ псалмопѣвцу на пророческое его молѣніе: „запрѣти звѣрѣмъ простнѣмъ... распочи язѣики, хопящія бранемъ“ Псалм. 67.—31).

127 Ныне покараются все, каждыи приносипъ свои злупнищы и лѣпшы на разрушеніе сатанинъскова господствования и на приближеніе и устроеніе царства Спаситѣлева на развалинахъ онаго, для сего слово Господнѣ, сопровождаемое силою Духа Его, еспѣ само действительное орудіе. Хопя пѣма покрываепъ еще теперь болшую часть земли и густая мгла лежищъ на народѣ, однако, чрезъ разпространеніе между онѣмъ слова спасенія, воззывается въсякъ да свѣщипся,—прииде бо пвой свепъ и слава Господня на пѣбе возсія“ (Ісаія 60.—1).

Вашъ Императоръ, коего снисходительное и милосливое обращеніе соделало имя его любезнымъ, по крайней мере, на целой половинѣ обитаемой поверхности шара зѣмнаго, еще вящшую приобрелъ к своему имени любовь, поместя оное между подписавшимися для поль божественнаго завѣденія,—въ семъ видимъ мы исполненіе другой части древняго пророчества: „и пойдутъ царіе светомъ Твоимъ, и язѣщы свеплоспю Твоею“— „и царіе ихъ предстоящи будутъ Тебѣ“ (Ісаія 60.—3 и 10-й).

Когда Ваше Сіятельство позволили уже мне споль изъяснитися предъ Вами, то позволте добавитъ и еще следующее: продолжайте дело Ваше о имени Божіемъ и не ослабевайте въ начатѣхъ усиліяхъ разливатъ свепъ жизни по меспамъ мрака на земли и по обиталищамъ нечестія и неправды. Каждыи ис сочленовъ Общества Вашего да ощупипъ надъ собственною душою своею спаситѣльное действіе Слова Божія, да даруетъ Вамъ Богъ приверженность ко Спасителю и къ Божественной Его правде, копорая еспѣ разумъ и конъчина всехъ обетованій, заключающая в сей благословенной книге Библии. Си-то дары, неразрѣвно звязанныя со славою Бога и спасеніемъ душъ, соделы-

вають времена [наши поистинне времена благопріятными. Облачко, не более какъ въ человеческую руку величиною, появившюся (чрезъ) при учрежденіи перваго Библейскаго общества, распространилось пѣперъ по всемъ небесамъ, и мы слышимъ шумъ опъ изобилнаго дождя, снисходящаго изъ облакъ обѣтованія церкви язѣковъ, коея частъ составляютъ Великобританія и Россія, ибо такъ изрекъ Господь о нашемъ возлюбленамъ Спаситѣле: ‚Азь Господь Богъ призвахъ тя въ [п]равде, и удержу за руку твою и укреплю тя‘, — ‚се дахъ ты въ заветъ рода, во светъ язѣковъ, еже быти тѣбе во спасеніе, даже до послѣднихъ земли‘ (Исаія 42.—6; 49.—6). Какой изобилной рядъ успехов представляется Вамъ не только по божѣственнѣмъ обетованіямъ, но и по упованію на промыслъ Божій, дѣйствительнѣмъ потъ самъ, о коемъ пророкъ говоритъ, — ‚исходитъ просеченіемъ предъ лицѣмъ вашимъ‘, Вы уже почно ‚просѣкли и прошли врата и изошли ими‘, ‚и изыдѣ царь вашъ предъ лицемъ вашимъ, Господь же вождь вашъ естъ‘. (Михея 2.—13). Онъ бесъ сумненія вознаградитъ труды Ваши обиліюю жапвою, тогда-то Вы возрадуешесь, ‚взѣмающе рукояпія своя‘ (Псаломъ 125.—6), и вся земля да исполнится славы Его. Аминь. Аминь.

128

— Прочитай еще претію Ездры о знаменіяхъ! — сказалъ Иванъ Николаевичъ и, бережно сложивъ свое письмо пророческое объ Англіи, спалъ прощатъся: дастъ Богъ, скоро и опять заглянетъ, не такое время, чтобъ искашь клады!
И когда старикъ ушелъ, я взялъ Библию и вопъ что читалъ я о знаменіяхъ:

‚Вопъ настанутъ дни, въ которые многіе изъ живущихъ на землѣ, обладающіе вѣдѣніемъ, будутъ восхищенны, и пупъ истинны сокроется, и вселенная оскудѣетъ вѣрою,
И умножится неправда, которую ты теперъ видишь и о которой издавна слышалъ,
И будетъ, что спрана, которую ты теперъ видишь господствующею, подвергнется опустошенію.

„А если Всевышній дастъ тебѣ дожить, то увидишь, что послѣ претвей прубы внезапно возсіяетъ среди ночи солнце и луна прижды въ день;

„И съ дерева будетъ капать кровь, камень дастъ голосъ свой, и народы поколеблются.

„Тогда будетъ царствовать потъ, котораго живущіе на землѣ не ожидаютъ, и птицы перелетятъ на другія мѣста.

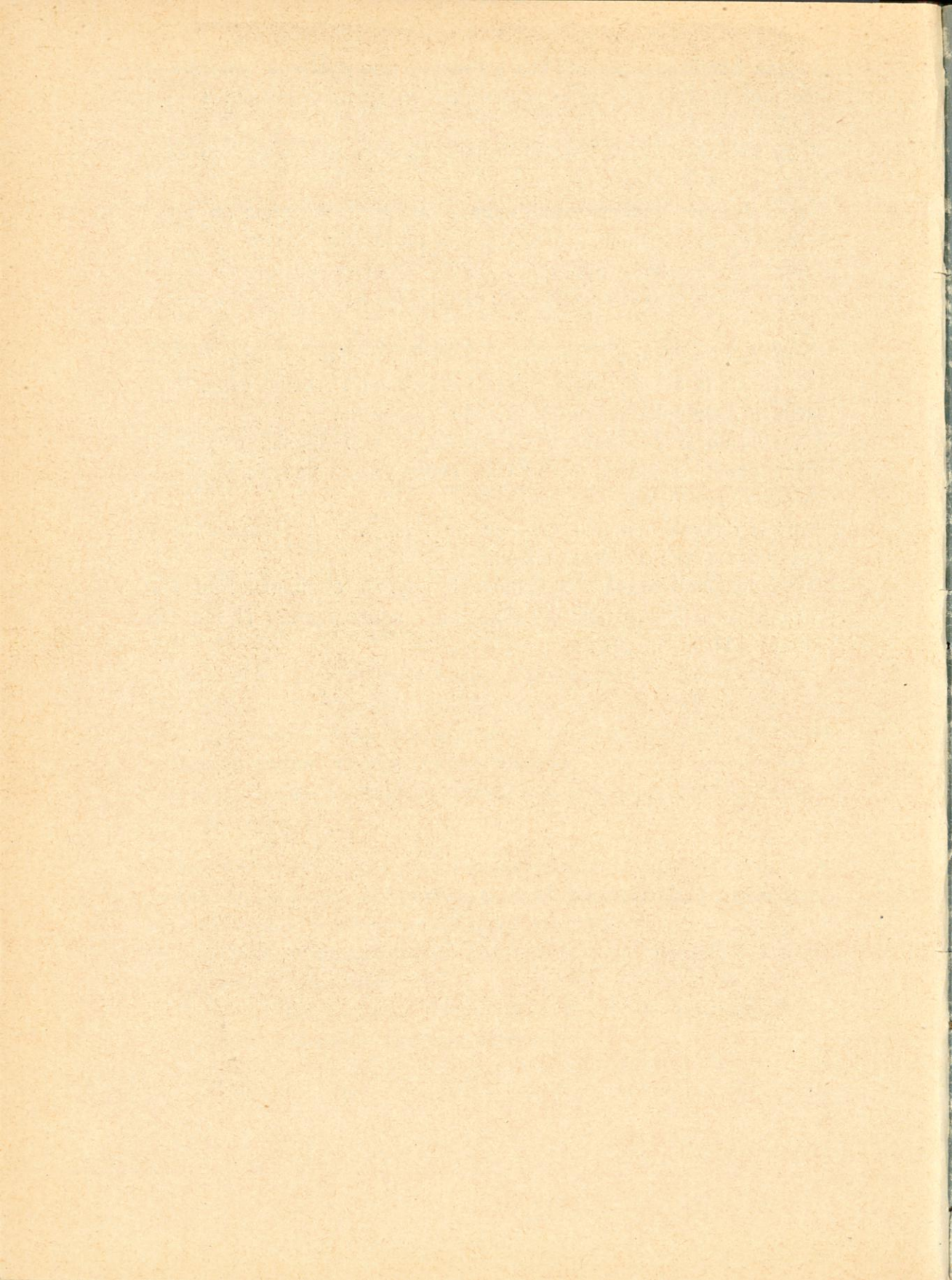
„Море Содомское извергнетъ рыбы, будетъ издавать ночью голосъ, невѣдомый для многихъ; однако же всѣ услышатъ голосъ его.

„Будетъ смятеніе во многихъ мѣстахъ, часто будетъ посылаемъ съ неба огонь; дикіе звѣри перемѣнятъ мѣста свои, и нечистыя женщины будутъ рождать чудовищъ.

129 „Сладкія воды сдѣлаются солеными, и всѣ друзья ополчатся другъ противъ друга; тогда сокроется умъ, и разумъ удалится въ свое хранилище.

„Многіе будутъ искать его, но не найдутъ, и умножится на землѣ неправда и невоздержаніе.

Одна область будетъ спрашивать другую сосѣдную: не проходила ли по тебѣ правда, дѣлающая праведнымъ? И та скажетъ: нѣтъ. (Ездры 3 кн. 5 г. 1 с. и до 12).

Давидъ Бурлюкъ.

Рисунокъ.

М. КУЗМИНЪ.

ОБРАЗЧИКИ ДОБРАГО ТОМЫ.

133 Хотя суконное заведение моихъ хозяевъ находилось около Пистойи, я никогда не бывалъ во Флоренціи. Когда мнѣ минуло семнадцатъ лѣтъ, хозяинъ прибавилъ мнѣ жалованья, и поручилъ вести переговоры съ заказчиками. Наконецъ однажды, призвавъ меня къ себѣ на анпресоли, гдѣ онъ почти все время сидѣлъ за расходными книгами, окруженный счепами и росписками, онъ взглянулъ на меня поверхъ очковъ, и объявилъ, что мнѣ нужно собираться и завтра съ утра отправиться во Флоренцію съ партией образчиковъ, которые я долженъ разнести по указаннымъ адресамъ и принять на нихъ заказы. Я поблагодарилъ хозяина за довѣріе и не могъ всю ночь заснуть, предвкушая удовольствіе видѣть большой городъ, о которомъ мнѣ такъ много и удивительно рассказывали бывавшіе въ немъ. Давъ мнѣ адреса, по которымъ я долженъ былъ разнести образчики, посоветовавъ остановиться въ гостинницѣ ‚Древней дѣвы‘ и снабдивъ еще практическими наставленіями, хозяинъ оппустилъ меня еще до ‚Ave Maria‘, чтобы я могъ, какъ слѣдуетъ, выспаться и на слѣдующій день чуть свѣтъ покинуть домъ, къ которому я, сирота, привыкъ, какъ къ родному.

Въ пути со мною ничего не случилось. Впрочемъ я всю дорогу такъ мечталъ о Флоренціи, что едва замѣчалъ, что встрѣчалось моей одноколкѣ. Конечно, кромѣ хозяйскихъ наставленій я не упустилъ случая разспросить наканунѣ стараго приказчика, который мнѣ поразсказалъ кое-что и другое о большомъ городѣ, гдѣ повидимому меня ждали не только визиты къ заказчикамъ, но и новыя знакомства, кофейни, рестораціи, театры и дамы получше пистойскихъ. Мечты именно о

эпихъ неиспытанныхъ еще удовольствiяхъ и занимали мою голову, едва оставляя мнѣ достапочно сообразительности, чтобы припомнитъ, налѣво, или направо нужно было, по словамъ хозяина, поворопитъ мнѣ мою соловую кобылу.

Госпинница, указанная мнѣ хозяиномъ, находилась за С. Кроче, такъ что мнѣ пришлось проѣхать почти весь городъ. Боже мой, какое великолѣпiе! Вѣроятно, былъ часъ прогулокъ, такъ какъ всѣ улицы были наполнены каретами, всадниками и нарядными пѣшеходами. Лорнетъ господъ такъ и сверкали, ленты и вуали дамъ развѣвались, собаки шныряли подъ ногами, хлопали бичи и табакерки, пѣлъ пахла духами и скошенной травой, спржи, какъ угорѣлые, носились надъ самыми головами и высоко на горѣ звонили колокола. На перекресткѣ моя одноколка остановилась, такъ какъ лошадь, испугавшись внезапно раскрытаго розоваго высокаго зонтика, противъ ожиданiя не понесла, а наоборотъ остановилась и не хотѣла идти ни направо, ни на лѣво, ни впередъ, ни назадъ, не обращая вниманiя на всѣ мои понуканiя, словно Балаамова ослица. Я самъ расперялся ни меньше своей кобылы и хлеспалъ ее изо всей мочи, смотря полвко на ея соловий крупъ и хвостъ, которымъ она взмахивала при каждомъ ударѣ. Я не замѣчалъ нѣкоторое время ничего, не слышалъ ни ругани, ни смѣха, какъ вдругъ меня привелъ въ чувство нѣжный женскiй голосъ, которiй произнесъ: 'Вы совсѣмъ убоете ваше животное, нѣтъ большой чести соперничать въ упряжствѣ съ лошадыю'.

134

Это говорила какъ разъ та самая дама, зонтика которой испугалась моя лошадь. Я пробормоталъ извиненiе и готовъ былъ провалиться вмѣстѣ со своей одноколкой, такъ мнѣ спало стыдно и своего костюма и поведенiя и норова моей кобылы. Дама съ розовымъ зонтикомъ, казалось, не была разсержена, что, впрочемъ замѣнилъ я и по ея голосу, насмѣшливому, но опнюдъ не сердитому. Кромѣ того она была необыкновенно красива въ высокой шляпѣ кораблемъ и съ мушкой у лѣвой брови. Не знаю, зачѣмъ я раскланялся съ нею и сейчасъ же оп-

вель глаза. По другую сторону моей одноколки споялъ молодой человекъ, смотрѣвшій такъ, будто онъ хотѣлъ заговорить. Почти сейчасъ же онъ это и сдѣлалъ.

„Изъ деревни?“ спросилъ онъ улыбаясь и указывая на лошадей. — Да, да. Вотъ не знаю, что съ ней случилось. Никогда этого не бывало.

135 „Ничего, она [оправится! Вы позволите?“. И раньше, чѣмъ я успѣлъ позволить, онъ проворно вскочилъ въ мой экипажъ и взялъ возжи изъ моихъ рукъ. Дѣйствительно, почему-то лошадей пронула съ и мы продолжали путь уже вдвоемъ. Въ дорогѣ я узналъ, что моего спутника зовутъ Яковомъ Каспаньо, что онъ Флорентинецъ, не женатъ и живетъ съ матерью. Я въ свою очередь рассказалъ, что мнѣ имя Тома Губерпи, что я суконщикъ изъ подъ Пистойи, ѣду съ образчиками и намѣреваюсь остановиться въ гостинницѣ „Древней Дѣвы“ за С. Кроче. Онъ выслушалъ довольно равнодушно всѣ эти сообщенія, замѣтивъ только:

— Все это прекрасно, но вечеромъ во всякомъ случаѣ мы встрѣтимся въ „Фениксѣ“ около собора. Посидимъ, поболтаемъ, больше ничего. Для скрѣпленія дружбы. Нужно же вамъ имѣть друзей въ городѣ.

У гостинницы онъ со мной проспился, взявъ съ меня слово вечеромъ встрѣтитесь у „Феникса“.

На вывѣскѣ моего новаго жилища была изображена полная дама въ старинномъ костюмѣ, указывающая пальцемъ на надпись:

„Кто спроситъ: гдѣ остановиться?“

Отвѣтитъ древняя дѣвица:

Остановитесь, путникъ, тутъ,

Здѣсь очень дешево берутъ,

Обѣдъ и ужинъ здѣсь не плохъ

И простыни всегда безъ блохъ...“

Спихи были довольно длинныя, но я не успѣлъ ихъ разобрать, потому что хозяинъ уже отворялъ мнѣ ворота, а изъ второго жилья кивала какая-то полная женщина, вѣроятно, хозяйка гостинницы.

На слѣдующее утро я едва помнилъ, какъ мы проводили вечеръ наканунѣ. Голова прещала и мысли пупались, но сосчитавъ денги въ кошелкѣ, я убѣдился, что тамъ не хвапило ровно сполвка, сколько спойлъ ужинъ, такъ что мой новѣй другъ не оказался ни воромъ, ни мошенникомъ. Простоя я самъ не совсѣмъ еще приучился къ веселому времяпрепровожденію. Адреса, дан- 136
ные мнѣ хозяиномъ тоже не были потеряны, такъ что все, кромѣ моей головы, было въ порядкѣ. Выпивъ крѣпкаго кофе я спалъ разсматриваѣ списокъ будущихъ заказчиковъ.

1. Синборъ Анпонъ Калъяни, борго С. Апостоли [пропивъ дворца Турки. Звонитъ не громко. По три капли въ день напощакъ.

2. Синбора Сколастика Риди за Арно у дворца Пиппи. Полное спокойствіе, не ѣстъ мясного, по упрямъ холодное обпиранье, носитъ шерстяные чулки.

Другіе адреса были въ такомъ же родѣ, т. е. съ прибавленіемъ характеристикъ и медицинскихъ совѣтовъ, приписанныхъ моимъ хозяиномъ, вѣроятно, для того, чтобы дать мнѣ темы для бесѣды, еслибы эти господа захотѣли вести со мною частныя разговоры, сообразно вкусамъ и фантазіи каждаго изъ нихъ. Я не долго раздумывалъ, а почистившись, надѣвъ лучшее свое платье и взявъ подъ мышки свертокъ съ образчиками, отправился на борго С. Апостоли. Помня написанное наставленіе, я тихонько постучалъ въ старыя двери высокаго невзрачнаго дома. Слуга былъ, очевидно, не большой любитель разговаривать, такъ какъ, впуспивъ меня въ большую полутемную переднюю, онъ куда-то исчезъ, указавъ мнѣ лишь неопредѣленнымъ жестомъ

на дверь, изъ за которой слышалось женское пѣніе. Не получивъ на свой спукъ никакого приглашенія, я осторожно приоткрылъ одну створку и увидалъ широкую свѣплую комнату, посреди которой стоялъ невысокій человѣкъ въ цвѣпномъ халатѣ, приложивъ одну руку къ сердцу, другую поднявъ къ потолку, словно обращая вниманіе слушателей на живопись, изображавшую спящаго Эндиміона. Господинъ такъ закинулъ голову, что лица почти не было видно, а зрѣнію представлялось лишь бѣлое жирное горло, которое словно клокопало, потому что это именно онъ и пѣлъ женскимъ голосомъ.

Мнѣ спало смѣшно, что повидимому не мальчикъ, и даже не юноша, а взрослый мужчина поепъ по бабѣ, но нужно признаться, что дѣлалъ онъ это очень искусно, временами его голосъ положиительно напоминалъ волынку, особенно когда онъ пѣлъ слѣдующіе слова:

, О я, несчастная Семела.
На что дерзнула, что посмѣла?
Вошь я нѣмѣю,
Пламенѣю,
Холодѣю,
Цѣпенѣю
Отъ жгучей страсти ‘.

— Не тотъ акцентъ, не тотъ акцентъ, дьяволь васъ побери, госпожа племянница! Видно, что вы еще не испытывали не только жгучей, но вообще никакой страсти. Нельзя акомпанировать, какъ курица!

И господинъ въ халатѣ отбѣжалъ въ глубину комнаты, гдѣ я теперь замѣтилъ фортепьяно и сидящую за нимъ даму. Лица ея мнѣ не было видно, за то я могъ вволю разсматривать черты пѣвца, который считалъ себя, повидимому, большимъ знаткомъ жгучей страсти. Безъ парика, въ одномъ зеленомъ фулярѣ, лицо его казалось необыкновенно толстымъ, будто подъ кожей по всѣмъ мѣстамъ были наложены подушечки, но огромные темные глаза и довольно правильный ротъ придавали извѣстную пріятность этой безформенной массѣ. При быстрыхъ дви-

женіяхъ, халапъ обпягиваль полныя и круглыя формы несчастной Семелы.

Такъ какъ на меня [не собирались обращать вниманія, то я кашлянулъ разъ и два довольно громко. Тогда господинъ, выпавшій лорнетъ изъ подъ халапа, надѣтаго прямо на бѣлбе, спалъ меня разсмаприваѣтъ, какъ жука, или мебель. Я выдвинулся впередъ и готовился сказаѣтъ нѣсколько привѣтспвенныхъ словъ, какъ вдругъ хозяинъ разсмѣялся и схвативъ меня за обѣ руки, бѣспро заговорилъ:

„Безъ комплиментовъ, безъ комплиментовъ! я понимаю ваше смущеніе, молодой человекъ, но вполне цѣню вашъ энпузіазмъ. Вы не видѣли меня въ Тизбѣ? Вы не слышали той аріи, копорую несчастная дѣвушка поетъ надъ окровавленнымъ плащомъ Пирама? нѣтъ, вы этого не слышали? Тогда вы ничего не слышали, вы не жили, вы еще не родились! О, это божественно! Онъ долго еще говорилъ, не выпуская моихъ рукъ, наконецъ вздохнулъ и умолкъ, будпо опъ напряженности переполнявшего его восторга. Тогда я рѣшилъ умѣспнымъ представитъся и сказаѣтъ цѣль своего посѣщенія.

138

— Конечно, вы—образчикъ, вы—образчикъ истиннаго поклоненія талантамъ.

Я привезъ вамъ образчики и зовуѣтъ меня Оома Губерти, спарался я ему вполковатъ.

— Я васъ понимаю, вполне понимаю. Вы завтра же пойдете слушаѣтъ „Пирама и Тизбу“, я и маестро тамъ превосходимъ другъ друга.

Я поблагодарилъ г. Калъяни и опять упомянулъ про свои образчики, копорые хотѣлъ бы ему показатъ. Тотъ постоялъ нѣсколько секундъ молча, потомъ улыбунулся, взялъ меня подъ руку и понизивъ голосъ, произнесъ.

„И это возможно, мой другъ. Энпузіазмъ и настойчивость все превозмогаютъ. Мы посмопримъ ваши образчики, но это нужно заслужиѣтъ. Вы, конечно, опзавтракаете съ нами? Позвольте мнѣ представитъ мою племянницу, мою опекаемую племянницу,

которая ничего не понимаетъ въ музыкѣ, но добрая дѣвушка. Клеменпина Вальяни'.

Дѣвушка поднялась отъ инструмента, и я тотчасъ узналъ въ ней мою даму съ розовымъ зонтикомъ. Не знаю, признала ли она меня, но протягивая мнѣ руку, она такъ приспально на меня посмотрѣла, что я думаю, что это такъ.

Ея опекунъ, не переставая болтать, отправился переодѣваться, я же оспался вдвоемъ съ г-жей Клеменпиной. Не успѣла дверь затвориться за г. Кальяни, какъ дѣвушка обратилась ко мнѣ: „Скорѣй давайте письмо“.

— Какое письмо? —

„Письмо отъ Валеріо“.

— Простите, я не знаю никакого Валеріо и письма у меня нѣтъ. —

„Вы не знаете Валеріо Прокаччи и посланы не имъ? Вы слишкомъ глупы, или не въ мѣру оспорожны“.

Въ это время уже возвращался самъ знаменитый пѣвецъ, переодѣвъ халатъ. Онъ казался толще и ниже ростомъ въ обыкновенномъ платьѣ. Еще съ порога онъ заговорилъ, улыбаясь: „завтракавъ, завтракавъ. Вы познакомились съ Клеменпиной? Я вамъ завидую: завтра вы услышите впервые меня въ роли Тизбы. Она мнѣ особенно удается. Успѣхъ безумный! Многие даже называютъ меня синьоръ Тизба... это недурно, а? о, во Флоренціи масса остроумныхъ людей!“

пасоваць, какъ вдругъ изъ за кустовъ выскочила дѣвочка лѣтъ десяти и громкимъ шепотомъ сказала: „пріѣхали!“ Синьора вскочила, топчась опять сѣла, снова вскочила, повторяя заплепающимъ языкомъ:

„Убирайте, убирайте все! захватите гитару! Чортъ бы васъ всѣхъ побралъ!“

Наконецъ сгребла оставшуюся посуду: рюмки, чашки, ложки въ подошь и пошла въ комнаты. На правомъ чулкѣ ея была большая дыра. На ступенькахъ синьора свалилась, зазвенѣвъ посудой, не могла подняться и такъ, не выпуская изъ одной руки подола, почти на четверенькахъ уползла въ двери. Молодыхъ людей уже давно не было. Я не зналъ, что подумать и сидѣлъ надъ залитой скапертью, ожидая, что будетъ дальше.

Изъ сада по той же аллеѣ, по которой пришелъ и я, приближалась молодая, высокая женщина въ свѣтломъ платьѣ съ очень блѣднымъ, слегда опухлымъ лицомъ въ сопровожденіи мальчика лѣтъ пятнадцати. Только взойдя на террасу, она, казалось, замѣтила меня. Опившись, на мой поклонъ, она опослала мальчика и молча ждала, что я ей скажу. Наконецъ, поднявъ сѣрые глаза, она медленно спросила.

„Васъ прислалъ ко мнѣ синьоръ Валеріо Прокаччи? Чего ему нужно опъ меня?“

Я замѣтилъ, что никакого Валеріо не знаю. Тогда дама пробормотала.

„Спранно.—Въ такомъ случаѣ я знаю, кто васъ ко мнѣ послалъ!—но это должно было быть завтра, по моему. Привѣтствую васъ, милый братецъ.“

Она умолкла, стоя у стола. Я думалъ, что она разсматриваетъ кофейныя и ликерныя пятна, но оказалось, что она ихъ не видѣла, и размышляла неизвѣстно о чемъ. Наконецъ, она снова взглянула на меня, будто удивляясь, что я еще здѣсь, и слабо проговорила:

„Да, такъ завтра я васъ жду. Кланяйтесь. Господь вамъ поможетъ.“

Вѣроятно мальчишка гдѣ-нибудь подслушивалъ, потому что
безъ всякаго зова явился, чтобы проводить меня до калипки.
Я пробовалъ разузнать у него, что все это значитъ и кто
была первая синѣра, но онъ былъ или глухимъ, или пол-
нѣйшимъ крепиномъ, потому что на всѣ мои разспросы, только
улыбался, ничего не говоря.

Мысль о синьорѣ Валеріо Прокаччи не давала мнѣ спать, даже выпѣсня какъ воспоминанія о прелестной г-жѣ Риди первой, такъ и недоумѣнія, почему мой хозяинъ снабдилъ меня адресами такихъ спранныхъ заказчиковъ. Вообще, флорентинцы очень любезны, скоро дружатся, но всѣ со спранными. Въ-рочемъ, эпопѣ Валеріо какой-нибудь вліятельный, пожилой человекъ, опъ котораго зависить благополучіе и судьба многихъ людей. Я былъ такъ взволнованъ впечатлѣніями опъ первыхъ двухъ визитовъ, что рѣшилъ на эпо упрѣ куда не ходитъ въ новое мѣсто, тѣмъ болѣе, что сегодня меня ждали и у синьора Тизби, гдѣ я могъ встрѣтитъ Клементину, и у г-жи Риди, гдѣ я надѣялся увидѣть ея родственницу. Я сидѣлъ въ кофейнѣ, раздумывая о всѣхъ событіяхъ, какъ вдругъ снова услѣшалъ имя Валеріо Прокаччи. Я такъ быстро обернулся, что чуть не опрокинулъ весь столикъ. Рядомъ сидѣло двое молодыхъ людей, лицо одного изъ которыхъ поражало своею необыкновенною веселостью и беззаботностью. Казалось, не могло быть такого подозрительнаго и черстваго сердца, которое сразу не открылось бы при видѣ эпого круглолицаго юноши со вздернутымъ носомъ, большимъ ртомъ и смѣющимися глазами. Это именно онъ и произнесъ имя Валеріо. Я собрался съ духомъ и подбодряемый наружностью молодого господина, подошелъ къ нему и спросилъ:

«Вы знаете Валеріо Прокаччи?»

— Я думаю, что знаю, когда эпо я самъ и естѣ, Валеріо Прокаччи.

„Вы — Валеріо Прокаччи? не можете бытъ“.

— Почему это васъ удивляетъ?

„Я не думалъ, что вы такъ молоды; вообще, я не думалъ, что вы такой“.

Молодой человекъ заинтересовался, гдѣ я слышалъ о немъ и вообще, откуда я его знаю. Я чистосердечно рассказалъ ему всю мою исторію съ самаго начала. Валеріо внимательно выслушалъ мою повѣсть и произнесъ:

„Спранно, добрый Тома, что судьба васъ послала именно къ тѣмъ людямъ, съ которыми я наиболѣе связанъ. По моему это не безъ умысла со стороны Провидѣнія. Я думаю, что вы можете мнѣ помочь. Я вамъ поже расскажу хотя бы тѣ дѣла, въ которыхъ вамъ суждено бытъ участникомъ. Откровенность за откровенность“.

145

Изъ словъ Валеріо я узналъ, что онъ безумно влюбленъ въ Клементину, племянницу извѣстнаго кастрапа Кальяни, который во чтобы то ни стало хочетъ выдать ее за графа Парабоско, смѣшнаго и надупаго стараго мота. Родители же самаго Валеріо хлопчуть о его бракѣ съ синьорой Риди, почтенной и богатой вдовой, но которая совершенно ему не нравилась и сама не чувствуетъ къ нему расположенія, считая его за пустого и легкомысленнаго человека.

„Я въ этомъ ее не разубѣждаю; наоборотъ, дѣлаю все возможное, чтобы этотъ бракъ былъ ей не по душѣ. Меня бѣситъ не она и даже не мои родственники, а эти двѣ чучелы: графъ и синьоръ Тизба. Вы себѣ не можете представить, до какой степени они несносны своимъ чванствомъ и смѣшною манерностью. Я очень радъ, что въ васъ я найду друга, который можетъ мнѣ помочь!“

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что я всегда могу рассчитывать со своей стороны на его помощь и содѣйствіе.

Положительно, я приобретаю друзей совершенно мимоходомъ. Или во Флоренціи люди очень склонны къ дружбѣ, или въ моей наружности есть что-то располагающее. Дома меня не цѣнили,

но вѣдѣ всѣмъ извѣстно, что для опечества не существуетъ пророковъ. Въ такомъ расположеніи духа я рѣшилъ купить себѣ новыя пухлы съ бантами и отправился къ господину Калбяни. Тотъ встрѣтилъ меня весьма радушно, спалъ сейчасъ же рассказывающъ о своихъ сценическихъ успѣхахъ, помничающъ, ворковающъ и закатывающъ глаза, какъ вдругъ съ улицы донесся звукъ наспраиваемыхъ скрипокъ.

„Серенада! клянусь честью, серенада! я не опираюсь: извѣстность имѣетъ свои прелести!“

Онъ открылъ жалюзи, скрипки явственнѣе слышались, но не начинали играть еще, какъ слѣдуетъ. Мы оба подошли къ окну. Оказалось, что музыканты всѣмъ уже расположились было играть, какъ вдругъ изъ за угла появилась другая партія, которая спала гнать первыхъ, увѣряя, что передъ этимъ домомъ должны играть именно они, вновь пришедшіе. Сначала перебрали вались, потомъ пустили въ ходъ камни мостовой, смычки, фуфляры опъ инструментомъ и, наконецъ, самбы скрипки. Въ домѣ все было слышно опъ слова до слова. Г. Калбяни въ необычайномъ возбужденіи кричалъ изъ окна: „такъ ихъ, бей, молодцы, вправо, вправо!“ — какъ вдругъ будто что вспомнивъ, закричалъ на всю улицу:

„Кому послана серенада?“

— Синборинѣ Калбяни Клементинѣ.

Пѣвецъ быстро захлопнулъ окно и повернувшись ко мнѣ произнесъ пренебрежительно:

„Пустяки! эти молодые люди всегда устраиваютъ собачью свадьбу и кошачьи концерты изъ за первой юбки!“

Я не посмѣлъ ему напомнить о пріятностяхъ славы, тѣмъ болѣе, что въ комнату вошла синбора Клементина, на которую опекунъ сейчасъ же и набросился.

„Что это за шумъ?“ спросила она, входя.

— Что это за шумъ! святая невинность! Это вамъ лучше знать, что это за шумъ. Ваши обожатели дерутся. Нѣтъ того, чтобы подумать о больномъ дядѣ, которій васъ содер-

жипъ и который можетъ каждую минуту умереть! Вы не подумаете, какая это будетъ потеря для искусства! Вамъ все равно, только бы была орава любовниковъ. Змѣя!

— Какая орава любовниковъ? въ умѣ ли вы? вы сами мнѣ навязываете разныхъ дурацкихъ жениховъ, графа Порабоску и п. д. ,А Прокачки кто тебѣ навязалъ? поже я, скажешь?'

— Валерію пусть не причемъ.

,Какъ не причемъ. Я тебя лишу наслѣдства'.

— У меня есть свой капиталъ, если вы его не разсрапили. ,Дерзости!'

— Вы потеряете голосъ.

,Да, я потеряю голосъ, я обнищаю, я умру и ты будешь виновницей!'

147 — Не срамитесь, на улицѣ все слышно.

,Пусть слышатъ. Я никого не боюсь.

— Вы — смѣшны!

,Кто — я — смѣшонъ? Палку, палку мнѣ сейчасъ же! Въ передней за ларемъ, налѣво въ углу полстая палка!' визжалъ Калбяни. Съ улицы доносился уже лязгъ шпагъ и крики о помощи. Я поспѣшно спустился съ лѣстницы, желая узнать, не раненъ ли Валерію, но меня сразу такъ толкнули въ бокъ, что я попалъ въ сосѣдній переулокъ, по которому и побѣжалъ домой.

Такъ я и не видѣлъ г. Прокаччи, къ которому такъ бѣспро по чувствоваль искреннее расположеніе и преданность. Дѣло въ томъ, что послѣ того дня Валеріо исчезъ и никто не зналъ гдѣ онъ. Можно было бы подумать, что его убилъ графъ Парабоско, если бы Клеменпина не сохраняла полного спокойствія конечно, невозможнаго въ случаѣ смерти Валеріо. Прошло дней 148 пятъ; я узналъ, посѣпивъ еще разъ синбору Риди, что плѣнившая меня госпожа — не болѣе, какъ служанка синборы Сколапки, у которой, какъ часто бѣваетъ у святыхъ женщинъ, была одна изъ самыхъ распущенныхъ дворней города. Долженъ сознался, что это открытіе нисколько не уменьшило въ моихъ глазахъ ея прелестей, — наоборотъ, даже какъ будто увеличило ихъ, показавъ ихъ болѣе доступными. Наконецъ, она, мнѣ назначила свиданье, но почему то не у себя въ комнатѣ не у меня въ госпинницѣ, но, вѣроятно, соблазнившись ясной теплой погодой, за городомъ въ рощѣ.

У хижинъ анахорета, заключила она.

— Какого анахорета? Развѣ такіе существуютъ въ наше время? А то какъ же? развѣ ты не знаешь, что совсѣмъ на дняхъ появился около города отшельникъ и молва уже успѣла распробить объ его святости. Но онъ бѣжитъ людей, что еще болѣе привлекаетъ къ нему послѣднихъ.

Я ничего не слышалъ объ анахоретѣ, но согласился придти вечеромъ въ рощу.

Она находилась верстахъ въ трехъ отъ города. Я забрался туда далеко еще до той минуты, когда солнце начинаетъ скати-

вапъ лучи и дѣлается пріятнымъ изнѣженнымъ горожанамъ. Въ попъ день зной уменьшался густыми облаками, проползавшими по небу опъ времени до времени, обѣщая переипи въ дождевую пучу. Вскорѣ пошелъ дождь, а Санпины, какъ, оказываея, звали мою предполагаемую синбору Риди, все не было. Въ концѣ концовъ мнѣ надоѣло мокнуть подъ дождемъ и я рѣшилъ укрытсь въ хижину анахорета, оказавшуюся проспымъ заброшеннымъ сѣноваломъ безъ сѣна. Оспорожно пронувъ не прикрывую дверь, я вошелъ въ полупемное помѣщеніе, гдѣ никого не было. Забравшись по лѣспницѣ на верхъ, гдѣ/ прежде сушилось сѣно, я спарался сквозь щели разглядѣть, не идетъ ли моя возлюбенная, въ то же время прислушиваясь, что дѣлается внизу.

149 Вскорѣ двери отворились и показался самъ пустынникъ, ведя за собою маскированную и промокшую женщину.

,Вопъ, подумалъ я, такъ опшелъникъ! привелъ къ себѣ даму на свиданіе! впрочемъ, можеъ бытъ, она просто заблудилась и онъ ее пригрѣлъ и приютилъ по опечески ‘.

Но опшелъникъ, несмотря на бороду, совсѣмъ не годился въ опцы приведенной имъ дочери, да и спалъ веспи себя нѣжно, но совсѣмъ не по родипельски. Они такъ цѣловались и обнимались, что я даже позабылъ про Санпину и про ея коварство. Между тѣмъ парочка внизу все болѣе разгорячалась. Онъ снялъ плащъ съ дамы и спалъ покрываеъ поцѣлуями ея опкрывія плечи. Наконецъ, онъ къ моему удивленію снялъ бороду и оказался никѣмъ инымъ, какъ Валеріо Прокаччи. Его собесѣдница поже, не боясь лишнйхъ глазъ, сняла маску и вышла Клементпиной Кальяни. Я чуть не вскрикнулъ опъ восхищенія, когда увидѣлъ это, попому что они оба и ихъ счастье были близки моему сердцу и попомъ они были такъ милы, что всякій порадовался бы, глядя на нихъ. Дождь уже пересталъ, а г-жа Клементпина все еще не уходила. Я видѣлъ, какъ прошла Санпина къ условленному мѣспу и обратно, но не могъ никакъ ей даеъ знатъ, не выдавая себя нижней парѣ. Но, вѣроятно, опъ досады я сдѣ-

лалъ всетаки неловкое движеніе и заскрипѣлъ досками, такъ какъ дама, опорвавъ свои губы опъ успѣ Валеріо, спросила:

„Что это скрипитъ, наверху кто нибудь естъ?“

— Кому тамъ бытъ? тебѣ почудилось — отвѣпиль молодой чело-
вѣкъ, снова ее цѣлуя.

„Нѣтъ, право, тамъ кто-то шевелится“.

Тутъ я не вытерпѣлъ и чпобы успокоитъ ихъ, просунулъ голо-
ву внизъ и громко сказалъ?

„Не безпокойтесъ, синьоръ Валеріо: это — я!“

Клеменпина вскрикнула и убѣжала ланью за дверь, а Валеріо послѣ минутнаго недоумѣнія и даже гнѣва, вдругъ расхохотался, повпоряя: „Ома, Ома, ты меня уморишь. Хорошо, что ты не объявился раньше, а то бы я тебя просто-на-просто отколо-
пиль! Но откуда ты взялся?“

150

Я слѣзь съ вѣшки и прежде всего высказалъ свою радость по поводу того, что Прокаччи живъ, здоровъ и, повидимому, счастливъ. Посмѣявшись вдоволь надъ маскарадомъ Валеріо и моимъ наблюдательнымъ поспомъ, мы разговорились о дѣлахъ, причемъ я узналъ, что вскорѣ опять понадобится моему другу Онъ переодѣлся изъ монашескаго платья въ свое обычное и пожавъ мнѣ руку, обнялъ меня и мечпательпо проговориль:

„Тебѣ бы, Ома, женитъся на синьорѣ Схоласпикѣ!“

— Господъ съ вами! да вѣдь она за меня не поидетъ.

„Это ужъ тебя не касается“.

— Какъ же, помилуйте, не касается, когда мнѣ придется бытъ ея мужемъ.

Это можеть успроитъ г. Альбино“.

— Въ первій разъ слышу.

„Возможно, но это дѣла не мѣняетъ“.

— Дѣло въ томъ, что я никогда не думалъ объ этомъ бракѣ и по правдѣ сказапъ онъ меня не особенно привлекаетъ.

„Это другое дѣло“.

— Мнѣ бы скорѣй хотѣлось, напрімѣръ, женитъся на служанкѣ г-жи Риди, Санпинѣ.

Валеріо улыбнулся.

„Ну это ты говоришь сгоряча. Санпина вовсе не такая особа, на которой стоило бы жениться. Когда ты будешь приезжать сюда, она всегда будет к твоим услугам“.

Лишь только я подумал о своем хозяине, нашей фабрике, как понял всю справедливость слов Прокаччи и отбросил мысль о женитьбе с удовольствием мечтая, как я буду приезжать во Флоренцию.

Валеріо казался не то что печальным, а более серьезным, чем обыкновенно. Вообще, кажется, его лицо по самой своей структуре не могло выражать меланхолических чувств. Он проводил меня почти до самого города, еще раз повторив, что я всегда могу рассчитывать на его помощь и защиту. Я
151 долго смотрел вслед Валеріо и затем побрел в город, больше думая о судьбе г-жи Клеменпини, нежели о моем несостоявшемся свидании.

На слѣдующій день Санпина меня не встрѣпила бранью, какъ я ожидалъ, но холодно опустила глаза и старалась держаться сдержанной, насколько позволялъ ей это ея пылкій и живой характеръ. Мнѣ почему то было все равно, сердился она, или нѣтъ, потому я болѣе смѣло разглядывалъ ея смуглыя щеки и вздрагивающія вѣки. Проходя по террасѣ, я даже слегка обнялъ горничную г-жи Риди за палию. Это, повидимому сломало ледъ, потому что Санпина прошептала мнѣ, мерзавецъ паршивый такъ очарователно, что мнѣ снова пришла въ голову оспавленная было уже мысль о женитбѣ. Г-жа Сколаспики печально сидѣла у окна и пересчитывала серебряныя деньги въ шкапулкѣ. Она подняла сѣрыя глаза и тихо сказала:

„Добрый Оома, синборъ Альбано говорилъ мнѣ о васъ, онъ говорилъ, какъ вы скромны, какъ преданны. Только мое болѣзненное состояніе не позволило мнѣ обратитъ должнаго вниманія на ваши высокія качества, но опъ Господа ничто не останется скрытымъ.

Я вспомнилъ о предложеніи Прокаччи и со страхомъ смотрѣлъ, какъ рука синборы Сколаспики легла на мой сѣрый рукавъ.

Дама говорила, какъ во снѣ, медленно и спрастно, не спуская съ меня глазъ и не опнимая руки съ моего обшлага. Мнѣ вдругъ спало необыкновенно поскливо и я подошелъ къ окну, выходящему на улицу. Тамъ привлекли мое вниманіе двѣ фигуры, которыя вскорѣ появились и въ комнатѣ г-жи Риди. Это былъ синборъ Кальяни и съ нимъ какой-то высокій пощій господинъ, въ наспоящую минупу безъ парика и со спущенной под-

вязкой на лѣвой ногѣ, причемъ оспальныя части его туалета ясно показывали, что такой безпорядокъ вовсе не былъ свойственъ спутнику синбора Тизбы.

153 ,Боже, что случилось, графъ Парабоско?' воскликнула Сколаспика подымаясь къ нему навстрѣчу. Значитъ, Клеменпину прочили за эту жердь! Я понимаю тогда все негодование Прокаччи. Кальяни выказывалъ большее присутствіе духа, нежели опспавной женихъ и довольно бодро сообщилъ, что его племянница вчера во время спектакля убѣжала съ Валеріо и обвинчалась съ нимъ у анахорета. Я раздумывалъ какъ Прокаччи могъ обвинчать самого себя, межъ тѣмъ какъ графъ безпомощно продолжалъ сидѣть на томъ же стулѣ, куда опустился, какъ только пришелъ. Его носъ покраснѣлъ и лѣвой рукою онъ все попягивалъ чулокъ, которъій сейчасъ же сползалъ обратно.

,Змѣя, змѣя', шептали его губы.

Синборъ Тизба гоголемъ подошелъ къ г-жѣ Риди и очень развязно, хотя и галантно, произнесъ:

Я больше забочусь о васъ, дорогая г-жа Сколаспика, нежели о пропавшемъ молодомъ человѣкѣ или о своей племянницѣ. Они получаютъ то, чего искали, но вы, вы! такъ невинно поспрадались! Такая неощенная доброта, благородство!

— Вы мнѣ льстите!

,Нисколько; я знаю, какъ вы относились къ этому молодому человѣку, что касается меня такъ я опчасти радъ, что освободился отъ этой неблагодарной обузы. Вчера она даже не досидѣла до конца 2-го акта ,Пирама и Тизбы', она сбѣжала отъ моего шедевра, моего торжества! Знаете, людямъ искусства нуженъ покой, а если и волненія, то легкія, пріятнаго характера'.

Графъ Парабоско началъ снова хныкать на своемъ креслѣ. Синборъ Кальяни направился къ нему, но вдругъ, повернувшись на одной ножкѣ, воскликнулъ!

,Я гениалень! кто будетъ сомнѣваться въ этомъ?'

Сколаспика молча смотрѣла, что будетъ дальше.

„Вы и онъ! хи-хи-хи! развѣ это не геніально. Опмщеніе, сладкая мѣстѣ!“

— Я васъ не понимаю!

„Выходите замужъ за графа“.

— Вы думаете?

„Конечно, я думаю. Кто же иначе? Ну, графъ, становитесь на колѣни“.

— Постойте, у меня все чулокъ валится.

„Что? чулокъ?... Это ничего“.

— Постойте, синьоръ Кальяни, я еще подумаю,—протестовала г-жа Риди, но пѣвецъ уже торжествовалъ.

„Когда женщина собирается думать, она уже согласна!“

Гупъ онъ только замѣтилъ меня.

154

„А, и милый Тома здѣсь?“ и попомъ, понизивъ голосъ добавилъ: теперѣ я немного освобожусь и охотно посмопрю ваши образчики“.

Но мнѣ не пришлось воспользоваться его приглашеніемъ, такъ какъ дома я нашель письмо отъ хозяина, взыываваго меня немедленно въ Пистойю, а также самого Якова Каспаньо, который, какъ оказывається, все время меня искаль, чтобы взять у меня обратно адреса своихъ кліентовъ и вернуть мнѣ мой списокъ, которые мы перепунали въ первый же вечеръ. Валеріо благополучно живетъ съ Клеменпиной, часто пишетъ мнѣ, синьора Сколаспика, кажется, сама не замѣтила, какъ обвѣнчалась съ графомъ. Синьоръ Кальяни также блиспаеть въ роли Тизбы, такъ и не выдавъ моихъ образчиковъ. Зато какіе образчики доставила мнѣ Флоренція на всю мою жизнь, любви и препензій, забавныхъ и печальныхъ случаевъ, плетеній судьбы и истиннаго чувства.

Марія Синякова.

Рисунокъ.

В. ХЛѢБНИКОВЪ. В. КАМЕНСКІЙ.

Напяливъ длинныя очки
 Съ собою дулась въ дурачки.
 Была нецѣлою колода,
 Но любилъ шалости природа.
 Какой-то звѣрь протяжно свистнулъ,
 Топча посѣвы и золу.
 Мелькнувъ поломанной соломкой,
 Слепѣло двое голубей.
 Вспревоженъ бѣлой незнакомкой,
 Чирикалъ спарвйи воробей.
 ,Полей просторъ чернѣетъ, оранъ,
 Поетъ пасухъ съ слезливой лудкой,
 Тебѣ на плечи сядетъ воронъ
 Съ вонзенной въ перья незабудкой.
 Въ мою ладонь давайте руку,
 Вѣдь я живу внутри овина
 И мы, смѣясь, пройдемъ науку.
 Она воздушна и невинна.
 Какъ бѣлочка, плутовка
 Подсолнухи грызетъ,
 А божія коровка
 По локтю рукъ ползетъ.
 Сквозь кожи снѣгъ, гдѣ блещетъ жилка,
 Туда, щипы свой разавинувъ,
 Слепѣла съ русаго запылка,
 Надъ пѣломъ панцирь крыль раскинувъ.

Въ рукѣ качался колось
Сосѣдней спѣлой нивы.
Къ землѣ спруился волосъ,
Желанія лѣнивны.
,О, я пишу. Тебя здѣсь вывелъ,
,А ты мнѣ... ты мнѣ опротивѣлъ.
,Ужели? ,Въ самомъ дѣлѣ!
Былъ спанъ обтянутъ бичевой,
Въ рукѣ же цвѣтикъ полевой.
На ней охоты сапоги,
Смазны они и широки.
,Ни глупой лести, ни почепу,
Здѣсь нѣтъ уюта, жизни мѣста.
Дѣвица роши, звѣздочепу
Будь мотыльковая невѣста.
,Я—лѣсное правительство
Волей чистыхъ усмѣшекъ
И мое—мѣсто жительство,—
Гдѣ зеленій орѣшекъ.
,И книги полдня, что въ прекрасномъ
Лучей сверкаютъ переплетѣ,
Вблизи лишъ, насморку опаснымъ,
Съ досадой дымомъ назовете.
Вблизи споль многое иное,
О чемъ пѣвецъ въ созвучьяхъ спорить,
О чемъ полканъ, печально ноя,
Ему у будки въ полночь впорить.
,Я не негодую:
Ты мнѣ всего, всего дороже!
Скажи, на вѣдѣму молодую
Сегодня очень я похожа?
Ахъ, по упрямъ меня щекоткой не буди!...
Какъ это глупо! самъ суди:
Я только въ полночь засыпаю;

И упромъ я не такъ спупаю!
,Но дней грядущихъ я бросилъ счѣта
Мечпанія, страсть и тебя, нищета!
Синѣетъ логъ, чернѣетъ лѣсъ.
Въ рѣсницахъ богъ,
А въ ребрахъ бѣсъ.
И паутины хчая,
И лѣпныхъ мошекъ полчая.

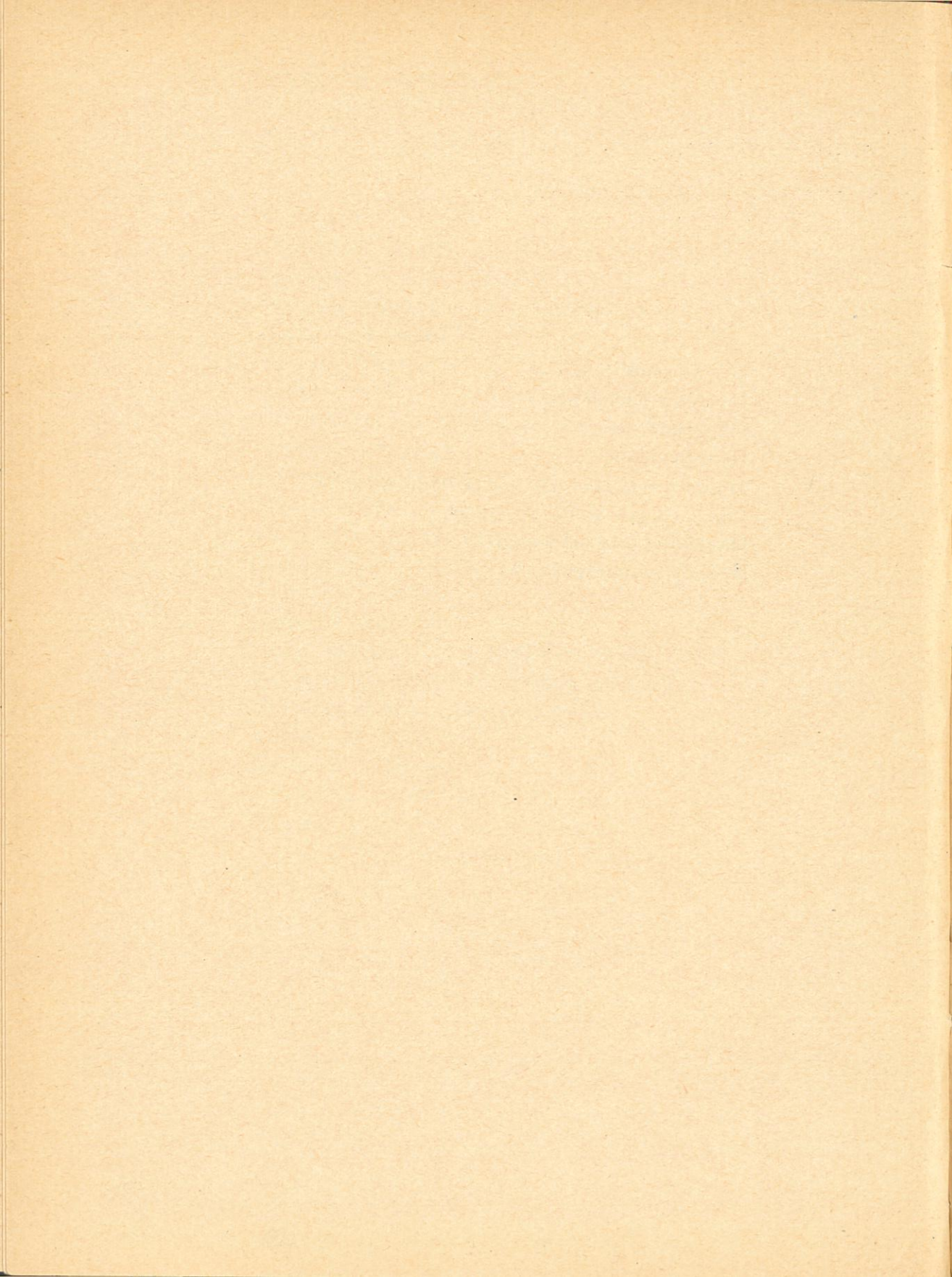
В. Хлѣбниковъ.

1.

Сарынъ на кичку!
Ядреный лапотъ
Пошелъ шапаться по берегамъ.
Сарынъ на кичку!
Казань — Сараповъ
Въ дружину дружную на переключку
На лихо лишнее врагамъ!
Сарынъ на кичку!
Боченокъ съ брагой
Мы разопьемъ у прехъ коспровъ
И на привольѣ волжскомъ вагой
Зарядимъ въ грустѣ у оспрововъ.
Сарынъ на кичку!
Ядреный лапотъ
Чеши затылокъ у перса — пса
Зачнемъ съ низовья хватать-царапать
И шкуру драгъ — парчу съ купца.
Сарынъ на кичку!
Кистень за поясъ!
Въ башкѣ зудитъ разгуль до дна.
Свиспи! Глуши! Зѣвай! Раздайся!
..... не попадайся
Вва!

Я — ли тебѣ та — ли
Не вонъ энтакая
На семой верстѣ мотали
Переэнтакая.
Харымъ — ары — згаль — волчоночнѣй
Занеси подь утпро въ сердце
Окаянной разлюбовницы
Ножъ печоночнѣй.

Василій Каменскій.

А. ШЕМШУРИНЪ.

ЖЕЛЪЗОБЕТОННАЯ ПОЭМА.

„Первая міру книга поэзіи“ * соспоиць изъ одного желтаго листка бумаги, на которомъ напечатано:

165

Случай благопріятствовалъ мнѣ узнать то, что такъ сердитъ и возмущаетъ общество, разсматривающее „непонятныя“ произведенія футуристовъ, и что обыкновенно называется смысломъ или содержаніемъ.

* В. Каменскаго.

Въ поэмѣ излагаются въ художественной формѣ впечатлѣнія отъ поѣздки въ Константинополь. Заглавіе поэмы написано въ многоугольникѣ направо. Заглавіе входитъ въ содержаніе поэмы, какъ бы вплетается въ формѣ ея. Въ словѣ ,Константинополь видѣлено особымъ шрифтомъ ,санпи‘, которое повторено ниже для образованія того, что я называю ,футуристическимъ сполбикомъ‘. Это ,спанпи‘ — названіе Константинополя, слышанное поэтомъ въ эпосѣ городѣ. То же самое ,Винограденъ‘. Остальные слова относятся или къ тому, что поэтъ видѣлъ на пристани, или къ образованію футуристическихъ сполбиковъ. Знаки большинства и меньшинства отмѣчаютъ впечатлѣніе отъ прибытія публики и ея ухода въ городъ.

Одно изъ первыхъ впечатлѣній по выходѣ на берегъ были какія то странные звуки, ихъ можно было принять за крикъ чаекъ, 166 п. к. сначала было непонятно откуда именно они шли. Похожи они были на звукъ буквы Й, если ее крикнуть сильно и громко. Оказалось, что это кричали мальчишки, выпрашивая и благодаря за подачку. Впечатлѣніе это записано авторомъ въ видѣ буквы Й въ первомъ треугольникѣ. Второе, съ чѣмъ поэту пришлось столкнуться на улицахъ, — а л а. Далѣе поэтъ отмѣчаетъ улицу ,галапа‘, въ которой нѣкоторые дома имѣли вывѣской букву Т. На улицахъ въ Константинополь множество голубей, — картина совершенно неожиданная для нашихъ привычекъ, понятно, что она должна была быть отмѣченной. Поэтъ соединяетъ впечатлѣніе отъ голубей съ впечатлѣніемъ отъ турецкихъ военныхъ, которыхъ зовутъ иногда ,энвербеями‘. Получающееся созвучіе даетъ возможность образоватъ футуристическій сполбикъ: ,энвербей не бей голубей‘. Такимъ образомъ строфа начинается и кончается буквою Й. Строфа, какъ бы построена на эпосѣ Й, п. е. на томъ впечатлѣніи, о которомъ говорилось выше.

Нѣсколько ниже, въ томъ именно многоугольникѣ, текстъ котораго начинается съ Й Ю, записаны впечатлѣнія отъ мечетей и освѣщенія неба. Шпицы мечетей врисовывались на какомъ-

по удивительномъ для поэта фонѣ неба. Шпицы напомнили клювы цапель, а чпобы лучше зафиксировать впечатлѣніе свѣта, поэтъ воспользовался пурецкими словами, обозначающими, будто бы, различную напряженность свѣта: ‚си, сінъ, ией‘. Вспоминая о мечепяхъ, поэтъ не могъ избѣгнуть ассоціаціи съ ‚Св. Софіей‘, поэтому воспоминаніе о ней выдѣлено въ сторону, чѣмъ показано, что это впечатлѣніе особенное. ‚Ай Софіи‘ — мѣстное названіе.

Большой чепыреугольникъ внизу со² словами, напечатанными курсивомъ, содержитъ въ себѣ нѣчто вродѣ перевода пѣсни, слышанной поэтомъ въ заливѣ. Онъ не понималъ ея словъ, но полагалъ, что пурецкіе сочинители не могли говорить въ пѣсни ни о чемъ другомъ, какъ о женщинахъ подъ покрывалами (‚чи лики‘), о чайкахъ и т. п.

167 Фигура съ французскою буквою нѣсколько сложнѣе всего прочаго, она объясняется такъ. Поэтъ встрѣчалъ на улицахъ множество муллъ, и всѣ они казались ему на одно и то же лицо, такъ что иногда приходило въ голову, что не одинъ ли поэтъ же мулла ищетъ встрѣчи. Поэтъ — суевѣренъ. Профессія, приведшая его въ Конспанпинополь, опасна для жизни. Бываютъ такія занятія (служба на подводной лодкѣ, бактеріологія, авіація и т. п.), въ которыхъ неопредѣленность, новизна дѣла, сложность условій, охраняющихъ безопасность, словомъ, неизвестность спрашиваетъ работниковъ культуры. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, нѣкоторые начинаютъ видѣть всюду примѣты, или благопріятныя исходу начинаемой работы или неблагопріятныя. Такимъ зловѣщимъ предостереженіемъ со стороны судьбы, неизвестности, казалась поэту встрѣча съ муллами. И вопль, свое воспоминаніе отъ пережитаго страха неизвестности поэтъ обозначилъ буквою N. Книзу — ‚кораллы‘ буквами и почками: это — талисманъ поэта, вѣрящаго въ такія средства и борящагося ими съ судьбою.

Приблизительно въ такомъ же родѣ объясняются и остальные фигуры. Напримѣръ: знакъ вопроса посрединѣ. Это вообще во-

прось, возбуждаемый чужою спраною, въ частности же онъ относился къ словамъ ,чаллія, хаппія, беддія'. Поэтъ интересовался,—что онѣ значатъ, и узналъ, что это—Германія (немія), Англія (аннія) и п. п. Цифры въ низу—условія игры въ кости: это вьигрывающія цифры, счастливыя. Счастья хочеть и поэтъ, поэтому онъ пишетъ ,и я'.

Ноль съ крестикомъ—запись температуры, которая, будто бы, очень спранна въ Константинополѣ: когда поэтъ пріѣхалъ, днемъ было 37 градусовъ, вечеромъ же и упромъ—ноль.

Насколько могъ, я старался точно передать слова поэта, и если записанное мною не совпадаетъ съ его дѣйствительными намѣреніями, то въ этомъ я винюсь и прошу прощенья. Мнѣ кажется, что и читателю выгоднѣе не разсмапривать приведенное мною ,объясненіе', какъ точное, а лишь какъ приблизительное, дающее намекъ на сущность пѣхъ вопросовъ, которые занимали творческую лабораторію футуриста. Эта сущность заключается, главнымъ образомъ, въ спремленіи передать впечатлѣнія, переживанія, словомъ передать читателю то, что поэтъ хочеть передать, и что, на мой взглядъ передать нельзя. Футуристъ вѣритъ въ то же самое, во что вѣрятъ противники футуризма и всѣ поэты, большіе и маленькіе: онъ вѣритъ въ возможность отраженія и выраженія жизни посредствомъ искусства. Но въ это мы всѣ вѣримъ. Поэтому—то мы всѣ и отвѣтственны за футуризмъ.

Когда футуристъ пишетъ свой ноль съ крестикомъ, то онъ поступаетъ точно такъ же, какъ Пушкинъ, Фетъ или кто либо другой:

„Зима. Крестьянинъ торжествуетъ“.

„Шепотъ. Робкое дыханіе“.

„Весна. Выставляетея первая рама“.

Обыкновенно бывають убѣждены, что существительныя, вродѣ эпихъ ,зима', ,весна', ,шепотъ',—обозначають цѣлыя картины. Но, съ точки зрѣнія здраваго смысла, эти существительныя, будучи поставленными такъ, какъ онѣ поставлены въ приве-

деннихъ примѣрахъ, не перестаютъ бытъ простыми существительными: когда мы встрѣчаемъ такія существительныя въ словарѣ, то онѣ не вызываютъ у насъ картинъ. Нѣтъ причинъ, чтобы дѣйствіе слова измѣнилось, разъ только оно будетъ напечатано отдѣльно отъ другихъ, но въ спрокъ съ ними. И если, тѣмъ не менѣе, мы признаемъ возможнымъ дѣйствіе существительнаго ‚зима‘ въ смыслѣ возбужденія у насъ картинъ и наспроеній, то логика пребуетъ признанія такой же возможности за футуристическимъ знакомъ, обозначающимъ температуру *. Оприцаніе этого будетъ противорѣчіемъ самому себѣ и ученію господствующей эстетики.

169 Если скажемъ, что ‚зима‘ вызываетъ картины въ связи съ общимъ содержаніемъ стихотворенія, т. е. стало бытъ, не сразу, какъ только прочтуть это слово, а потомъ, когда будутъ перечитывать произведеніе, — если скажемъ такъ, то футуристъ возразитъ, что при ‚перечитываніи‘ его знакъ будетъ еще больше говорить, будетъ еще больше вызывать наспроеній. И съ этимъ нужно согласиться, узнавъ ‚объясненіе‘.

Противникъ футуризма можетъ узнать, что ‚еще больше‘ получается отъ того, что читателю расскажутъ значеніе знака, вопросительнаго знака и буквы И, но самъ читатель никогда не можетъ додуматься, что это все обозначаетъ. У Пушкина же содержаніе стихотворенія само укажетъ смыслъ ‚зима‘.

Возражающій такъ упускаетъ изъ виду, что ‚зима‘ онъ знаетъ ‚раньше‘. Тѣмъ же, кто зимы не знаетъ, содержаніе, все равно, не поможетъ. Кроме того: Пушкина мы читаемъ съ комментаріями; существуютъ геніальныя поэмы, красота произведеній которыхъ не можетъ постигаться нами иначе, какъ только съ комментаріями (Данте). Наше знаніе многого ‚раньше‘ и есть тѣ же комментаріи, только не напечатанныя.

Было бы ошибочно думать, что ‚знаніе раньше‘ есть знаніе

* Причина возбужденія переживаній — не въ ‚зима‘, а въ нашей волѣ.

природы. Это, главнымъ образомъ, знаніе условностей искусства. Вотъ примѣры, иллюстрирующие это утвержденіе. Когда появился ‚Ревизоръ‘, по въ этомъ произведеніи сначала увидали ‚фарсу‘, и ‚натуральная школа‘ должна была объяснить смѣсль своихъ пріемовъ, чтобы ‚фарса‘ обратилась въ ‚картину общественной жизни‘. При появленіи импрессионистовъ думали, что эти люди дурачатся: никто не вѣрилъ, чтобы мазки, почки и яркія краски могли передавать реальное, всѣмъ хорошо такъ знакомое. Импрессионизмъ въ теченіи десятиковъ лѣтъ объяснял свои пріемы, и теперь уже смѣшно сомнѣваться въ томъ, чтобы мазки и почки могли передавать природу. То же самое было и съ ‚символизмомъ‘. Теперь каждый ‚порядочный‘ эстетъ долженъ вѣрить въ ‚символизмъ‘. Что касается до первыхъ двухъ случаевъ, то совершенно невѣроятно убѣждаетъ 170 себя въ томъ, что до Гоголя и импрессионистовъ общество не видѣло жизни и не знало природы. Логичнѣе сказать, что не понимали пріемовъ новаго искусства, не знали еще условностей новой школы.

Всѣмъ этимъ я вовсе не хочу доказать, что въ условностяхъ футуризма есть то, что приписывается имъ. Условности въ искусствѣ футуристовъ и всякихъ другихъ школъ—временны: онѣ нужны лишь во время творчества. Если же не принимаютъ этого во вниманіе и искусство разсматриваютъ со стороны содержанія, т. е. такъ, какъ принято, то нельзя отрицать футуризма и ‚желѣзо-бетонной поэмы‘: условности школы требуютъ времени для того, чтобы эстетъ воспринялъ ихъ и началъ оперировать съ ними. Съ точки зрѣнія логики, признающей ученіе господствующей эстетики, футуризмъ—совершеннѣйшее выраженіе господствующихъ эстетическихъ вѣрованій. Но въ то время, когда люди большинства вѣрятъ въ эстетику съ опаской, такъ, между прочимъ, — футуристы вѣрятъ ‚до конца‘. Люди большинства — скептики въ искусствѣ, футуристы — истинно-вѣрующіе.

АРТУРЪ РЭМБО. (ARTHUR RIMBAUD). ✓
ИЗЪ КНИГИ ,ОЗАРЕНІЯ' (ILLUMINATIONS).

Переводъ Федора Сологуба.

Какъ только воспоминаніе о попопѣ сгладилось.

Заяцъ остановился среди пѣтушвихъ головокъ и колыхающихся колокольчиковъ, и сквозь паушину молился радугѣ.

О! драгоцѣнные камни, которые скрывались, — цвѣты, которые ужъ смотрѣли!

173 На большой, грязной улицѣ воздвиглись мясныя лавки, и барки были направлены къ многоярусному морю, какъ на гравюрѣ.

Кровь пекла, у Синеи Бороды, въ бойняхъ, въ цѣркахъ, гдѣ печать Бога дѣлала окна блѣдными. Кровь и молоко пекли.

Бобры спроили. , Мазагрань' дымился въ кофейняхъ.

Въ большемъ домѣ со спруящимися еще спеклами дѣти въ праурѣ разсмапривали чудесныя карпинки.

Дверь хлопнула; и на площади, въ деревушкѣ, ребенокъ поднялъ свои руки, и понялъ флюгера и пѣпуховъ на всѣхъ колокольняхъ, подъ славнымъ ливнемъ.

Госпожа *** завела рояль въ Альпахъ. Служилась месса и конфирмаціи на ста тысячъ соборныхъ алтарей.

Караваны пронулись. И великолѣпная гостинница была построена въ хаосѣ льдовъ и полярныхъ ночей.

Тогда Луна услышала какъ воютъ шакалы въ пустыняхъ пмина, — и какъ паспорали въ сабо воркочупъ во фруктовомъ саду. Потомъ въ фіалковой чащѣ, наливающей почки, Евхарисъ мнѣ сказала, что это весна.

Глухіе, прудъ; — пѣна, капись по мосту, пройди надъ лѣсами; — черныя завѣсы и прубы, молнія и громъ, поднимитесь и капитесь; — воды и печали, поднимитесь и возстановите попопы.

Ибо съ тѣхъ поръ, какъ они развѣялись, — о скрывающейся драгоценные камни и распустившіеся цвѣты! + это скука и Королева, Волшебница, разжигающая свой уголь въ земляномъ горшкѣ, не захочетъ никогда сказать намъ, что она знаетъ, и чего мы не вѣдаемъ.

Очаровательный сынъ Пана! Около твоего чела, увѣнчанаго цвѣточками и ягодами, движутся твои глаза, драгоценные шары. Запятнанные коричневыми дрожжами, твои щеки похудѣли. Твои клыки блестятъ. Твоя грудь похожа на ципру, звонки вращаются въ твоихъ свѣплыхъ рукахъ. Твое сердце бѣетъ въ этомъ чревѣ, гдѣ почиваетъ двойственность пола. Прогуливайся по ночамъ, двигая тихонько это бедро, это вѣпорое бедро, и эту лѣвую ногу.

Въ одно прекрасное утро, у народа очень кропкаго, великолѣпные мужчина и женщина кричали на площади: „Друзья, я хочу, чтобы она была королевою“. „Я хочу быть королевою!“ Она смѣялась и препетала. Онъ говорилъ друзьямъ объ откровеніи, о законченномъ испытаніи. Изнемогая, спояли они другъ пропивъ друга. 176

Въ самомъ дѣлѣ, они были королями цѣлое утро, когда алія окраски опять поднялись на домахъ, и весь день, пока онѣ подвигались въ сторону пальмовыхъ садовъ.

I.

Этотъ кумиръ, черные глаза и желтая грива, безродный и бездомный, болѣе высокій, чѣмъ мнѣ, мексиканскій и фламандскій; его владѣнія, дерзкія лазурь и зелень, бѣгутъ по морскимъ берегамъ, по волнамъ безъ кораблей, у которыхъ свирѣпѣя греческія, славянскія, кельпическія имена.

177

На опушкѣ лѣса, — цвѣты мечтаній звенятъ, блестятъ, озаряютъ, — дѣвушка съ оранжевыми губами, скрестившая ноги въ свѣтломъ попопѣ, которій бѣетъ ключемъ изъ луговъ, въ обнаженности затѣненной, перевитой, одѣянной радугами, зеленью, моремъ.

Дамы, кружащіяся на террасахъ около моря, — дѣпи и великанши, великолѣпныя, черныя въ сѣрвоато-зеленомъ мху, — драгоцѣнности, стоящія на жирной почвѣ цвѣтниковъ и освобожденныхъ отъ снѣга садиновъ, — молодія матери и старшія сестры съ очами паломницъ, султанши, принцессы походкою и торжественнымъ одѣяніемъ, маленькія иностранки и особы слегка несчастныя.

Какая скука, часъ , милого шѣла ‘ и , милого сердца! ‘

II.

Это она, маленькая покойница, за кустомъ розъ. — Молодая почившая мама спускается съ крыльца. Карета двоюроднаго брата скрипитъ на пескѣ. — Маленькій братъ — (онъ въ Индіи!), тамъ передъ закатомъ на лугу гвоздикъ, — спарики, которые похоронены просто подъ насыпью съ левкоями.

Рой золотыхъ листевъ окружаетъ домъ генерала. Они на югѣ. —
Чтобы добрасться до пустой госпинницы, проходятъ по красной
дорогѣ. Замокъ продается; спавни сняты. Священникъ унесъ
ключъ отъ церкви. Вокругъ парка избушки спорожей пусты.
Частоколы такъ высоки, что видны только шумящія вершины.
Впрочемъ, тамъ нечего смотрѣть.

Луга восходятъ до деревушекъ безъ пѣтуховъ, безъ наковалень.
Шлюзы подняты. О, распятія и мельницы пустынь, острова и
жернова!

Волшебные цвѣты гудѣли. Склоны вала ихъ убаюкивали. Живо-
пня сказочно-изящныя кружились. Облака собирались въ откры-
томъ морѣ, созданномъ вѣчноствью горячихъ слезъ.

III.

178

Въ лѣсу есть птица, — ея пѣсня останавливаетъ васъ и заста-
вляетъ краснѣть.

Есть часы, которые не бѣгутъ.

Есть яма съ гнѣздомъ бѣлыхъ звѣрковъ.

Есть соборъ, который опускается, и озеро, которое поды-
мается.

Есть маленькая повозка, которая оставлена въ наростникѣ,
или мчится внизъ по пропикѣ, вся въ ленпахъ.

Есть труппа маленькихъ актеровъ въ костюмахъ; ихъ можно
увидѣть сквозь опушку лѣса на дорогѣ.

И, наконецъ, когда вы голодны и хотите пить, есть кто-
нибудь, кто васъ прогонитъ.

IV.

Я — святой за молитвою на террасѣ, — какъ смиренныя звѣри па-
сутся до Палестинскаго моря.

Я — ученый в темном кресле. Ветки и дождь мечутся в окно библиотеки.

Я — пешеход большой дороги сквозь низкорослый лес; ропот шлязов заглушает мои шаги. Я долго смотрю на грустное смывание золотого заката.

Я мог бы быть ребенком, покинутым на молу, уходящем далеко в море, — маленьким слугою, идущим по аллею, чело которой касается неба.

Тропинки суровы. Холмы покрываются дроком. Воздух недвижим. Как птицы и ключи далеки! Если и дальше так же, то это может быть только концом света.

179 V.

Пускай, наконец, хвалят этот склеп, выбеленный известью, с цементными линиями рельефа, — очень глубокий.

Я опираюсь на стол, лампа очень ярко освещает эти газеты, которые я, идя, перечитываю, и эти неинтересные книги. На огромном расстоянии над моей подземной гостиною дома вырастают, туманы собираются. Грязь, черная и красная. Безмолвный город, ночь без конца.

Не так высоко находятся сточные трубы. По бокам только толща земного шара. Может быть бездны лазури, колодцы огня? Может быть на их поверхностях всплывают луны и кометы, моря и миры.

В горькие часы я воображаю шары сафиров, металлов. Я — властелин молчания. Зачем просвету окошечка поблещит в углу свода?

I.

О, безмѣрныя дороги святой страны, террасы Храма! Что сдѣлали съ браминомъ, который объяснилъ мнѣ Пословицы? Съ тѣхъ поръ оппуда даже и старья видны мнѣ! Я вспоминаю серебряные и солнечные часы около рѣкъ, руку моей спутницы на моемъ плечѣ, и наши ласки, когда мы стояли на долинахъ освобожденія. — Спая багряныхъ голубей шумипъ вокругъ моихъ думъ. — Здѣсь у меня, изгнанника, былъ театръ, гдѣ игрались всѣ великія драмы всѣхъ императоровъ. Я вамъ укажу небывалыя богатства. Я наблюдаю за исторіею найденныхъ вами сокровищъ. Я вижу послѣдствія! Моя мудрость такъ же пренебрежена, какъ и хаосъ. Что мое ничтожество рядомъ съ оцѣпенѣніемъ, которое ожидаетъ васъ!

180

II.

Я — изобрѣтатель гораздо болѣе почтенный, чѣмъ всѣ тѣ, которые мнѣ предшествовали, чѣмъ даже музыкантъ, нашедшій что-то въ родѣ ключа любви. Теперь, мелкопомѣстный дворянинъ подъ скромнымъ небомъ, я спараюсь распротать себя, вспоминая о нищенскомъ дѣствѣ, о годахъ, проведенныхъ въ ученіи, о томъ, какъ я пришелъ въ деревянныхъ башмакахъ, о полемикахъ, о пяпи или шеспи вдовствахъ, о нѣсколькихъ свадьбахъ, на которыхъ моя крѣпкая голова помѣшала мнѣ подняться до діапазона поварищей. Я не сожалею о моей прежней части божественныхъ веселій: презвѣй воздухъ эпои

бѣдной деревни очень дѣятельно пипаетъ мой жесткій скепцизмъ. Но, такъ какъ эпопѣ скепцизмъ не можетъ опивнѣть войти въ мое пвореніе, и такъ какъ, кромѣ того, я преданъ новому волненію, — я жду, чтобы сдѣлаться очень злымъ безумцемъ.

III.

181 На чердакѣ, куда меня заперли въ двѣнадцатѣ лѣтъ, я узналъ міръ, я расцвѣтилъ человѣческую комедію. Въ подвалѣ я усвоилъ исшорію. На одномъ изъ ночныхъ праздниковъ въ сѣверномъ городѣ я встрѣпилъ всѣхъ женщинъ старинныхъ живописцевъ. Въ одномъ старомъ переулкѣ Парижа меня обучили классическимъ наукамъ. Въ роскошномъ жилищѣ, окруженномъ всѣмъ Востокомъ, я кончилъ мое безмѣрное пвореніе, и вышелъ изъ моего славнаго уединенія. Я замѣсилъ мою кровъ. Мой долгъ снова въ моихъ рукахъ. Не нужно даже думать объ эпопѣ. Я въ самомъ дѣлѣ — по ту сторону могилы, и ничѣмъ не заняпъ.

Серебряныя и мѣдныя колесницы,
Спальныя и серебряныя носы кораблей.
Бьютъ пѣну,

Подымаютъ слои перновѣхъ кустовъ.

Текучести ландъ

И огромныя колеи оплива

Тянутся кругообразно къ востоку,

Къ столпамъ лѣса,

Къ срединѣ насыпи,

Уголь копорой избитъ водоворотомъ свѣта.

Водопадъ звенитъ за избушками комической оперы. Жирандоли
пьянупся во фруктовыхъ садахъ и въ аллеяхъ, сосѣднихъ съ
рѣчными излучинами,—зеленъ и румянецъ заката. Нимфы Гора-
ція, причесанныя по модѣ первой Имперіи.—Сибирскіе хороводы,
кипяянки Буше.

183 Всю чудовищность превосходяпъ жестокіе жесты Горпензіи. Ея одиночество—эропическая механика; ея изнеможеніе—любовная динамика. Подъ остороженностью дѣйства она была въ многочисленныя эпохи, ревностная гигиена расы. Ея дверь опкрыта бѣдности. Тамъ мораль современныхъ существъ разлагается въ свою спрассу и въ свое дѣйствіе.

— О, ужасная дрожь любви, неопытной на кровавой почвѣ и черезъ прозрачность водорода!—найдите Горпензію.

Дѣйствительность была слишкомъ колючая для моего большого характера, — но все же я очутился у моей дамы, огромною сѣро-голубою птицею распластавшись по направлению карниза и паща крыло въ тѣняхъ вечера. 184

Я былъ у подножія балдахина, поддерживающаго ея обожаемая драгоценности и ея тѣлесныя совершенства, большой медвѣдь съ фіолетовыми деснами и съ шерстью, посѣдѣвшею отъ горя, съ глазами подъ кристаллы и серебро консолей.

Все было тѣнь и рданный акваріумъ. Подъ упрю, — іонвская воинственная заря, — я побѣжалъ на поля, осель, размахивая и трубя о моихъ убійкахъ до тѣхъ поръ, пока Сабиняне предметья не бросились къ моимъ воропамъ.

Когда міръ преобразится въ одинъ полъко чернѣй лѣсъ для нашихъ четырехъ удивленнѣхъ очей, — въ одно взморье для двухъ вѣрнѣхъ дѣтей, въ одинъ музыкальнѣй домъ для нашей ясной симпатіи, — я васъ найду.

Пусть здѣсь внизу естъ полъко одинъ спарець, спокойнѣй и прекраснѣй, окруженнѣй небывалою роскошью, вопъ я у вашихъ ногъ.

Если я исполнила всѣ ваши воспоминанія, — если я та, которая умѣетъ скрутитъ васъ, — я васъ задушу.

Когда мы очень сильны, — кто отступаетъ? очень веселы, — кто осмѣяетъ? Когда мы очень злы, — что сдѣлаютъ съ нами? Наряжайтесь, танцуйте, смѣйтесь. Я никогда не смогу оправитъ Амура за окно.

Подруга, нищая, уродливое дитя! какъ это тебѣ все равно, эти несчастныя, и эти работницы и мои запрудненія! Свяжи себя съ нами своимъ невозможнымъ голосомъ, своимъ голосомъ! единственнѣе въ этомъ подломъ опчаяніи.

Пасмурное утро въ іюлѣ. Вкусъ пепла лепаетъ по воздуху; — запахъ сѣрѣющаго дерева въ очагѣ, — вымоченные цвѣты, — безпорядокъ гулянія, — изморозь каналовъ по полямъ, — зачѣмъ уже не игрушки и не ладанъ?

Я натянула веревки отъ колокольни до колокольни; гирлянды отъ окна до окна; золотыя цѣпи отъ звѣзды до звѣзды и я танцую.

Верхній прудъ дымится поспоянно. Какая вѣдѣма поднимется на бѣломъ западѣ? Какая фіолетовая листва опустится? Въ то время, какъ общеспвенныя денѣги утекаютъ на брапскія праздники, колоколь розоваго огня звонитъ въ облакахъ.

Оживляя пріятный вкусъ кипайской пуши, черная пудра тихонько падаетъ на мое бдѣніе. Я гашу огни въ люстрѣ, я бросаюсь на постель, и, повернувшись въ сторону пѣни, я васъ вижу, мои дочери! мои королевы!

Государя упомило упражняться постоянно въ совершенствованіи пошлѣхъ великодушій. Онъ предвидѣлъ удивительныя революціи любви, и подозрѣвалъ, что его жены способны на лучшее, чѣмъ это снисхожденіе, пріятное небу и роскоши. Онъ хотѣлъ узнать истину, часть существенныхъ желаній и удовольствованія. Было это или не было заблужденіемъ благочестія, онъ хотѣлъ. По крайней мѣрѣ, онъ обладалъ достапно обширнѣмъ земнѣмъ могуществомъ.

Всѣ женщины, которыя знали его, были убиты: какое опустошеніе сада красоты! Подъ ударами сабли они его благословили. Онъ не пребоавъ новыхъ. — Женщины появились вновь.

Онъ убивалъ всѣхъ, которыя шли за нимъ послѣ охоты или возліянія. — Всѣ шли за нимъ.

Онъ забавлялся душеніемъ звѣрей роскоши. Онъ поджигалъ дворцы. Онъ кидался на людей, и рубилъ ихъ на части. — Толпа, золотыя кровли, прекрасныя звѣри, все еще существовали.

Развѣ можно находить источникъ восторга въ разрушеніи и молодѣть свирѣпостью! Народъ не ропталъ. Никто не оказывалъ содѣйствія его намѣреніямъ.

Разъ вечеромъ онъ гордо ѣхалъ верхомъ. Геній появился, красоты неизреченной, даже неприемлемой. Его лицо и его движенія казались обѣщаніемъ множественной и сложной любви! невыносимаго даже счастья! Государь и Геній вѣроятно уничтожились въ существенномъ здоровьи. Какъ могли они не умереть? Ипакъ, умерли они вмѣстѣ.

Но Государь скончался въ своемъ чертогѣ, въ обыкновенномъ возрастѣ. Государь былъ Геній. Геній былъ Государь. — Ученой музыки недостаетъ нашему желанію.

Жалкій братъ! Что за ужасныя бѣдныя ты перенесъ ради меня! Я не былъ ревностно поглощенъ этимъ предпріятіемъ. Я на смѣхался надъ его слабостью. По моей винѣ мы вернулись въ изгнаніе, въ рабство. Онъ предполагалъ во мнѣ несчастіе и невинность, очень странныя, и прибавлялъ безпокойные доводы. Я, зубоскаля, отвѣчалъ этому саманическому доктору, и кончалъ шѣмъ, что достигалъ окна. Я творилъ по ту сторону полей, пересѣченныѣхъ повязками рѣдкой музыки, фантомы будущей ночной роскоши.

188

Послѣ этого развлеченія, неопредѣленно-гигіеническаго, я распягивался на соломѣ. И почти каждую ночь, едва полѣкно заснувъ, бѣднѣй братъ вспавалъ, съ гнилымъ рпомъ, съ вырванными глазами,—такой, какимъ онъ видѣлъ себя во снѣ!—и тащилъ меня въ залу, воя о своемъ снѣ идиотскаго горя.

Я, въ самомъ дѣлѣ, въ совершенной искренности ума, взялъ обязательство возвратитъ его къ его первоначальному состоянію сына Солнца,—и мы блуждали, пипаясь палермскимъ виномъ и дорожными бискупками, и я спѣшилъ найти мѣсто и формулу.

Въ какой-нибудь вечеръ, напримѣръ, когда найдется наивный туристъ, удалившійся отъ нашихъ экономическихъ ужасовъ, рука художника оживляетъ клавесинъ луговъ: играютъ въ карпы въ глубинѣ пруда, зеркала, вызывающаго королевъ и миньонъ; есть святыя, покрывала, и нипи гармоніи, и легендарныя хроматизмы, на закапѣ.

Онъ вздрагиваетъ при проходѣ охотъ и ордъ. Комедія услаждаетъ на подмопкахъ газона. И смущеніе бѣдныхъ и слабыхъ на эпихъ безсмысленныхъ плоскостяхъ!

Въ своемъ рабскомъ видѣніи Германія спроипъ лѣса къ лунамъ; тапарскія пустыни освѣщаются; спаринныя возмущенія шевелятся въ центрѣ Небесной Имперіи; за каменными лѣспницами и креслами, маленькій міръ блѣдный и плоскій, Африка и Западъ, будетъ воздвигаться. Запѣмъ балетъ извѣстныхъ морей и ночей, химія безъ цѣнности, и невозможныя мелодіи.

То же буржуазное чародѣйство на всѣхъ почкахъ, куда насъ ни приведетъ дорога! Самыи элементарный физикъ чувствуетъ, что невозможно покориться эпои личной атмосферы, туману физическихъ угрызений совѣсти, утверждение которой ужъ есть скорбь.

Нѣтъ! моментъ бань, поднятыхъ морей, подземныхъ объятий, унесенной планеты, и основательныхъ испреблений, — увѣренности, такъ незлобно указанная Библией и Нормами, — онъ будетъ данъ серьезному существу для наблюденія.

Однако это не будетъ дѣйствіе легенды!

„Флагъ идесть нечисному виду, и наше нарѣчіе заглушаесть барабанъ.

„Въ центрахъ мы будемъ пипать самыя циничныя безпутства. 190
Мы будемъ умерщвлять логическія возспанія.

„Въ спранахъ освобожденныхъ и распущенныхъ!—на службѣ
самыхъ безмѣрныхъ промышленныхъ и военныхъ эксплуатаціи.

„До свиданья здѣсь, все равно гдѣ. Рекрупты добраго спремленія,
мы будемъ имѣть жестокою философію; невѣжды [науки,
колесованные для комфорта; смерть для міра, которъй идесть.
Это настоящее шествіе. Впередъ, дорогу!“

АЛЕКСАНДРЪ БЕЛЕНСОНЪ.

Любитель перца и сирени,
Любезный даже съ эфиопками,
Повѣрилъ: при угла — прозрѣнне
И марсіанъ конпузипъ пробками.

Онъ въ прели наряжаетъ стрѣлы
И въ мантіи — смѣшныя маніи,
— Сократъ иль юнга загорѣлый
Изъ неоткрытой Океаніи?

И, памятуя, что гонимый
Легко минуетъ преисподнюю,
— Плакатно-типульное имя
Черпипъ, задора преисполненный.

Когда жъ, уединившись съ Богомъ,
Искусству геніевъ не свапаетъ,
Онъ проситъ вкрадчиво и строго
Извѣстности, а также святости.

Посв. Ф. А. Б.

Оставивъ скучный Пепроградъ,
Бѣгу,—конечно не въ Антверпенъ,
Вѣдь я не жду иныхъ наградъ,
Когда не скажетъ милый взглядъ:
,Источникъ нѣжности исчерпанъ'.

193

Пусть я — чужой колоколамъ,
— Кузнецкому ненуженъ мосту,
Но можетъ быть я нуженъ вамъ,
Но сердце рвется пополамъ
Такъ убѣдительно и просто!

Въ купэ томясь не часъ, не два,
Усну пустой и поспоронній,
Какъ вдругъ услышу я: ,Москва',
И расперяю всѣ слова,
Лишь васъ увижу на перронѣ.

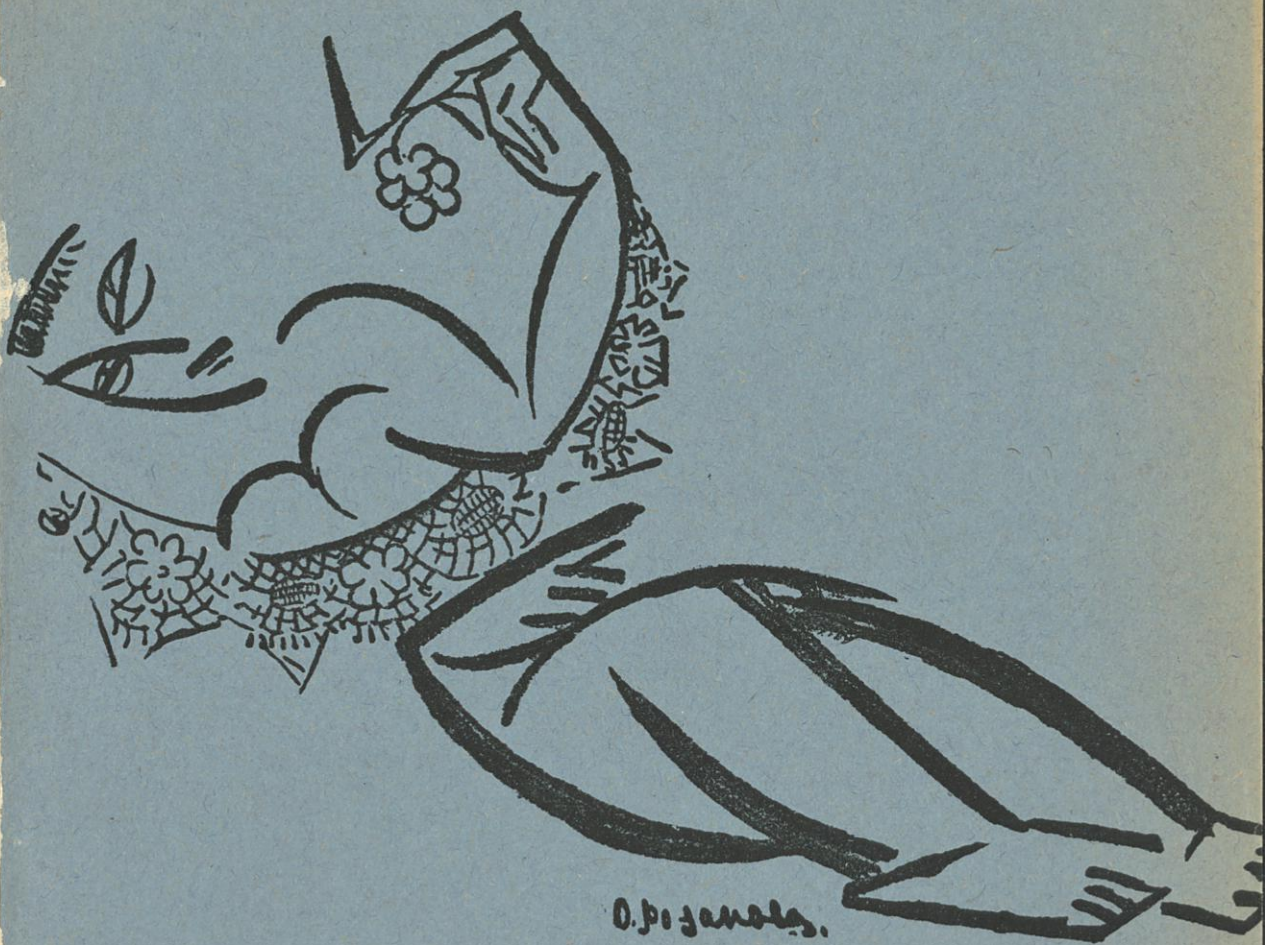
ГОЛУБЬЯ ПАНТАЛОНЫ.

О, голубья панталонь
Со сполькими оборками!
Уста кокошки удивленной,
Казавшіяся горькими!

194

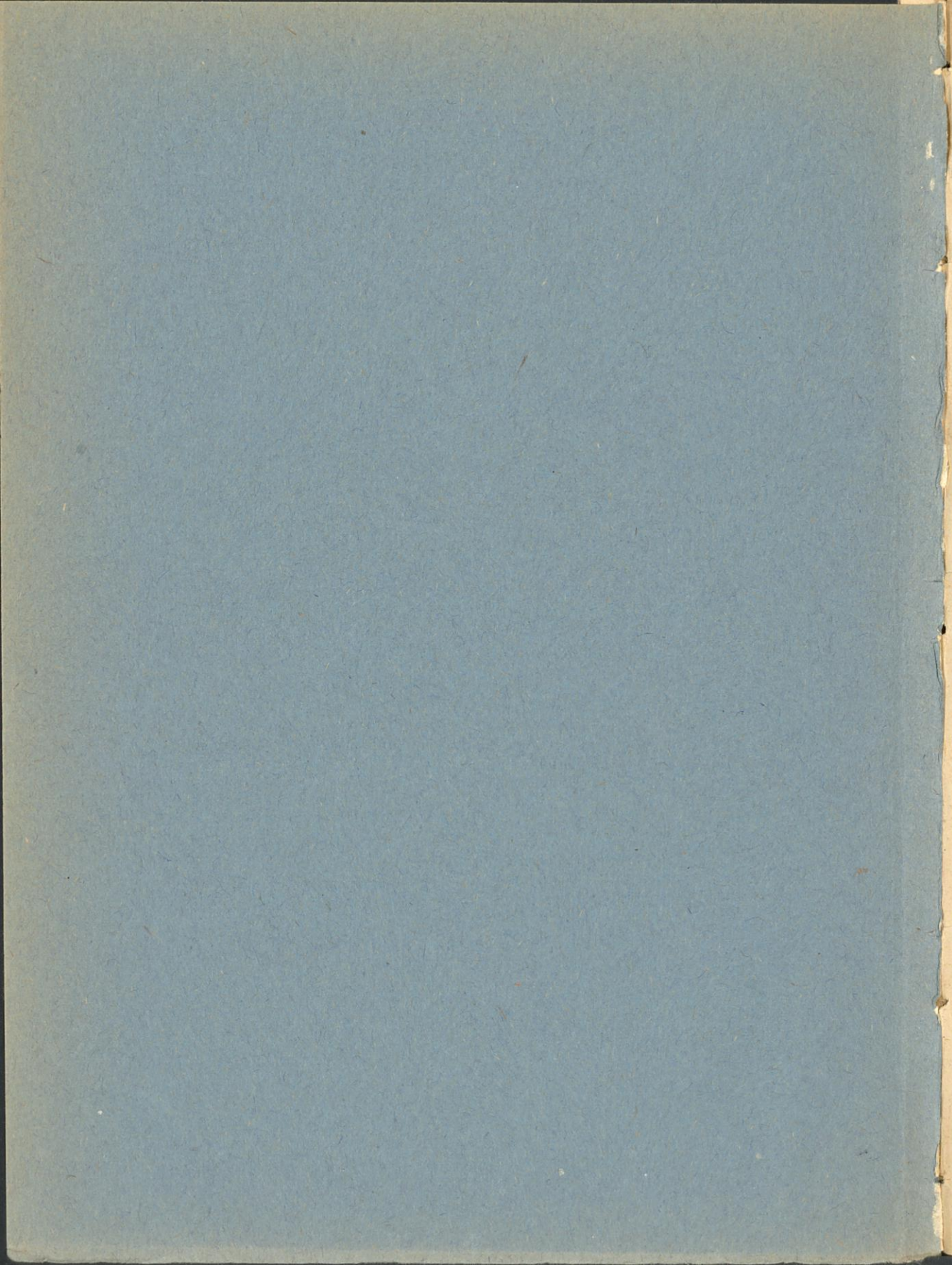
Вонзилась роза, нѣжно жаля
Уступчивостѣ уступчивой,
И кружева не помѣшали
Наспойчивости влюбчивой.

Дразнили голымъ, голубѣя,
Неслишь, играя, къ раю мы...
Небесъ небывшихъ Ніобея,
Вы мной воспоминаемы.

О. Розанова.

Голубія панталоні.

Н. КУЛЬБИНЪ.

КУБИЗМЪ.

Плохо живетъ человѣку, и не правъ-ли онъ, когда ожидаетъ отъ искусства развлеченія и утѣшенія. Между пѣмъ, въ печеніе всего пребыванія человѣчества на землѣ зритель (онъ же читатель и слушатель) никогда не считалъ себя сполнѣ жестоко оскорбленнымъ художниками, какъ въ настоящее время.

197 Давно ли обижались на декадентовъ и символистовъ и прятали отъ дѣтей 'бездны' и 'ямы'. Не чаяли, что доживутъ до Бурлюковъ, Крученыхъ и желѣзо-бетонныхъ поэмъ.

А впереди еще 'слово, какъ таковое', ритмы, диссонансы, и контрапунктъ понятій, и чертъ въ ступѣ. Для такой 'словесности' нуженъ не крипикъ, а околочный надзиратель. Негодованіе читателя на литературу безмѣрно. Утѣшаетъ ли его хоть нѣжное искусство музыки? Куда путь. Совсѣмъ недавно волновались изъ-за Мусоргскаго, за пѣмъ не знали, что дѣлать съ его учениками Равелемъ и Дебюсси, жаловались на Скрябина, Стравинскаго. А теперь дошло дѣло до Анаполія Дроздова, пишущаго пьесы цѣликомъ изъ диссонансовъ. Недостало только Арнольда Шенберга: прямо какой-то бурлюкъ изъ музыки. Этого и сами новаторы чураются. Нѣтъ края бѣдѣ. Видѣли мы даже, какъ Шенбергъ, будучи въ Петроградѣ, спалъ косившись на рояль, когда Евреиновъ (тоже золото) заигралъ свои секунды-полки. Видите ли, это 'кошка по клавишамъ ходитъ'. 'Und warum es notwendig ist, diese Sekunden?' спросилъ насъ Шенбергъ. Конецъ ли испытаніямъ? Нѣтъ, въ Россіи объявляется музыка четвертей поновъ и 'свободная музыка' внѣ нотнаго стана.

Тутъ уже призадумались и самыя озорныя композиторы. Но вопъ идею взяли Russolo и Ugo Piatti (живописцы!), поспроили 18 шумихъ (des bruiteurs) и задали такіе концерты въ Миланѣ, послѣ которыхъ произошли настоящія сраженія между слушателями и музыкантами.

Тогда спохватились и соотечественники. Артуръ Лурбе удивилъ до воспорага даже Marinetti. Плохо съ музыкой, возмутительнень ,театръ, какъ таковой', но хуже всего обстоипъ дѣло съ живописью.

Еще какихъ-нибудь пяць лѣтъ тому назадъ ,маспитый художникъ' М. П. К-дпъ говорилъ мнѣ: ,Не знаю, что сдѣлалось съ Коспей Сомовымъ. Былъ хорошій мальчикъ, подавалъ большія надежды, а теперь пишеть Богъ знаетъ что'. Между тѣмъ, въ это время Сомовъ уже считался успарѣлымъ художникомъ среди новыхъ кружковъ живописцевъ. Голубая роза смѣнилась московскимъ Вѣнкомъ — ,Стефанось' и пепербургскимъ Вѣнкомъ.

,Треугольникъ' провель въ Россію неоимпрессионизмъ и собственныя измышленія, которыя впослѣдствіи легли въ основу футуризма. Появились промипивизмъ, пуризмъ, кубизмъ (рондизмъ, пюбизмъ), фупуризмъ, экспрессионизмъ, симюльпанизмъ, Оппорпѣлый зритель уже согласенъ на очень многое. Однако то что происходитъ, — превѣше всякаго перпѣнія.

Какъ бытъ? Что дѣлать бѣдному зрителю? Можетъ бытъ въ самомъ дѣлѣ пора взяться за электрическія лампочки, графиня, пюпитры и стулья, и воспользоваться этимъ оружіемъ для защиты собственныхъ мнѣній, какъ это уже сдѣлалось въ Москвѣ на публичныхъ диспутахъ?

Думаю, что естъ еще нѣкоторая возможность взаимнаго пониманія помимо и кромѣ стульевъ и графиновъ. Испробуемъ еще и еще силу слова и мышленія?

199 Для опредѣленія кубизма, обратимся къ апостоламъ этого ученія, Gleizes'у и Metzinger. Оба — подлинныя кубисты, pur sang. Оба — способные художники и пользуются доброй славой въ союзной намъ Франціи. Тамъ, гдѣ кубизмъ спалъ спраспной ересью. Они говорятъ:

Идея объема, возбуждаемая словомъ кубизмъ, не опредѣляетъ цѣликомъ всего соотвѣтственнаго движенія въ живописи. Это движеніе (называемое кубизмомъ) доходитъ до интегральнаго осуществленія (réalisation integrale) живописи. Кубисты стремятся изъяснить все безконечное искусство въ границахъ картины *. Удовлетворимся пока этимъ цѣле-самоопредѣленіемъ кубизма. Дополнимъ его только соображеніемъ, что слово кубизмъ — случайное. Формы, даваемыя кубистами, конечно, не сводятся къ кубическимъ, а очень разнообразны. Кромѣ того — у кубистовъ — своеобразныя воззрѣнія на колоритъ и п. д.

* Gleizes et Metzinger, Du cubisme. Paris, 1912.

(Рись, пшеница и плевелы).

Откуда — кубизмъ? Изъ Китая. Откуда — всяческая живопись *. Тамъ, и въ древности и теперь, кубизмъ, — главнымъ образомъ, — въ скульптурѣ, которой онъ болѣе родственъ, чѣмъ живописи. Понятіе о кубизмѣ связано по преимуществу съ формой, а форма — сущность скульптуры. Правда, у кубистовъ появилась недавно и теорія колорита, но все же цвѣтъ (сущность живописи) у нихъ еще не расцвѣлъ. Въ Европѣ — кубическая живопись; кубической скульптуры почти совсѣмъ нѣтъ (Duchamp-Villon — несущественъ. Архипенко началъ кубическую скульптуру, но переходитъ къ футуризму).

200

Основатели кубизма: во Франціи — Cézanne, въ Россіи — Врубель. Кубисты ведутъ свою генеалогію отъ Courbet и, кромѣ того признають нѣкоторую связь между кубизмомъ и основами импрессионизма. Эта генеалогія кубизма, данная Gleizes'омъ и Metzinger, неполна и неясна. Courbet имѣетъ къ кубизму такое же отношеніе, какъ и ко всѣмъ остальнымъ реалистическимъ направленіямъ живописи.

Настоящаго кубизма у Courbet совершенно не было. Если мы признаемъ связь произведеній Courbet съ кубизмомъ, то съ неменьшимъ правомъ можно признавъ родоначальниками кубизма и всѣхъ остальныхъ живописцевъ - реалистовъ, начиная

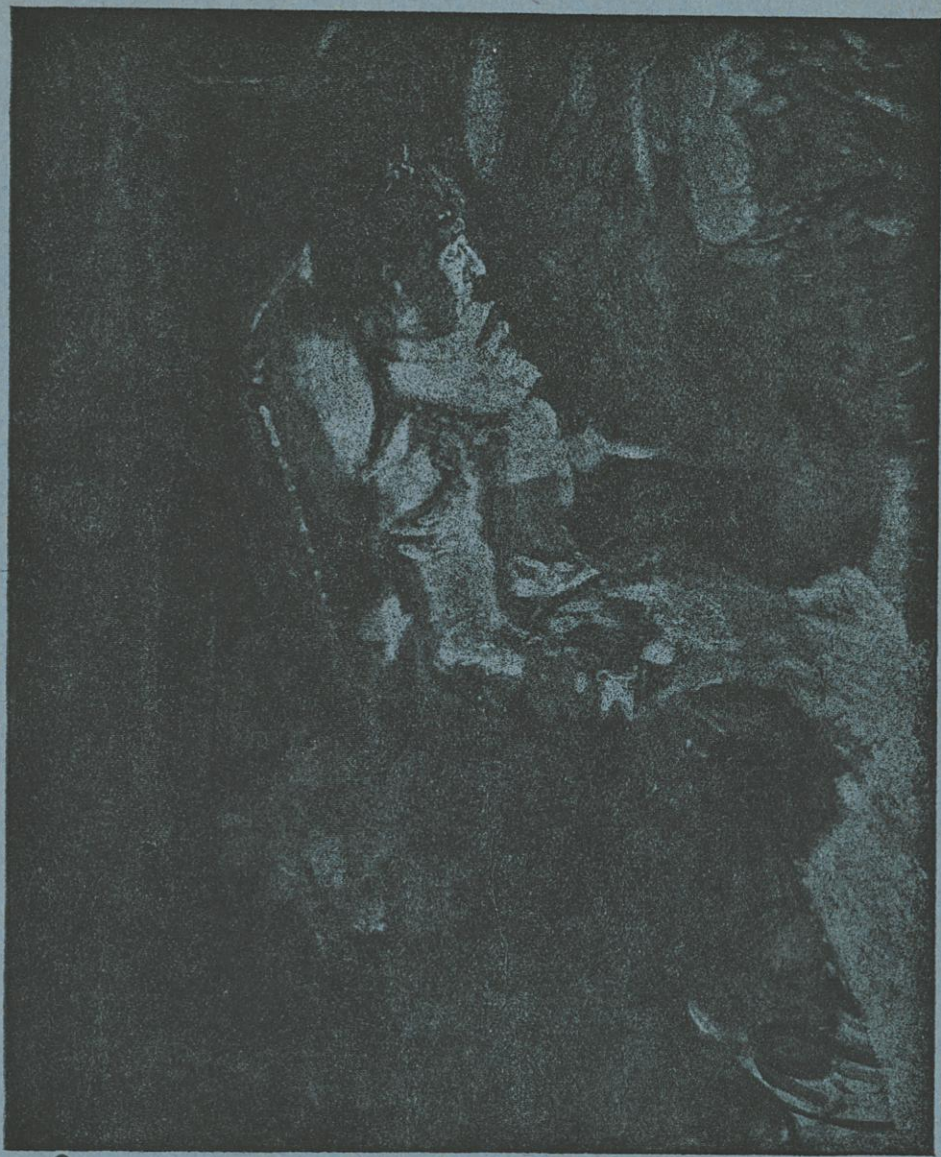
* И всяческая мудрость. Прим. ред.

съ древнѣйшихъ временъ. Съ нѣскольکو большимъ правомъ можно усмотрѣть зачатки идеи кубизма у импрессионистовъ, нарушившихъ традиціи правобѣрнаго натурализма.

Японцы подсластили суровую китайскую живопись и въ такомъ изнѣженномъ видѣ передали ее Парижу въ срединѣ XIX вѣка. Такимъ путемъ пришелъ импрессионизмъ. При посѣвѣ импрессионизма, въ землю упали и зерна кубизма, какъ лебедь въ пшеницѣ. Уже Manet и Degas были очень сильны въ формѣ, понимаемой по новому. Въ ихъ произведеніяхъ слегка намѣченъ пѣ завоеванія, которыя впослѣдствіи были сдѣланы Сézanne'омъ и Врубелемъ.

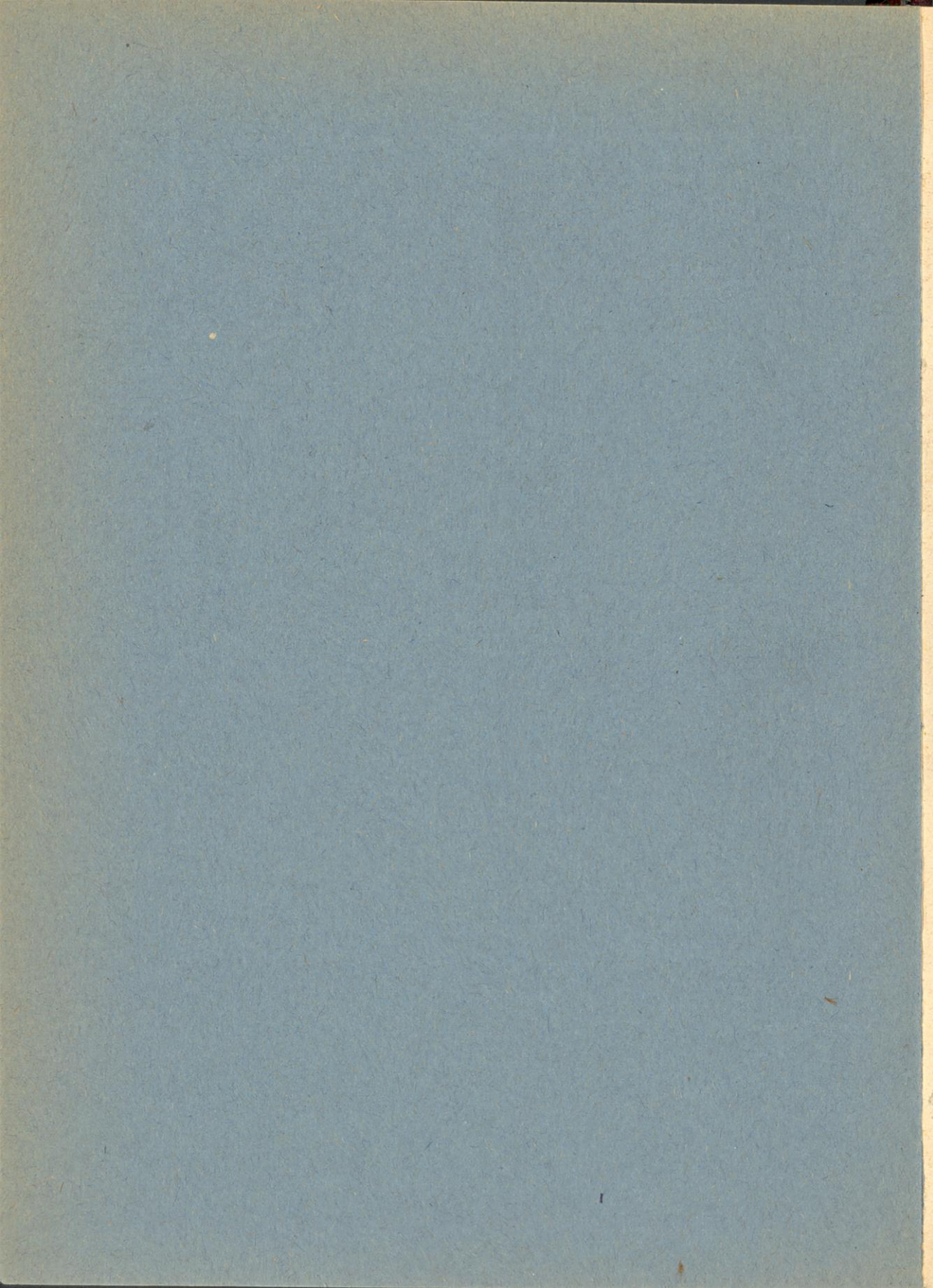
Для удобства изложения исторію кубизма можно искусственно раздѣлить на два періода. Первый изъ нихъ — до 1908 года, когда кубисты выступили впервые группой, сообща, и когда изобрѣтено самое слово ‚кубизмъ‘. Второй періодъ — отъ 1908 года до настоящаго времени.

Въ первомъ, такъ сказать, предварительномъ періодѣ, рѣчь шла почти исключительно объ объемахъ и вообще о формѣ. Тогда кубизмъ опредѣлялся своимъ стремленіемъ къ упрощеннымъ, геометрическимъ, такъ сказать, первоначальнымъ формамъ. Такое направленіе пластики старо, какъ свѣтъ, и, въ сущности, глубоко академично. Всѣ лица, занимавшіяся живописью въ старыхъ школахъ, помнятъ, что курсъ рисованія начинался изображеніемъ кубовъ, пирамидъ, цилиндровъ и т. д. Такимъ образомъ, живописца учили различать и предпочитать въ своихъ произведенияхъ существенныя пластическія цѣнности, типичныя для изображаемыхъ предметовъ. Однако до кубистовъ такое стремленіе живописи проявлялось очень неполно и, такъ сказать, робко. Кубисты такъ рѣшительно проявили въ своихъ произведенияхъ геометризмъ, что это явленіе показалось зрителямъ совершенно небывалымъ, новымъ, страшнымъ и незаконнымъ. Однако идеи объема, выявленныя кубистами, не покрываются словомъ геометризмъ. Въ противоположность геометріи эти идеи — эстетическія. Кубисты дали объемныя цѣнности, новыя концепціи. Въ ихъ произведенияхъ — художественныя сочетанія линій и поверхностей, живописное построеніе. Между прочимъ, идея композиціи, которая одно время отрицалась живописцами, восстановлена Сézanne'омъ.

Врубель.

Голубая дама.

Въ произведеніяхъ Сézanne'а и его послѣдователей композиція торжествуетъ настолькоъ, что въ жертву ей охотно приносятся и анапомія, и фотোগрафическое сходство и пр.

Кромѣ того, въ этихъ произведеніяхъ выдвинутъ вопросъ о конспрукціи *. Въ нихъ появилось то, что въ послѣдствіи было названо ,сдвинутой конспрукціей'. Вообще Сézanne'омъ впервые рѣшительно произведенъ такъ называемый, сдвигъ'. Онъ выразился не только въ измѣненіи прежней ,правильной' конспрукціи, но и въ иныхъ, разнообразныхъ парадоксальностяхъ. Картины стали раздражать художественное воображеніе зрителя кажушимися несообразностями. Вопросъ о ,сдвинутой конспрукціи' приобрѣлъ большое значеніе и сталъ предметомъ обсуждения послѣдней оцѣнки Сézanne'овскихъ nature morte'овъ и другихъ работъ послѣдняго періода его творчества. Эти и другія пластическія задачи развили технику кубизма и опредѣлили первыи періодъ его существованія.

203

У Сézanne'а были и своеобразныя достоинства колорита. По словамъ кубистовъ, Сézanne'а напрасно пытались представить косноязычнымъ гениемъ. Онъ далъ простой и чудесный методъ, путь къ овладѣнію всеобщимъ динамизмомъ. Отъ Сézanne'а кубисты узнали, что измѣняютъ окраску тѣла это значитъ разрушатъ его структуру. Онъ предсказалъ, что этиодъ первичныхъ объемовъ откроетъ неизвѣданные горизонты. Онъ показываетъ, что живопись уже—не искусство копировать предметъ посредствомъ линій и красокъ; она даетъ пластическое сознаніе нашему инстинкту. Кто понимаетъ Сézanne'а, тотъ идетъ по пути кубизма'.

Произведенія Сézanne'а очень разнообразны по основнымъ цѣностямямъ, которыя онъ далъ. Въ раннемъ періодѣ своего творчества, когда впервые выступаютъ его современники импрессионисты, онъ стоялъ въ сторонѣ отъ нихъ, не примыкая ни

* Тѣмъ не менѣе и до настоящаго времени у всѣхъ западно-европейскихъ художниковъ конспрукція остается старой по своему существу. Наступаетъ время для новой конспрукціи произведений искусства: изъ элементовъ, зависящихъ только отъ цѣлага, а не отъ частныхъ.

къ какой группѣ художниковъ. Его уже знали, но еще не цѣнили. (Между прочимъ, его другъ, Zola описалъ его въ своемъ ,l'Oeuvre', какъ непризнаннаго художника-новатора. Онъ не придалъ Claude'у прямого сходства съ Cézanne'омъ. Тѣмъ не менѣе Cézanne навсегда поссорился съ Zola изъ-за этого романа). Тогда Cézanne давалъ спройныя фигуры, прелестныя въ своей граціозной, спокойной гармоніи. Впослѣдствіи его мятежный духъ все сильнѣе и сильнѣе выражался въ пріобрѣтеніяхъ его техники. Послѣ простыхъ и сіяющихъ въ серебристой гаммѣ композицій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательна ,Mardis gras', онъ перешелъ къ широчайшему спильному, квадратному мазку. Наконецъ у него успановилась окончательна типичная для него фактура въ видѣ широкихъ мазковъ съ характеромъ наслоеній сланца. Вообще въ произведеніяхъ Cézanne'a 204

открылась высокая цѣнность фактуры. Какъ сдѣлана картина? Какъ положены краски? Фактура конечно была очень разнообразна у старыхъ классическихъ мастеровъ. Она была разнообразной у каждаго настоящаго живописца. Достаточно вспомнить рѣшительный мазокъ Рубенса. До послѣдняго времени фактура никогда не была предметомъ спеціального изученія, предметомъ увлеченія. Однако примѣру Cézanne'a слѣдуютъ многіе современные художники и въ ихъ числѣ Picasso.

Около 2 лѣтъ тому назадъ Давидъ Бурлюкъ далъ впервые подробный разборъ и классификацію фактуры. — Стаття Д. Б. о кубизмѣ въ ,Пощечинѣ общественнымъ вкусамъ'.

Почти одновременно съ Cézanne'омъ, но независимо отъ него, въ Россіи работала Врубель. У Врубеля кубизмъ впервые выразился совершенно открыто въ его эпюдахъ къ Демону, закончившихся плачевно, неудачными картинами Демона. Съ такимъ же блескомъ кубизмъ проявился и въ другихъ его произведеніяхъ. Въ живописи Врубеля выяснены и пластическія цѣнности поверхностей, и роль и взаимоотношеніе прямыхъ и кривыхъ линій. Рядомъ съ гармонической кристаллизацией формы мы видимъ здѣсь и сложную гармонію, выливающуюся наплывами, какъ въ шлакахъ.

Слово ‚кубизмъ‘ появилось въ 1098 г. и принадлежитъ Henri Matisse'у. Оно вырвалось у него при видѣ одной картинны, на копорой дома имѣли кубической видъ. Эстетика кубизма основана André Derain'омъ и Pablo Picasso.

205

Произведения Derain'a, богатыя пластическими цѣнностями и корипомъ, въ настоящее время еще не оцѣнены по достоинству. Derain остается въ тѣни, потому что онъ чуждается художественныхъ обществъ и парцій. Гораздо большую извѣстность приобрѣли уже первые опыты кубизма Picasso. Первымъ послѣдователемъ Picasso былъ George Braque, который выставилъ ‚кубическую‘ картину въ salon des indépendants уже въ 1908 году. Запѣмъ къ кубизму примкнули: Jean Metzinger, Robert Delaunay, Marie Laurencin и Le Fauconnier (salon des indépendants 1910).

Между первымъ и вторымъ периодами кубизма не было рѣзкой границы. Одни изъ кубистовъ, какъ Picasso, уже давно перешли ко второму периоду, а другіе, какъ Marie Laurencin, и до сихъ поръ ограничиваются формами, очень сходными съ природой. Рѣшительный поворотъ къ новому направленію кубизма былъ ясенъ уже въ первой совмѣстной выставкѣ кубистовъ, копорая осуществилась въ salon des Indépendents въ 1911 г. Распаденіе кубистовъ на группы (cubisme scientifique, physique, orphique et instinctif), объявленное Guillaume Apollinaire'омъ, * выходитъ изъ рамокъ этой статьи. Кроме того оно искусственно и не признается даже нѣкоторыми кубистами (напр. Delaunay'емъ).

* Les peintres cubistes. Парижъ 1913.

Второй періодъ кубизма ознаменовался спремленіемъ къ расширенію рамокъ живописи, появленіемъ новой теоріи колорита и рѣшительнымъ спремленіемъ къ созданію новыхъ пластическихъ цѣнностей, не существовавшихъ въ природѣ.

Въ 1907 году и въ послѣдующее время мы уже неоднократно высказывались по вопросу о правѣ живописца не ограничиваться передачей цвѣта и формы предметовъ.

Живописецъ можетъ изображать въ своихъ произведеніяхъ все, что возбуждаетъ въ немъ живописныя переживанія: движеніе, звукъ, ароматъ и т. д. Это право живописца признано въ послѣдніе года футуристами и кубистами и вообще стало безспорнымъ, а потому мы не будемъ подробнѣе разсматривать здѣсь этотъ вопросъ.

Къ тому, что уже сказано выше о мнѣніяхъ кубистовъ, добавимъ остальныя ихъ утверждения.

207 Живопись не должна быть декоративной. Карпина довлѣетъ сама себѣ, заключаешь сама въ себѣ право на существованіе. Ее можно безнаказанно переносить изъ церкви въ салонъ, изъ музея въ жилище.

Независимая и цѣльная по самому существу, она не удовлетворяетъ умъ сразу, немедленно. Наоборотъ, она увлекаетъ его понемногу въ фиктивные глубины. Она согласуется не съ тѣмъ или другимъ ансамблемъ — она согласуется со всѣми предметами сразу, съ вселенной: это — организмъ.

Познаніе искусства опспааетъ опъ творческихъ возможностей. Живописецъ даетъ символъ, выражающій соотношеніе между видимостью явленія и спремленіемъ своего ума. Символь, способный выразить качество формы и пронуть воображеніе зрителя.

Слишкомъ большая ясность неумѣстна.—*La bienséance exige une certaine fénebre.*

При изображеніи пространства нельзя ограничиваться ощущеніями конвергенціи * и аккомодациі **. Китайская живопись вызываетъ представленіе о пространствѣ, несмотря на то, что она изображаетъ предметы съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія (дивергенція). Чтобы установить живописное простран-

* Степень сведенія глазъ, необходимаго при взглядѣ на болѣе или менѣе близкій предметъ.

** Приспособленіе хрусталика глаза.

ство, слѣдуетъ обратиться къ осязательнымъ и двигательнымъ ощущеніямъ и ко всѣмъ вообще нашимъ способностямъ. Наша цѣльная личность преобразуется плоскостью картины. Плоскость эта, какъ-бы реагируя, отражаетъ личность художника во вниманіе зрителя.

Кубисты утверждаютъ, что существуетъ динамизмъ формы. У формы оказываются такія же способности измѣняться, какъ и у цвѣта. Она смягчается или оживаетъ опъ соприкосновенія съ другой формой. Она можетъ умножаться или исчезать. Эллипсъ измѣняется, если его вписать въ многоугольникъ. Случается, что форма, болѣе устойчивая, чѣмъ тѣ, которыя ее окружаютъ, господствуетъ надъ всей картиной, подчиняетъ себѣ тамъ всѣ предметы.

Пейзажисты, спарательно изображавшіе одинъ или два листа 208
дерева такъ, чтобы всѣ листья этого дерева казались нарисованными, доказываютъ этимъ, что они подозрѣвали упомянутое явленіе. Измѣнчивость формы чувствовали мастера, которые дали въ своихъ произведеніяхъ композицію въ формахъ пирамиды, креста, круга и т. д.

Компановать и давать конспрукцію—это значитъ регулировать нашей собственной активностью динамизмъ формы. Умѣнне рисовать состоитъ въ томъ, чтобы устанавливать отношенія между кривыми и прямыми. Картина, которая содержала бы только прямые, или только кривые, не выражала бы существующаго. То же самое было бы и съ картиной, въ которой кривые и прямые совершенно компенсировались бы взаимно, потому что совершенное равновѣсіе соответствуетъ нулю. Нужно, чтобы различіе отношеній линій было безконечнымъ. При этомъ условіи, оно воплощаетъ качество.

Далѣе, кубисты ошибочно утверждаютъ, будто бы кривая линія относится къ прямой такъ, какъ холодный тонъ къ теплomu. Крипикую импрессионистовъ (и нео-импрессионистовъ), кубисты отрицаютъ необходимость разложенія свѣта и пуанпилизма и ограничиваются ‚деградацией‘ оппѣнковъ цвѣта. Наиболѣе

безпокоить кубистовъ по обстоятельству, что нео-импрессионисты изгнали изъ живописи ‚нейтральные‘ цвѣта (черный и черноватый). По теоріи кубистовъ, освѣщатъ значить пробуждать. Давать колориты — специализировать возбужденіе.

Они называютъ свѣтомъ то, что поражаетъ умъ, сознание, и темнымъ то, отъ чего сознание гаснетъ. Съ представленіемъ о свѣтѣ они не связываютъ ‚механически‘ ощущенія блага, а съ представленіемъ о тмѣ — ощущенія черноты. Они считаютъ черныя матовыя драгоцѣнности болѣе свѣтлыми, чѣмъ бѣлый шелкъ.

209 Такое сопоставленіе, бытъ можетъ, и полезно для живописи, однако никакой остроумной игрой словъ кубистамъ не отыграются отъ справедливой крипики. Насколько они сильны въ техникѣ формы, настолько же болѣшинство ихъ слабо пока въ колоритѣ. (Сказанное конечно не относится къ чудесному колориту Cézanne'a. Кромѣ того, изъ современныхъ кубистовъ прекраснымъ колоритомъ владѣютъ А. Derain, Александра Эксперъ и др.). Неимпрессионисты даже утверждаютъ, что кубисты пишутъ просто грязью. Дѣйствительно, черноватые, пугія краски типичны для болѣинства кубистовъ, однако въ произведеніяхъ кубистовъ случаются и своеобразныя колористическія достоинства. ‚Любя свѣтъ‘, говорятъ кубисты, ‚мы отъ казываемся его измѣрять‘.

Кубисты утверждаютъ, что между формой и цвѣтомъ произведенія есть взаимодѣйствіе, взаимная зависимость. Каждое измѣненіе формы становится вдвое сильнѣе отъ одновременнаго измѣненія цвѣта (модификаціи колорита). Нѣкоторые цвѣта отказываются жениться на опредѣленныхъ линіяхъ. Есть поверхности, которыя не выносятъ извѣстныхъ цвѣтовъ, далеко отбрасываютъ ихъ или гибнутъ подъ ихъ непосильной тяжестью. Для простыхъ формъ дружественны основныя цвѣта, а для фрагментированныхъ, разбитыхъ — ‚les jeux chatoyants‘. Форму нельзя представить себѣ отдѣльно отъ цвѣта.

Предметъ не имѣетъ абсолютной формы. У него могутъ бытъ

различныя формы. Онѣ не совпадаютъ съ геометрической формой. Геометрія — наука, а живопись — искусство. Первая абсолютна, а вторая фатально относительна. Если это проповидно логикѣ, то пѣмъ хуже (для логики). Она никогда не помѣшаетъ вину бытъ различного достоинства въ химической репортѣ и въ стаканѣ пьющаго.

При видѣ произведеній кубистовъ, зрителямъ иногда кажется что это — начертапельная геометрія или ребусы и что авторы желаютъ наслаждаться опдѣльно отъ публики. Въ дѣйствительности этого нѣтъ. Они хопятъ дѣлиться своими профеями съ зрителями. Однако, по ихъ убѣжденію, большое очарованіе заключается въ картинѣ, если въ ней правильно измѣнена субстанція предмета (transsubstantié). Тогда произведеніе раскрывается съ нѣкоторымъ прудомъ и какъ бы ожидаетъ вопро- 210 совъ, чтобы постепенно отвѣтитъ на нихъ. Для защиты этого положенія, кубисты сбываются на мнѣнія Леонардо да-Винчи. Живопись такъ называемыхъ ,академическихъ‘ художниковъ до того правдоподобна, что она меркнетъ въ отрицательной правдивости. Послѣдняя — мать моралей и всякихъ лживыхъ вещей, которія, будучи справедливыми для всѣхъ, ложны для каждаго въ опдѣльности.

Далѣ слѣдуютъ положенія, общія для новой русской живописи, для ипальянскихъ футуристовъ, и для послѣдняго періода кубизма:

Изображатъ вѣсь вещей — такъ же законно, какъ и подражатъ освѣщенію. Столь же возможно и даватъ изображеніе предмета съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія одновременно. Вопросъ о пластическомъ динамизмѣ существенъ для всей вообще живописи. Нѣтъ техники кубистовъ, а есть просто техника живописи. Живописецъ, безъ всякой литературной аллегоріи и символики, можетъ изобразитъ въ одной и той же картинѣ тольво склоненіями (inflexions) линій и красокъ: китайскій или французскій городъ, горы, моря, фауну и флору, народы съ ихъ исторіей и желаніями, все, что раздѣляетъ ихъ во внѣшней реальности.

Разстояние и время, конкретный предмет и нечто отвлеченное, все может быть выражено на языкѣ живописца, какъ и на языкѣ поэта, музыканта и ученаго. Кубисты стремятся къ 'пластической интеграціи'.

Въ ихъ методѣ (какъ и во всей современной живописи) очень большую роль играетъ упрощеніе.

При этомъ они объявляютъ, что живопись безконечно свободна и признаютъ законы вкуса за единственные обязательные законы. Однако, они не признаютъ существованія хорошаго и дурного вкуса. Существуетъ только развитой или неразвитой вкусъ.

Въ заключеніе они апеллируютъ къ красотѣ и въ ней находятъ оправданіе и поддержку своей дѣятельности.

ПУБЛИКА И ,КРИТИКА‘ КУБИСТОВЪ.

Подвиги новѣйшей живописи внушили зрителямъ своеобразный перроръ.—Зрители согласны признавъ необходимость новыхъ приѣмовъ искусства, и главнѣйшіе изъ новыхъ художниковъ приобрѣли довольно широкую извѣстность. Особенно знаменитъ теперь Picasso. Зрителямъ нравятся его арлекины, пѣро, пѣяницы и вообще такъ называемыя ,юношескія произведенія‘. Всѣ же работы кубистовъ, написанныя ими въ послѣдніе годы, внушаютъ публикѣ ужасъ, смѣшанный съ острымъ любопытствомъ; но многіе скрываютъ свои чувства, не желая прослыть опспальми. Любили сильныхъ ощущений и снобы даже восхищаются ,дамой съ мандолиной‘ и ,музыкальными инструментами‘. Такъ относится къ кубистовъ крипика?

212

Большинство такъ называемыхъ ,крипиковъ‘ не скрываетъ своего отвращенія къ произведеніямъ кубистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ доходятъ въ своей антипатіи до суевѣрнаго ужаса. Такъ, напримѣръ, Александръ Бенуа даже пугалъ своихъ чипапелей тѣмъ, что Picasso и его сподвижники служатъ діаволу. Picasso—въ роли апостола сапаны. Недурно? журналъ Сергѣя Маковского говоритъ о произведеніяхъ Picasso и опспальныхъ кубистовъ въ 1913 г. такое: ,И вдругъ—страшное измѣненіе въ художественной личности Picasso, многими приписываемое душевной болѣзни! Picasso спалъ родоначальникомъ ,кубистовъ‘. Въ Россіи уже извѣстны эти полопна, на которыхъ нагромождены... нѣсколько пересѣкающихъ другъ друга призмъ, конусовъ и всякаго рода многогранниковъ, разломанныхъ и цѣлыхъ спиралей, проволокъ, колесиковъ, шаровъ и кубиковъ... Весь эпопъ хламъ

рыже-сѣраго цвѣта, на сѣро-рыжеватомъ фонѣ, всю ‚картину‘ пересѣкаетъ надпись печатными буквами ‚Кубеликъ‘, ‚Моцартъ‘. Это — кубизмъ въ крайнемъ его выраженіи.

Менѣе яркіе кубисты ограничиваются, какъ извѣстно, граненіемъ формъ природы... и составленіемъ изъ эпихъ и подобныхъ фигуръ звѣроподобій... Почему-то всегда что-то злое исходитъ изъ эпихъ новообразованій. Если кубисты — помѣшанные, то это маньяки, увлеченные идеей, непреодолимой никакими просвѣтленіями разума‘.

213 Вопь, господа, какъ опасенъ кубизмъ, какое счастье, что въ Россіи издается Аполлонъ! Существуютъ исключенія изъ общаго правила, — къ такимъ исключеніемъ относится А. Роспиславовъ, не боящійся произведеній Picasso. Но, очевидно, что этопъ критикъ попадетъ ‚къ черпу на рога‘. Его участъ predetermined, и напрасны были бы попытки спасти его тѣмъ или другимъ способомъ. Правило остается правиломъ: ‚критики‘ не признаютъ Picasso. Нѣкоторые изъ нихъ припворяются, что понимаютъ и любятъ живопись Picasso.

‚Передовые‘ нѣмецкіе критики пыпаются подвести подъ эту живопись теоретическія обоснованія, но при этомъ обнаруживается, что они совершенно не понимаютъ ея. Примѣромъ можетъ служить Людвигъ Келленъ. Онъ находить у Picasso ‚художественную волю, которая дѣйствуетъ, конечно, лишь, какъ особая концепція‘, ‚принципъ живой активности, въ которой рождается духовная сфера явленій‘, и т. п. высокопарныя фикции. Въ сущности, кубисты понятны почти исключительно живописцамъ, участвующимъ въ новѣйшихъ теченіяхъ искусства. Даже ближайшіе къ нему друзья новой живописи иногда оказываются очень далекими отъ ея пониманія. Извѣстный любитель произведеній кубистовъ, принимающій большое участіе въ ихъ дѣятельности, Guillome Apollinaire, выпустилъ въ 1913 г. книгу ‚Les Peintres Cubistes‘ Въ этой книгѣ, превозносящей Picasso и его товарищей, авторъ посвятилъ Picasso особую статью. Вся она состоитъ изъ возвышеннѣйшхъ, пустозвоннымъ фразъ и

туманностей. Тутъ естѣ и просыпающіеся боги, метафизика, и капехизисъ, и „Maman, aime moi bien“. Нѣтъ толькo почти ни одного слова о живописи Picasso. Очевидно, что не соблюдено правило, которое любилъ Voltaire. — Для того, чтобы мысль стала понятной для слушателя, нужно, чтобы ее понималъ самъ говорящій. Въ концѣ статьи естѣ нѣсколько понятныхъ строкъ и онѣ исчерпываютъ все отношеніе Apollinaire'a къ Picasso. Вотъ эти строки (послѣ упоминанія о томъ, что въ картинахъ Picasso встрѣчаются кусочки обоевъ, нотъ, журналовъ и п. п.):
Moi, je n'ai pas la crainte de l'art, et je n' ai aucun préjugé touchant la matière des peintres. Les mosaïstes peignent avec des marbres ou des bois de couleur. On a mentionné un peintre italien qui peignait avec des matières fécales; sous la révolution française, quelqu' un peignit avec du sang. On peut peindre avec ce qu'on voudra, — avec des pipes, des timbres-poste, des cartes postales ou à jouer, des candelabres... Il me suffit, à moi, de voir le travail, il faut qu'on voit le travail, c'est par la quantité de travail fournie par l'artiste, que l'on mesure la valeur d'une œuvre de l'art.)

214

„Я не боюсь искусства, и у меня нѣтъ никакого предразсудка относительно матеріала для живописи. Мозаисты пишутъ мраморомъ или цвѣтнѣмъ деревомъ; рассказываютъ, что одинъ италіанскій живописецъ писалъ каломъ; во время французской революціи кто-то писалъ кровью. Пусть пишутъ чѣмъ хотятъ: прубками, почповыми марками, открытками, игральными картами, канделябрами....

Что до меня, то мнѣ достаточно видѣть трудъ; нужно чтобы люди видѣли трудъ. О цѣнности произведенія искусства судятъ по количеству труда, вложеннаго въ него художникомъ“.

КОНЦЫ КОНЦОВЪ.

215 Такъ можетъ быть и правы тѣ, кто чураются кубизма? Конечно, нѣтъ! Подъ маской арлекина, выкидывающаго забавныя и подчасъ пугающія шуки, со звономъ бубенчиковъ, при восклицаніяхъ всяческихъ шарлатановъ, везущихъ свои телѣжки съ единственно вѣрными рецептами живописи, — идетъ радостное, свѣтлое искусство. Скоро уберутъ въ музеи ширмы съ мрачными, корявыми и все же драгоценными идолами, помазанными землистой вохрой съ зеленоватыми и другими временными колоритами. Вспомнятъ Gauguin'a съ его школой пуризма, и снова засяетъ въ живописи главная сущность ея — цвѣтъ. Увлечение формой, пережитое кубистами, не прошло безплодно. Открылись новыя цѣнности пластики. Усовершенствовалась техника живописи. Даже и для колорита кубисты сдѣлали нѣчто полезное. У нихъ — новая теорія колорита. Осуществленіе этой теоріи находится еще въ зародышевомъ состояніи. По необходимости приходится выполнять ее, какъ и всякую новую теорію, постепенно, ограничиваясь въ началѣ сопоставленіемъ малаго числа красокъ, — этимъ, до извѣстной степени, и объясняется бѣдность красокъ у Picasso и большинства кубистовъ.

Въ сущности, кубизмъ уже опходитъ понемногу въ вѣчность. На смѣну ему пришелъ еще болѣе звонкогласный футуризмъ. Въ послѣднихъ подвигахъ Picasso и его братіи уже перепутались карты футуризма и кубизма. Появились, картины, составленныя изъ полосокъ газетной бумаги въ перемежку съ кусками бумблочнаго стекла, спичечныхъ коробокъ, изогнутыхъ облом-

ковъ жести и п. д. до безконечности. „Живописи“ оказались
небезполезными даже старья подошвы, не мечтавшія прежде
о такой чести. Эта новая арлекинада заслуживаетъ особаго,
обстоятельнаго разсмотрѣнія. Теперь же пора свести концы
концовъ.

Въ наше великое время, когда въ официальной физикѣ упразд-
нена абсолютность времени и пространства.

Когда спроится новая жизнь въ новыхъ высшихъ измѣреніяхъ,
Бодрость переполнила и закружила головы арлекиновъ.

Опыты, одинъ другого пестрѣе, декорации, одна другой ло-
скутнѣе.

Что остается отъ праздничной суматохи?

Каждый „измъ“ приноситъ пользу техникѣ искусства.

Да будетъ все — настоящимъ.

Музыкѣ — звукъ.

Ваянію — форма въ тѣсномъ смыслѣ.

Слову — цѣнности нареченія.

Въ новомъ синтезѣ искусства мы знаемъ, гдѣ лежатъ зерна и
гдѣ — шелуха.

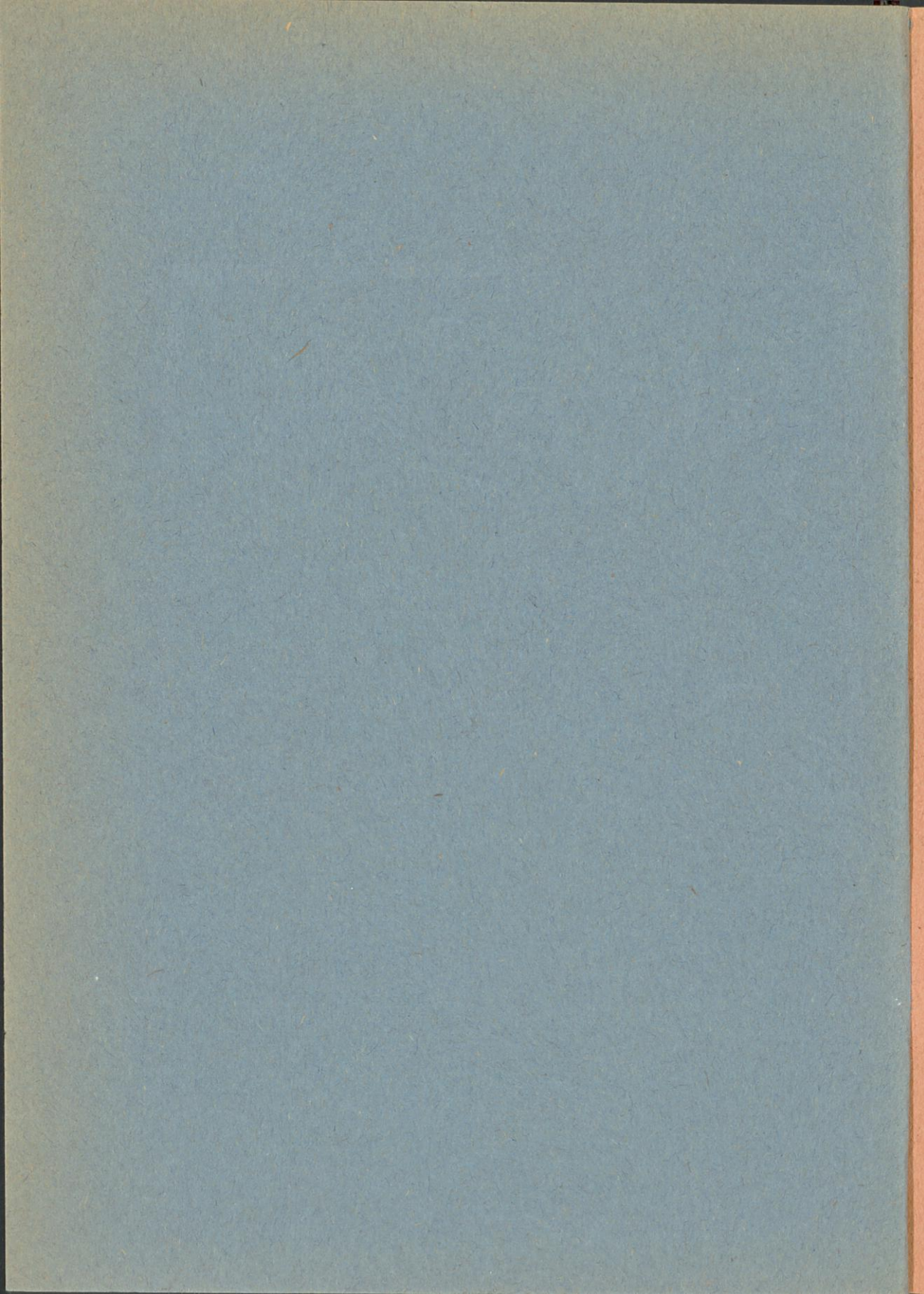
Живописная живопись — вопль лозунгъ живописца.

И все прочее — свобода.

В. Бурлюкъ.

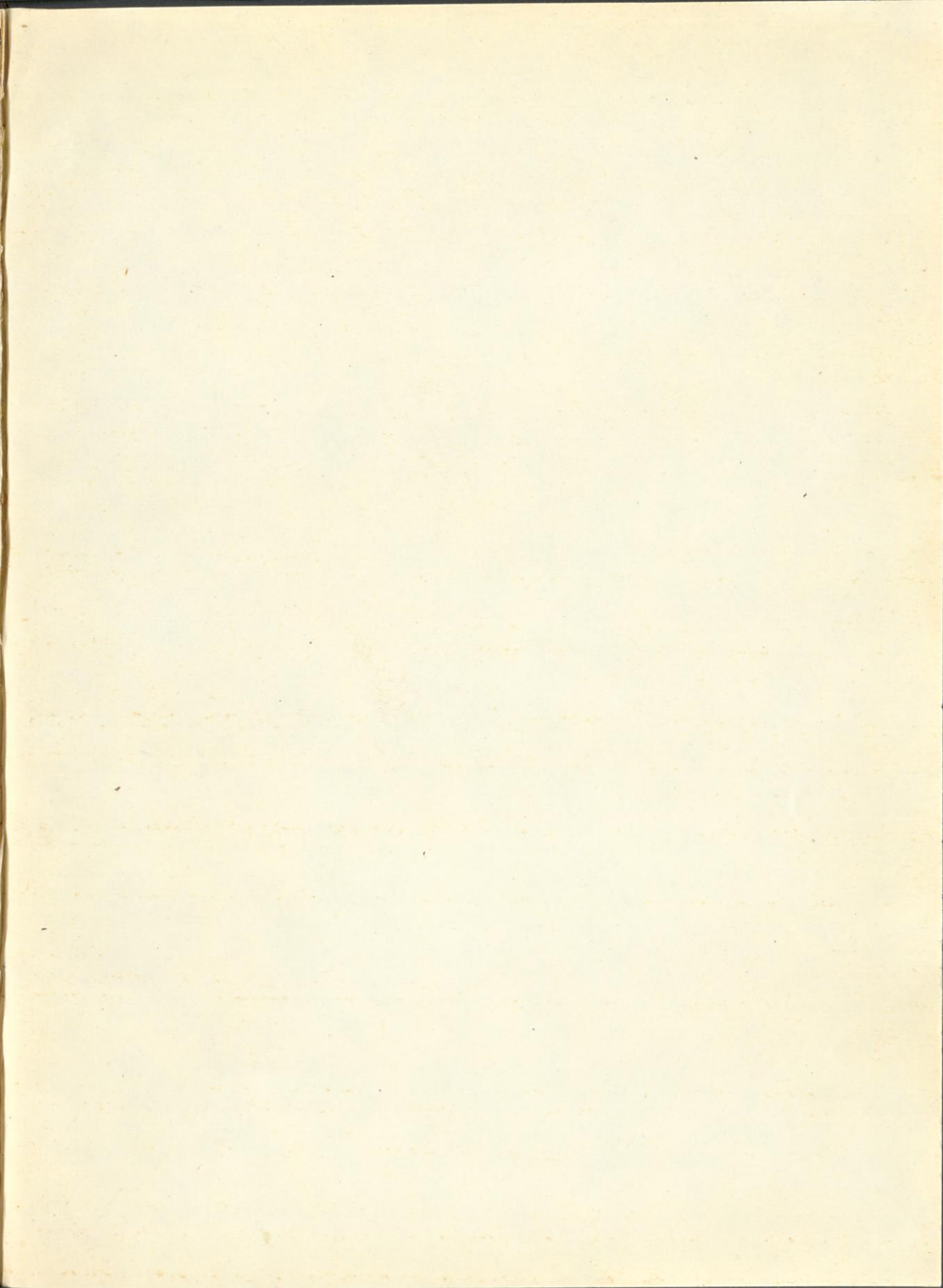
Фронтиспись.

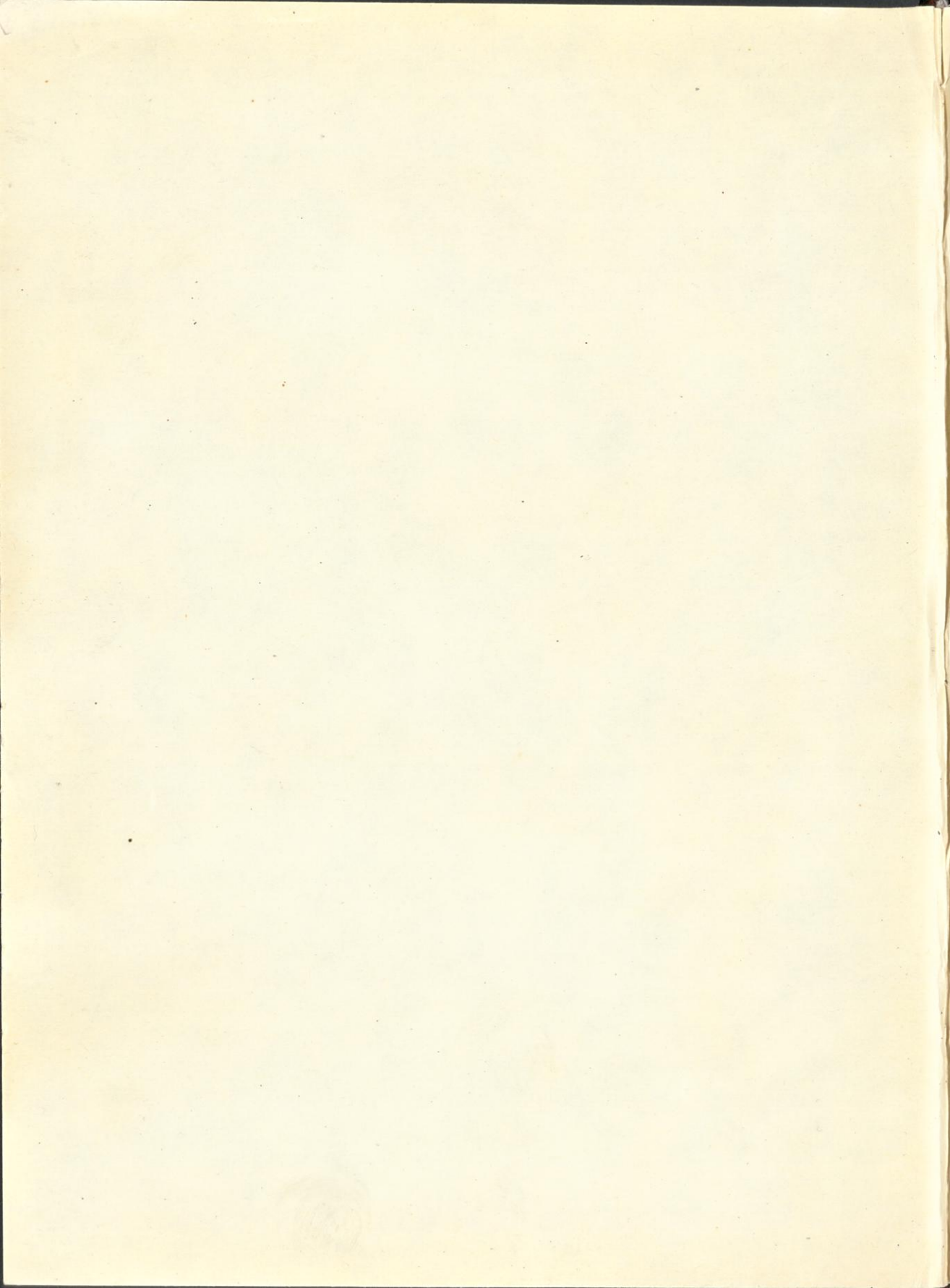

8807

20

~~174~~ V

RK 56/26

